

МОНОГРАФИЯ

Н. Г. Храмцова

ДИСКУРС-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ: от теории к практике применения

ISBN 978-5-4217-0144-6

9 785421 701446

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

43-38-36

Н. Г. Храмцова

Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения

Монография

Курган 2012

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор Пучков Олег Александрович

доктор политических наук, профессор Шерпаев Владимир Иванович

X 89 Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун. - та, 2012. - 180 с.

В современной правовой науке назрела необходимость интеграции и разработки накопленных юридической и смежными науками знаний в виде методологического подхода, в котором объект исследования осмысливается как носитель категориальных сущностей смежных дисциплин, а актуальной задачей является формирование отчетливых представлений о принципах, основаниях и закономерностях правовой деятельности (исключительно дискурсивной по своей природе) в условиях видоизменившейся в ходе развития общественных отношений среды и потребность в приложении теоретических конструктов, разработанных в рамках современных концепций и направлений юриспруденции и смежных дисциплин к объектам традиционных описаний юриспруденции. В качестве такого методологического механизма познания в свете указанных положений может выступить комплексный дискурс-правовой анализ.

В монографии предпринята попытка обоснования и комплексной разработки методологического подхода к исследованию правового дискурса - комплексного дискурсивного анализа (дискурс-правового анализа) - как системы методов и приемов интегрального разрешения теоретической проблематики юриспруденции на основе многоаспектного исследования информационно-динамической модели правового дискурса в задаваемых данным подходом координатах.

Важность изучения правового дискурса продиктована объективной сложностью дискурсивных практик и в связи с этим необходимостью поиска для юристов оптимальных путей эффективного воздействия на общественные институты, с одной стороны, и необходимостью понимания субъектами права истинного содержания «правовых команд», выраженных в нормах права, с другой стороны.

Исследование адресовано как профессионалам в области права, студентам-юристам, так и всем интересующимся вопросами коммуникационного взаимодействия в процессе правового регулирования.

ISBN 978-5-4217-0144-6

© Курганский
государственный
университет, 2012
© Храмцова Н.Г., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИОННО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА.....	8
1.1 Компонент правового дискурса «Субъект права»	11
1.2 Компонент правового дискурса «Рече-языковая деятельность»	19
1.3 Компонент правового дискурса «Правовая информация»	30
1.4 Компонент правового дискурса «Среда»	41
ГЛАВА 2. КОМПЛЕКСНЫЙ ДИСКУРС-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	57
2.1 Методология правового дискурса.....	60
2.2 Правовые основы дискурс-анализа.....	83
2.3 Принципы дискурс-правового анализа.....	95
ГЛАВА 3. РОССИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ ДИСКУРС	107
3.1 Общие закономерности формирования и развития российского правового дискурса.....	107
3.2 Маркеры качества правового дискурса	115
3.3 Технология анализа правового дискурса	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	158

ВВЕДЕНИЕ

При коммуникации люди сталкиваются с одной и той же проблемой, - проблемой координации общения¹. Координация их действий, включая речевые действия, требует наличия взаимно приемлемой регулирующей системы, которой следуют обе стороны, или, по крайней мере, должны пытаться ей следовать. Система правил общения позволяет прогнозировать диалог и управлять им. Таким образом, на первое место в исследованиях правовой коммуникации выдвигается диалог как способ «коммуникативно-социальной деятельности по обмену разного рода информацией, т.е. как сообщение адресанта адресату некоего (информативного и фатического) содержания для воздействия на его интеллектуальную и/или эмоциональную сферу, регулирования практических и ментальных действий, согласования речевых (и неречевых) поступков, деятельности и отношений - ради достижения желаемого результата»².

К мотивирующим общественным целям изучения особенностей правового коммуникативного процесса следует отнести потребности юридических и физических лиц в профессиональной сфере в продуктивном, эффективном общении. Объектом изучения в теории правового дискурса на современном этапе развития общественных отношений является не речь отдельного лица, а дискурсивная практика, практика беседы. Успешная профессиональная деятельность большинства специалистов в области права во многом определяется правильной, компетентной организацией деловых отношений, что в свою очередь зависит от грамотной организации, понимания и управления речевой деятельностью. Необходимо развивать навыки понимания и управления диалогом, что является базовой квалификацией для представителей юридической профессии. Научить участвовать в процессах общения, понимать их, влиять на ход ведения беседы - одна из труднейших задач обучения дискурсивно-коммуникативной компетенции. Развитие ее в целом, успешное пользование ею рассматривается как критерий успеха профессионала-юриста.

Овладение концептуальным аппаратом, методологическими принципами правового дискурса, системой навыков дискурсивного поведения, характеризующих компетентного специалиста в области права, выводит современное юридическое образование на новый тип диагностико-правовых и обучающих технологий.

Вместе с тем в настоящий момент реализация дискурсивно-коммуникативной компетенции специалиста-юриста в пространстве российской политико-правовой действительности осложнена рядом проблем. Первая заключается в утрате информационно-коммуникативного содержания ценно-

¹ Lewis D. Convention. A philosophical study. Cambridge, 1969. P. 50.

² Формановская, Н.И. Размышления о единицах общения / Н.И. Формановская // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 56.

стной гуманистической доминанты государственно-правовых отношений, отсутствия в сфере политико-правового и государственного управления четкой и обоснованной государственной идеологии. Вторая проблема – широкое использование манипулятивных технологий. На современном этапе отмечается тенденция к сокращению каналов обратной связи, в результате чего в обществе нарастает политическая апатия, усиливается недоверие к власти.

Совокупность названных явлений свидетельствует о несоответствии форм и методов информационно-правового взаимодействия субъектов права уровню развития общественных отношений, что позволяет говорить о деструктивной трансформации российского правового дискурса.

На сегодняшний день в некоторой степени существует кризис непрофессионализма, обусловленный непониманием специфики правового дискурса в связи с новым этапом общественного развития, характеризующегося огромным влиянием современных информационных технологий и электронных средств связи, и, как следствие, отсутствием адекватных этому развитию форм и методов правовой коммуникации в соответствии с изменившимися условиями.

Стремительное развитие электронных средств массовой информации в XX-XXI вв. привело к возникновению ряда противоречий между профессиональной коммуникативной практикой и дискурсивно-правовой компетенцией юриста. Это противоречия:

- между потребностью в изучении дискурсивно-правовой компетенции как интегрального психологического образования в структуре личности юриста и недостаточной разработанностью этой проблемы;
- между практической необходимостью в целенаправленном формировании осознанной дискурсивно-правовой компетенции и отсутствием новых юридических системных технологий ее формирования.

Кроме того, выделяются противоречия, связанные с овладением навыками осознанной дискурсивно-правовой компетенции личности юриста: в последнее время на первый план выдвигаются электронные средства коммуникации, имеющие высокий уровень технологического развития. Таким образом, жизнь насыщена многоплановыми высокоскоростными средствами коммуникации и продуктами их деятельности, представляющими собой синтезированные системы коммуникации, в то время как обучение по-прежнему остается ориентированным в основном на старые формы воздействия. Это требует некоторой переоценки приоритетов в области юридического образования. Результатом такой переоценки может стать интегрированный подход к обучению правовому общению. Здесь требуется новый уровень научных исследований – традиционные подходы и методы малоэффективны.

Одним из путей разрешения вышеперечисленных противоречий является изучение правового дискурса как процесса диалогической (полилогической) продукции, процесса взаимодействия, по меньшей мере, двух авторов в условиях постоянно изменяющейся среды его существования, процесса, в ходе изучения которого выявляются элементы деструкции правового дискурса

и определяются пути его модернизации.

Научной задачей данного исследования является применение комплексного дискурс-правового анализа как методологического подхода к теории и практике правового дискурса с целью выявления возможностей обеспечения единства информационной, правовой и коммуникативной сторон его сущности, целостности в процессе политико-правовых взаимодействий.

Сущность такого подхода заключается в том, что правовой дискурс рассматривается как структура и как процесс, который раскрывает свою природу при изучении его в контексте речемыслительной деятельности говорящего, передающего определенную информацию в диалоге с постоянно изменяющейся окружающей средой. В нем в фокусе внимания находится человек, выбирающий и употребляющий определенную информацию. Отсюда следует, что данный методологический подход вписывается в систему постулатов антропоцентрической парадигмы (см. Дридзе, 2000). Но помимо общей методологической установки данный подход содержит набор конкретных методических приемов анализа конструкций дискурса (основывающихся на выделении дискурсивно-правовых доминант в терминологии автора) и дискурсивных явлений в ходе непосредственного дискурс-правового анализа, собственно и составляющего компетенцию юриста, позволяющих раскрыть сущность информационно-правовых знаний и дискурсивную обусловленность их употребления.

Этот подход содержит в себе два основных общетеоретических концепта определения информации и коммуникации. Согласно первому информация как когнитивная ценность обеспечивает процесс коммуникации, транслирующий в речемыслительной практике запечатленные ею смыслы³. При втором коммуникация рассматривается как феноменологическое пространство, где опыт наполняется значением и смыслом, приобретает, благодаря информации, структуру, связность и цельность⁴. Исследование проблемы с учетом двух аналитических планов позволяет рассматривать динамику развития общественных отношений как информационно-коммуникативных, отражающих структурированную совокупность субъекта права как носителя правового мышления, рече-языковой правовой деятельности, правовой информации и окружающей среды, или правовой дискурс.

В современной правовой науке назрела необходимость интеграции и разработки накопленных юридической и смежными науками знаний в виде методологического подхода, в котором объект исследования осмысливается как носитель категориальных сущностей смежных дисциплин, а актуальной задачей является формирование отчетливых представлений о принципах, основаниях и закономерностях правовой деятельности (исключительно дискурсивной по своей природе) в условиях видоизменившейся в ходе развития общественных отношений среды и потребность в приложении теоретических конструктов, разработанных в рамках современных концепций и направлений

³ Попов В.Д. Социальная информациология и журналистика. М., 2007.

⁴ См.: Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003.

юриспруденции и смежных дисциплин, к объектам традиционных описаний юриспруденции. В качестве такого методологического механизма познания в свете указанных положений может выступить комплексный дискурс-правовой анализ.

Важнейшими условиями модернизации правового дискурса на основании полученных результатов применения комплексного дискурс-правового анализа являются совершенствование законодательной базы РФ, модернизирующей информационно-средовые взаимодействия в ходе правового дискурса и дискурсивных умений юристов, обеспечивающих эффективное осуществление речемышлительных операций.

* * *

ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИОННО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

Многообразие проявлений правового дискурса как объекта исследований диктует необходимость создания операциональной модели правового дискурса. Модель правового дискурса выполняет функцию «стержня», конкретизирующего сущность правового дискурса и позволяет отличить дискурс-правовые явления от всех остальных.

При этом признание существования некоторой универсальной модели правового дискурса не отрицает его постоянной изменчивости. Модель правового дискурса усиливает взаимосвязь между правовыми, лингвистическими, когнитивными и средовыми элементами изучения его в обществе. Она позволяет исследователю выявить корреляцию различных способов проявления правового дискурса с жизненным миром субъекта права. Значение моделирования определяется тем, что оно дает возможность представить образ исследуемого явления через описание его существенных признаков. «Полученный образ, с одной стороны, несет в себе уникальные черты той или иной интенциональной практики, а с другой – обнаруживает черты нормативности и социальной обусловленности. При этом надо иметь в виду, что все социальные модели производны, так как являются результатом обобщения идеальных объектов – социальных смыслов, конституированных интенционально ориентированным сознанием людей»⁵.

Не менее значимо влияние на исследования правового дискурса общей установки на функционализм, реализация которой ставит в качестве центрального вопроса научных исследований назначение изучаемого объекта, особенности его природы как предназначенности к выполнению каких-либо задач в правовой, идеологической, социокультурной и современной информационной реальностях. Наиболее отчетливо взаимодействие правового дискурса и среды его функционирования проявляется в процессе порождения речи, что заставляет нас обратиться к созданию и описанию его модели, а также определить роль и место в ней каждой категории. В качестве образца для создания авторской модели правового дискурса мы использовали разработки Хэллидея⁶.

Название «правовой дискурс» (исходя из социосемиотической теории Хэллидея) отражает *ситуативный тип дискурса*, по существу, модель, которую он понимает как инвариантную (неизменяемую в своих существенных характеристиках) структуру дискурса. Хэллидей предлагает всего три измерения этой структуры, три семиотических компонента — *поле, смысл и способ*⁷.

Поле — социально обусловленное действие, правовой контекст, в который включен дискурс. Как правило, оно концентрируется вокруг определен-

⁵ Пантыкина М.И. Феноменология правовой жизни: методология и социально-философский аспект исследования: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2010. С. 35.

⁶ Хэллидей М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М.: Мысль, 1978.

⁷ Там же. С. 109.

ной темы, которая реализуется через активизацию эмпирического и логического компонентов дискурса. Тему можно понять за счет ключевых тематических слов, типов логических предикатов (действие или событие), отбор которых определяется ситуативными условиями — временем, местом, отношениями субъектов права, допускающими или не допускающими данную тему в данном правовом контексте. Конкретные действия могут выражаться вербальными инструкциями типа «Встать! Суд идет!». Тема может видоизменяться в пределах одной ситуации, сигналом видоизменения служат слова другого тематического поля. Введение темы, ее поддержание, завершение, изменение тесно связаны не только с вербальными, но и невербальными средствами коммуникации, принятыми в данном обществе. Для того чтобы осуществлялась адекватная правовая коммуникация, необходимо важное условие — совпадение поля субъектов права, их знаний о мире права и общественном опыте речевого поведения.

Смысл как семиотический компонент «ситуационного типа» соотносится с межличностным компонентом дискурса. На лингвистическом уровне коммуникации вводятся понятия кода и регистра. Код понимается как социально обусловленный вариант языка, которым пользуется субъект права в силу его социального положения в обществе (стратификационная вариативность). Поскольку код как бы задан, постольку роль его в дискурсе в плане смысловой и оценочной информации ограничена. Регистр понимается как социально-экспрессивная установка субъектов права, от которой зависит тональность дискурса. Тональность (ситуативная вариативность) варьируется в зависимости от ситуации, намерений коммуникантов, их коммуникативных ролей, а также в зависимости от их отношений. Вся эта смысловая и оценочная информация передается при помощи просодических средств языка — интонации, ударения, при помощи слов, имеющих модальную окраску (должен, к сожалению, бесспорно), при помощи формул и грамматических конструкций, оцениваемых в данном обществе в «положительном» или «отрицательном» смысле. Тональность может видоизменяться в пределах дискурса; сигналом этого служат вербальные и невербальные средства.

Способ как семиотический компонент «ситуационного типа» сопряжен с текстуальным компонентом дискурса. Это, прежде всего, выбор канала, по которому осуществляется коммуникация — устная или письменная. Для лингвистического уровня коммуникации особую важность представляют функциональные характеристики дискурса, обусловленные целью и ситуацией коммуникации. Все они различны по коммуникативной цели, в каждом из них жесткими правилами предписывается определенная структура композиции, приемы связи речевых эпизодов, последовательность высказываний и выбор слов и словосочетаний, соответствующих высокому, среднему и низкому стилям, с которыми связывалось понятие о социальном престиже во многих странах вплоть до XIX в.

При построении же теоретической модели правового дискурса как типа осуществления речевого общения в качестве компонентов ее структуры, дей-

ствительно, можно выделить:

1) субъекты правового дискурса, носители правового мышления (*человек*);

2) рече-языковая коммуникация, осуществляемая по каналам передачи правовой информации и служащая удовлетворению определенных целей этапов правового регулирования (*деятельность*);

3) предмет правового дискурса - содержание речевой коммуникации (правовая *информация*, выраженная в правовых текстах и передаваемая с помощью юридического языка и иных знаковых форм: слов, правовых понятий, терминов, выражений, суждений и т.п.);

4) социокультурная, идеологическая, информационная и контекстуальная (ситуативная) реальности (*среда*).

Модель правового дискурса «человек – деятельность - информация – среда» (*ЧелДИС*) призвана постигнуть целостность правового дискурса изнутри (правовой дискурс – структура) и усилить эффект описания и интерпретации конкретных проявлений правового дискурса в среде (правовой дискурс – процесс). Интеграция двух ипостасей правового дискурса – структуры и процесса – определяет его специфику и позволяет проследить динамику его изменений.

Модификация модели Хэллидея предполагает и введение, для нашего анализа правового дискурса, категории «дискурсивно-правовая доминанта». На данном этапе формирования понятия «правовой дискурс» необходимо обобщить имеющийся фактологический материал с тем, чтобы определить наиболее существенные, постоянно действующие факторы, обуславливающие важнейшие характеристики правового дискурса, своего рода *дискурсивно-правовые доминанты*.

Дискурсивно-правовая доминанта – это социально обусловленная и доминирующая характеристика правового дискурса, которая нормативно закреплена в правовом речевом этикете и имеет статус категории.

В то же время дискурсивно-правовые доминанты не сводятся исключительно к регламентации деятельности и мышления субъекта права, но предполагают созидательную и преобразующую его деятельность.

В каждом из четырех компонентов структуры дискурса, в свою очередь, можно выделить составляющие их элементы, дискурсивно-правовые доминанты, описание которых и является релевантным при раскрытии сущности правового дискурса.

Выделение дискурсивно-правовых доминант позволит создать базу для сравнительного изучения различных типов правового дискурса в синхронии и диахронии и выявить механизм взаимодействия правовых, лингвистических, социокультурных и когнитивных факторов, доминирующая роль которых в исследованиях правового дискурса сильно варьируется.

Кроме того, выявление и описание дискурсивно-правовых доминант может помочь не только раскрыть *динамику* развития и изменения общественной системы ценностей, идеологических основ правового информацион-

ного пространства, но и через взаимообусловленность и взаимоопределяемость типов дискурсов исследовать содержание правового общения и адаптировать его соответственно **изменяющемуся контексту**.

* * *

1.1 Компонент правового дискурса «Субъект права»

Субъектами права являются индивиды или организации, которые на основании юридических норм могут быть участниками правоотношений, т.е. носителями субъективных прав и обязанностей⁸, другими словами, традиционно под субъектом права понимается формальный участник регулируемых законодателем правоотношений.

Правовой дискурс – это процесс информационно-деятельностного взаимодействия субъектов права, в котором участвуют правовые лица, взаимодействующие между собой в сфере правовой коммуникации, следовательно, каждый из таких субъектов права может рассматриваться как коммуникативный деятель. Особенностью данного процесса является то, что взаимодействие субъектов права в ходе него обеспечивается с помощью норм права, которые придают ему определенную правовую закрепленность. Правовое общение осуществляется посредством согласованности поведения субъектов права, определенной правом и закрепленной в правовых нормах. «При этом правовая коммуникация предполагает общение участников, их диалог (понимаемый не в смысле обязательного участия в нем только двух сторон, а в контексте противопоставления его монологу одной стороны или законодателя, правоприменителя)»⁹.

Вслед за С.И. Архиповым, для нас вполне очевидно, что *в правовом дискурсе личность является «центром», «фокусом», «стержнем» правовой коммуникации*. Взаимодействуют в процессе правового дискурса именно личности, именно они выступают здесь в качестве субъектов права. В названной работе предпринята попытка использовать системный анализ к исследованию субъекта права, рассмотрения разных аспектов его: в качестве лица (юридической внешности), правовой воли, участника правовых отношений, правового сознания, правового деятеля, правоспособности, дееспособности. Кроме того, выделяются, несомненно, и иные аспекты понимания субъекта права: как участника правового процесса, как субъекта правонарушения, как носителя правовой культуры и т.д. Аспекты правовой личности могут изменяться под влиянием внешних и внутренних факторов, поэтому автор признает, что субъект права как коммуникативный деятель не есть нечто постоянное, субъект права может прирастать новыми качествами

⁸ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии, 1996. С.343.

⁹ Архипов С.И. Субъект права. СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2004. С. 17.

и преобразовываться, а вместе с ним может изменяться и характер правового дискурса. Вместе с тем все выделенные аспекты субъекта права в целом составляют единое целое в понимании субъекта права как коммуникативного деятеля.

Использование автором системного анализа к описанию субъекта права выражается в совмещении философско-правового и психолого-коммуникативного направлений исследований. Этому способствует интегративный подход, применяемый в работе, который реализует идею синтеза, соединения разных аспектов субъектов права по общему основанию коммуникативного деятеля.

Правовая коммуникация носит формально закрепленный характер. Она «основывается не на принудительности, а на свободе личности, на установлении посредством закона и иных источников права взаимной заинтересованности граждан, на определении условий совмещения их волей»¹⁰.

Особенностью правового дискурса является наличие в нем посредника (законодателя, правоприменителя), который так же, как и субъекты права, не может выразить собственные притязания в качестве общих. Характер, содержание правового дискурса зависят не только от правоспособности и дееспособности субъектов права, но и от степени коммуникативно-правовой зрелости личности, ее готовности к осуществлению норм права, правовых связей, отношений, от осознания субъектом своих интересов, воли других лиц, от определения условий, алгоритма правового общения. Какие же свойства субъекта права становятся важными для характеристики субъекта права как коммуникативного деятеля? Наиболее полной, на наш взгляд, является характеристика таких свойств, данная С.И. Архиповым, которая детально описана им в упомянутой монографии. Субъект права рассматривается С.И. Архиповым как лицо – юридическая внешность (субъект с внешней стороны), как правовая воля, как совокупность правовых отношений, связей, как правовое сознание, как правовой деятель, как социально-правовая ценность, как праводееспособность (правосубъектность).

В нашей работе нас будут интересовать свойства субъекта права прежде всего как коммуникативного деятеля.

Коммуникативный деятель в правовом дискурсе, с одной стороны, обладает собственной волей субъекта юридических отношений. Правовое общение возможно только по собственной воле субъектов права. С другой стороны, субъект права в правовом дискурсе, как правило, не способен отказаться от своей коммуникативно-правовой роли в процессе правового общения. Вне зависимости от своей воли субъект права в процессе правового дискурса обязывается правом исполнять определенные правовые роли (например, функции производителя товара или исполнителя услуг). Причем право не просто определяет роль участника правовых отношений, но стремится максимально определить различные характеристики выполнения им этой роли в процессе правового дискурса (истец, ответчик, судья, свидетель и т.п.).

¹⁰ Архипов С.И. Указ. соч. С. 22.

Участниками правового дискурса являются субъекты права как представители общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное неравенство всех участников общения. Вместе с тем субъекты правового дискурса отличаются своим стремлением устанавливать различные барьеры для посторонних, степени юридической квалификации, юридические звания и членство в престижных юридических сообществах.

Важными характеристиками для анализа субъектов права являются сфера общения (бытовая или профессиональная), сочетание временных и пространственных рамок. Выступление перед массовым адресантом (например, двухчасовая лекция преподавателя университета для студентов-юристов) и покупка товаров в магазине – конкретные примеры различных сфер общения, использующих разные коммуникативные средства (вербальные и невербальные) в зависимости от условий общения.

Важным для анализа компонента «субъект права» становится выделение дискурсивно-правовых доминант.

Компонент **«субъект права»** характеризуется следующими дискурсивно-правовыми доминантами: а) статусно-ролевые характеристики; б) социально-коммуникативная активность; в) интенции и цели в коммуникации; г) мировоззренческие позиции и ценности; д) индивидуальные особенности.

Говоря о статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных характеристиках участников общения, Л.П. Крысин отмечает, что термином **«социальный статус»** обозначается «соотносительная (по оси «выше-ниже») позиция в социальной системе, определяемая по ряду признаков, специфичных для данной системы»¹¹.

Роль – это динамический аспект статуса, своеобразный шаблон прав и обязанностей. Она может быть обусловлена «как постоянными или долговременными характеристиками человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (роли мужа, отца, начальника, сослуживца и т.д.), так и переменными, которые определяются свойствами ситуации (роли пассажира, пациента, покупателя и т.д.)»¹².

«Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в коммуникативные стереотипы; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частоты повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т.п.»¹³. Коммуникативные стереотипы широко используются в правовом дискурсе, являясь основой формально закрепленного правового общения.

Диада схематичного описания субъекта права «агент (адресант) – клиент (адресат)», удобная для анализа участников других видов институционального дискурса, в правовом дискурсе нуждается в модификации. Дело в

¹¹ Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. С. 134.

¹² Крысин Л.П. Указ. соч. С. 134.

¹³ Там же. С. 135.

том, что задача агента - не только сформулировать правовую информацию, оценить ее и сообщить общественности, но и интерпретировать ее. Поэтому агенты как субъекты правового дискурса выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая при этом различные статусно-ролевые характеристики: юрист-законодворец, юрист-правоприменитель, юрист-исследователь, юрист-педагог, юрист-эксперт, юрист-популяризатор. Клиенты правового дискурса четко очерчены только на его периферии. Это широкая публика, которая пользуется услугами юристов-практиков для решения своих проблем, читает газеты, журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и обыватели, далекие от мира права, с другой.

Можно выделить следующие группы субъектов права с точки зрения статусно-ролевых отношений, выступающих в роли коммуникативных деятелей в правовом дискурсе:

1) представители коммерческих и некоммерческих организаций, которые являются специалистами в рассматриваемом вопросе, но не владеют юридическими знаниями;

2) обычные граждане, которые не являются специалистами в рассматриваемом вопросе и не обладают специальными юридическими знаниями;

3) представители органов государственной власти и местного самоуправления;

4) юристы: законодатели, преподаватели, правоприменители, ученые-исследователи, эксперты, популяризаторы.

Отдельно следует выделить группы субъектов права, принимающих участие в судебном разбирательстве:

- профессиональные участники процесса (судья, прокурор, адвокат, принимающие участие в рассмотрении дела в силу своих профессиональных и процессуальных обязанностей);

- народные заседатели (граждане РФ, избранные в установленном законом порядке для участия в отправлении правосудия судами первой инстанции по уголовным и гражданским делам. Они избираются на предприятиях и в организациях открытым голосованием;

- присяжные заседатели (граждане РФ, включенные в списки присяжных заседателей и призванные в установленном порядке законом к участию в рассмотрении судом дела);

- представители общественности (общественный обвинитель, общественный защитник, представители общественных организаций и трудовых коллективов, выполняющие в судебном заседании общественные обязанности);

- иные участники процесса (подсудимый, потерпевший, гражданский истец, специалисты, защищающие свои интересы или оказывающие помощь в рассмотрении дела, исполняющие возложенные на них законом процессуальные обязанности);

- родственники, близкие, друзья подсудимого и потерпевшего, заинтересованные в исходе дела;

- публика (лица, пришедшие в суд по различным мотивам).

Каждая группа выполняет свои процессуальные обязанности или играет определенные функциональные роли.

Присутствие разных адресатов в зале суда значительно осложняет деятельность коммуникатора, обязывает его тщательно продумывать свое выступление, отбирать соответствующие языковые средства, использовать специальные приемы воздействия на слушателей. Его речь должна быть, с одной стороны, достаточно профессиональной, отражать юридические тонкости дела, а с другой стороны, быть понятной даже самому неискушенному слушателю.

В целом, следует отметить, что субъектами правового дискурса с точки зрения статусно-ролевых отношений выступает множество людей с разной квалификацией.

Социально-коммуникативная активность. Говоря о такой доминанте субъекта права, как социально-коммуникативная активность, следует обратиться к анализу адресанта и адресата.

В зависимости от ситуации общения можно выделить абстрагированный образ *адресанта* (в газетном, письменном правовом дискурсе), когда его личностные характеристики и психологическое состояние не имеют коммуникативного приоритета; персонифицированный образ адресанта (в научном, телевизионном правовом дискурсе), когда личностные характеристики собеседника и его психологическое состояние значительно влияют на процесс коммуникации; отсутствие образа адресанта (в дискурсе чата, форума в Интернете), когда эта категория не влияет на процесс коммуникации. Сложно отнести к какому-то из этих типов образ адресанта, например, в правовом дискурсе преподавателя юридического вуза и студента-юриста, так как личность учителя предполагает определенную социальную и личностную дистанцию от аудитории, но в то же время мы не можем говорить о полной ее абстрагированности.

Так как любое общение, как и правовое, по своей сущности диалогично, образ *адресата* как содержательная сторона категории «субъект права» правового дискурса становится приоритетным. Обращение к виртуальному собеседнику или к массовому адресату преследует разные коммуникативные цели, в достижении которых используются разные средства (вербальные и невербальные).

Образы адресанта и адресата в связи с этим тесно связаны с понятием *коммуникативного лидерства*. В ситуации правового общения коммуникативным лидером будет являться тот, кто регулирует процесс коммуникации, направляя его к достижению поставленных коммуникативных целей. Так, в правовом дискурсе правоприменения несомненным коммуникативным лидером будет судья, выстраивающий процесс таким образом, чтобы все участники процесса строго соблюдали закрепленный порядок и достигли максимального эффекта общения. Напротив, в письменном правовом дискурсе коммуникативного лидера формально может и не быть (например, подача налоговой

декларации с помощью Интернет) – здесь можно говорить о коммуникативном равноправии собеседников.

Интенции и цели коммуникации. Основная цель любого общения – оказать определенное речевое воздействие на слушающего. Для достижения максимального результата при существующих условиях общения субъектами права используются различные коммуникативные стратегии, представляющие собой, по определению А.П. Сковородникова, «общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линию речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения»¹⁴. По мнению другого исследователя, И.Н. Борисовой, «коммуникативная стратегия предполагает отбор фактов и подачу их в определенном освещении, заставляет говорящего соответственно организовывать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств»¹⁵.

Анализируя правовой дискурс, можно выделить следующие *коммуникативные стратегии*, используемые субъектами права:

- содействующую (например, помощь адвоката клиенту);
- объясняющую (например, сообщение правовых знаний, интерпретация правового акта);
- оценивающую (например, наличие градации оценочных стереотипов, направленных на выработку системы правовых ценностей);
- контролирующую (например, получение объективной информации о протекании процесса правового регулирования, осознании и принятии системы правовых ценностей субъектами права), и, наконец,
- организационную (например, этикет, трафаретные формулы, система штрафов).

Стратегии правового дискурса определяются его частными целями: 1) определить проблемную ситуацию и выделить предмет рассмотрения, 2) проанализировать историю вопроса, 3) сформулировать цели и задачи юридической деятельности, 4) обосновать выбор путей и способов разрешения правовой ситуации, 5) прокомментировать и обсудить результаты работы по данной юридической проблеме, 6) дать экспертную оценку проведенной работе, 7) изложить правовую информацию в форме, приемлемой для специалистов и неспециалистов (профессионалов и широкой публики).

Коммуникативные стратегии реализуются при помощи различных *коммуникативных тактик*. Большинство исследователей этого вопроса (И.Н. Борисова, О.С. Иссерс¹⁶, А.П. Сковородников¹⁷, И.В. Труфанова) опре-

¹⁴ Цит. по: Гагарская Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре объявления о знакомстве // Речевое общение (теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. Вып. 8-9. Красноярск, 2006. URL: www.library.krasu.ru/ft/ft_articles/0113957.pdf.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Иссерс О.С. Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007.

¹⁷ Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. М., 1981.

деляют данный термин как набор определенных действий, или клише, которые конструируют коммуникацию.

Нам кажется важным отметить, что коммуникативные тактики в целом универсальны и могут использоваться не только в отдельно взятом дискурсе. В частности те тактики, которые выделяют О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина (2001)¹⁸ (неожиданный аргумент, апелляция к авторитету, юмор, подмазывание аргумента - явный или скрытый комплимент собеседнику, мнимая уступка, абстрагирование, позволяющее избегать конкретной информации и тем самым затруднять проверку содержания сообщения, и др.), применимы не только в правовом, но и в рекламном, газетном, деловом и других дискурсах.

Мировоззренческие позиции и ценности. Процессы познания и коммуникации при взаимодействии с природой и другими людьми, обществом прежде всего связаны с организацией движения и взаимообращения их результатов в сознании индивида. Все объекты обладают для индивида значениями, важными для него в конкретный момент его жизнедеятельности, но в то же время социальными по своей сути. Эти значения актуализируют концептуальные структуры индивидуального образа мира.

В сознании индивида постоянно осуществляется деятельность, направленная на построение образа мира (концептуальной схемы, образа мира, индивидуальной картины).

Создание и формирование мировоззренческих позиций происходит из концептуальной схемы индивида и обеспечивает координацию концептуальных схем в процессе коммуникации, а также при порождении социально значимого знания, в том числе и правового.

С точки зрения различных подходов (семантического, культурологического, психологического, логико-понятийного) *концепты* рассматриваются как ментальные способы репрезентации действительности в сознании людей, как «сгустки смысла», несущие важную культурную информацию и находящие свое конкретное выражение в виде знаков (в широком понимании знака) в языке, в искусстве и т.д.

Как элементы концептуальной картины мира концепты интегрируют всю парадигму миров, начиная от восприятия жизненного мира и повседневности до научной интерпретации, отражающейся в понятиях. В силу этого концепт представляет собой смысловое образование, которое включает субъективные смыслы и общепринятые конвенциональные значения, т.е. все потенциальное смысловое содержание познаваемого объекта или явления.

Область взаимодействий человека с миром в сознании включает в том числе и область взаимодействий человека с собственными описаниями мира, говоря другими словами, включает и *отношение* индивида к миру (*модальность*).

Под *категорией модальности* понимается отношение к действительности

¹⁸ Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. М., 2001.

сти в представлении говорящего¹⁹. Оценка говорящим мира с точки зрения реальности/ирреальности, возможности, необходимости или желательности, степень уверенности сообщаемого, эмоциональная и качественная оценка содержания высказывания – характеристики, применимые не только к участникам дискурса, но и к самому дискурсу в целом. В правовом дискурсе правоприменения (например, в работе следователя) категория модальности проявляется, в частности, на уровне построения доказательства выдвинутых положений или гипотезы на основе проведенных следственных экспериментов. Проявление эмоциональности здесь недопустимо в силу необходимости логично и четко систематизировать и изложить материал и на основе него сделать точные выводы. Напротив, общение в неформальной обстановке (например, обсуждение нового закона пассажирами в автобусе) характеризуется достаточно сильным разбросом модальности с обязательной эмоциональной оценкой происходящего.

Индивидуальные особенности. Субъект права в правовом дискурсе может приобретать специфические индивидуальные *особенности* коммуникативного деятеля. Выделяются различные критерии коммуникативного деятеля в правовом дискурсе:

1. Возраст. Например, клиентом может быть ребенок или престарелый человек. Очевидно, что воспринимать один и тот же документ они будут по-разному.

2. Родной язык. Юрист, к которому на прием пришел иностранец, должен иметь в виду, что его клиент не является носителем данного языка. Кроме того, не всегда бывает просто подобрать адекватный перевод юридических или иных специальных терминов.

3. Уровень образования и начитанности. Может возникнуть ситуация, когда клиентом является плохо читающий человек; либо, наоборот, юрист-профессионал.

4. Осведомленность в предмете дела. Можно не быть специалистом, но владеть материалом о рассматриваемом вопросе.

5. Взгляд, точка зрения клиента. Следует учитывать, имеет ли клиент свой взгляд на рассматриваемый вопрос. Если клиент имеет противоположную точку зрения, то необходимо усилить аргументацию.

6. Физические и иные проблемы клиента. Например, клиенту со слабым зрением требуется распечатка документа более крупным шрифтом. Кроме того, клиент может быть чувствителен к некоторым аспектам предмета дела.

7. Индивидуальные черты. Могут быть проблемы с половым, национальным признаком, социальным статусом, образованием.

Итак, подводя **итог** всему вышесказанному, можно констатировать, что субъект права в процессе правового дискурса выступает как совокупность свойств, присущих ему (в качестве лица (юридической внешности), правовой

¹⁹ Хлевава Ю.А. Типы модальных значений // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 7. 1999. URL: http://www.amursu.ru/vestnik/7/9_7_99.html.

воли, участника правовых отношений, правового сознания, правового деятеля, правоспособности, дееспособности). Кроме того, выделяются и иные аспекты понимания субъекта права как коммуникативного деятеля, проявляющиеся в виде совокупности дискурсивно-правовых доминант, к которым относятся: *статусно-ролевые характеристики; социально-коммуникативная активность; интенции и цели в коммуникации; мировоззренческие позиции; индивидуальные особенности.*

* * *

1.2 Компонент правового дискурса «Рече-языковая деятельность»

Право – одно из общественных явлений. По своей природе оно входит в систему общественных отношений, появляется и действует лишь в ситуациях человеческого общения, открыто для познания и оценки любыми лицами, это публичный феномен. Именно поэтому право может быть рассмотрено сквозь призму общения, информации, передачи сведений и коммуникации. Все эти формы *деятельности* осуществляются посредством языка и транслируются в специфической языковой форме.

Под *деятельностью* как одним из наиболее важных компонентов правового дискурса нами понимается рече-языковая коммуникация, осуществляемая по каналам передачи правовой информации и служащая удовлетворению определенных целей этапов правового регулирования.

Реализуя наше намерение сформулировать характеристики компонента «деятельность» как рече-языковой правовой коммуникации, мы не можем избежать вопроса о проблеме типологии (классификации) правового дискурса. Каждый из этапов правовой коммуникации в соответствии с удовлетворением его целей соотносится с тем или иным типом рече-языковой деятельности, типом правового дискурса. Решению вопросов о типах (видах) изучаемого объекта будет посвящена эта часть нашего исследования.

По сравнению с высказыванием дискурс представляется более сложным речевым произведением, в котором, наряду с частными коммуникативными установками, содержится стратегическая коммуникативная установка. Коммуникативная установка подчинена принципу интенции и может быть соотнесена с целями стадий правового регулирования: правотворчества, толкования, правоотношения, реализации и применения права. По этому признаку интенции строится пятичастная типология дискурсов в праве — выделяются координирующий (англ. *coordinative* «согласованный»), комплементарный (англ. *complementary* «дополнительный»), интеграционный, ориентационный и компететивный (англ. *competitive* «конкурирующий») типы. Каждый из них имеет свою стратегическую установку.

Для каждого типа дискурса в праве характерны следующие особенности:
- *тематическая связность* — содержание речевого фрагмента (моноло-

гического или диалогического) концентрируется вокруг определенной *правовой* темы;

- *ситуативная обусловленность* — речевые действия актуализируются в конкретной коммуникативной ситуации, характерной для *правовой* коммуникативной сферы;

- *динамичность* — видоизменение темы даже в условиях одной и той же коммуникативной ситуации; изменение темы может быть спонтанным или постепенным, логически обоснованным и необоснованным, намеренным и ненамеренным; динамичность может проявляться и в смене общей тональности дискурса;

- *социальная ориентация* — в речевых фрагментах актуализируются важнейшие категории правовой коммуникации — социальный статус, коммуникативные роли, коммуникативная установка, ценностные ориентации субъектов права;

- *неоднородная структурированность* — проявляется по многим параметрам функционального и когнитивного аспектов правовой коммуникации благодаря тому, что в дискурсе актуализируются как правовые, так и языковые факторы;

- *недискретность* — неопределенность границ дискурса как целостного речевого произведения; в отличие от высказывания, дискурс не обладает выраженной целостностью, законченностью. Впрочем, в содержательном плане признаками целостности дискурса могут служить коммуникативная ситуация и тематическая связность. Формальными признаками целостности могут быть невербальные сигналы, обозначающие конец разговора, или паузы, переключающие коммуникантов на другую тему. В письменной форме это выражается красной строкой абзаца.

Особенности рече-языковой деятельности как компонента правового дискурса проявляются в различении его типов.

Типы правового дискурса как разновидности компонента «деятельность» выделяются на основании стадий правового регулирования.

В теории права общепринято рассматривать правовое регулирование в виде систематического воздействия, осуществляемого правом как нормативным, общеобязательным регулятором. Являясь социальным регулятором, оно целенаправленно, организовано (упорядочено) и результативно. Система правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативность воздействия на общественные отношения, определяется С.С.Алексеевым как механизм правового регулирования²⁰.

Элементами механизма правового регулирования выступают юридические нормы (регуляторы, программирующие модели поведения, описанные в нормах запрещающих, обязывающих и управомочивающих), правоотношения (отношения, обеспечивающие перевод описанных моделей в фактическое поведение субъектов), акты реализации прав и обязанностей (фактические действия субъектов, с помощью которых осуществляется выражение в правах и

²⁰ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С.23.

обязанностях возможностей требования). В динамике механизм правового регулирования представлен стадией издания юридических норм, стадией возникновения правоотношений, стадией реализации субъективных юридических прав и субъективных юридических обязанностей (соблюдением, исполнением, использованием).

В отечественной литературе высказываются различные суждения относительно количества и наименования стадий процесса правового регулирования. Так, С.С.Алексеев - один из первых разработчиков этой проблемы - выделяет три основных и одну факультативную стадии. К основным он относит стадию формирования и действия юридических норм, стадию возникновения прав и обязанностей (правоотношений) и стадию реализации этих прав и обязанностей. В качестве факультативной называет стадию применения права²¹.

Аналогичного мнения придерживаются Н.Л.Гранат и В.В.Лазарев²², А.В.Малько²³, Р.К.Русинов²⁴ и А.Ф.Черданцев²⁵.

Их позиции отличаются лишь тем, что они несколько иначе называют первую стадию (А.В.Малько называет её стадией издания нормы права и её общего воздействия, Р.К.Русинов - стадией возведения в закон, придания строгих юридических форм нормам права, А.Ф.Черданцев - стадией общенормативного регулирования) и не все из них выделяют стадию применения права (Р.К.Русинов и А.Ф.Черданцев).

Всех названных исследователей объединяет то, что в процесс правового регулирования они не включают правотворчество. Данную точку зрения высказал в 1976 году Л.С. Явич, который подчеркнул, что процесс правообразования на практике является предпосылкой и нормативной основой воздействия права на общественные отношения²⁶. Эта точка зрения была поддержана С.С.Алексеевым²⁷ и рядом других исследователей. Вместе с тем существует и иной взгляд на данный вопрос. Так, В.Б.Исаков, выделяя такие этапы процесса правового регулирования, как регламентацию общественных отношений, возникновение субъективных прав и юридических обязанностей и реализацию этих прав и обязанностей, под регламентацией общественных отношений подразумевает разработку юридических норм, т.е. правотворческую деятельность²⁸. В.К. Бабаев, говоря о таких стадиях правового регулирования, как регламентация общественных отношений и действие юридических норм, под регламентацией понимает издание правовых норм, т.е. опять-таки правотворческую деятельность²⁹. В.М.Сырых первую стадию правового регулирования прямо называет стадией правотворчества, выделяя наряду с ней стадию

²¹ Там же. С.26.

²² Общая теория права и государства / Под ред. В.В.Лазарева. М., 1994. С.308

²³ Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т.2. С.439.

²⁴ Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 267-268.

²⁵ Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996.С.166-167.

²⁶ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.204.

²⁷ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981.Т.1.С.306.

²⁸ Теория государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М., 1985. С. 298-299.

²⁹ Бабаев В.К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах. Горький, 1990. С. 29.

реализации норм права и стадию применения юридической ответственности к правонарушителям³⁰.

Таким образом, вопрос о стадиях процесса правового регулирования - это вопрос не только о количестве и наименовании стадий данного процесса, но и о понимании правового регулирования. В зависимости от того, включается или не включается в его состав правотворчество, меняется смысловое значение понятия «правовое регулирование», а следовательно, и содержание понятия «правовой дискурс».

Во-первых, о правовом дискурсе можно говорить как о рече-языковой деятельности субъектов права, осуществляемой в процессе информационно-средового взаимодействия в правотворчестве, которая имеет своей целью регламентировать общественные отношения, с помощью принятых нормативно-правовых актов. Когда мы изучаем принятый государством нормативный акт, мы уже получаем информацию о том, какие общественные отношения и как регулируются этим актом, даже если он еще не вступил в силу. Исходя из полученной информации, мы можем судить о правовом регулировании соответствующих общественных отношений и выбирать соответствующую модель поведения.

Во-вторых, информационно-средовое взаимодействие осуществляется и в процессе толкования норм права. При толковании норма права должна быть понята, интерпретирована, истолкована для того, чтобы можно было ее использовать. Правовой дискурс на этом этапе правового регулирования несомненно влияет на характер правового общения.

В-третьих, о правовом дискурсе можно говорить, имея в виду функционирование правовых норм и их реализацию. В данном случае правовой дискурс понимается нами как процесс и результат фактического воздействия норм права и других правовых средств на правовые отношения.

Наконец, о правовом дискурсе можно говорить в самом широком смысле, увязывая в одно целое и рече-языковую деятельность субъектов права, осуществляемую в процессе информационно-средового взаимодействия в правотворческой деятельности, толковании норм права, правоотношений и при действии правовых норм с их реализацией.

Различные стадии правового регулирования предполагают и различный правовой дискурс. Это отражается в понятии типа правового дискурса.

Под типом правового дискурса нами понимается форма рече-языковой информационно-коммуникативной деятельности государства, должностных лиц и иных субъектов права, которая осуществляется на основе соблюдения требований закона и других нормативных актов, и ее результаты всегда влекут определенные юридически значимые последствия или связаны с их наступлением. Указанные два момента выступают в органическом единстве и являются главными определяющими свойствами типов правового дискурса.

Типология правового дискурса соотносится со стадиями правового регулирования: правотворчества, толкования, правоотношений, реализации и

³⁰ Сырых В.М. Указ.соч. С.129-132.

применения права и определяется как координация, согласование (координирующий, согласующий тип правового дискурса), дополнение (комплементарный тип правового дискурса), интеграция (интеграционный тип правового дискурса), ориентация (ориентационный тип правового дискурса) и конфликт (компететивный тип правового дискурса).

Цель правового дискурса на стадии правотворчества – создать такую объективную норму права в форме нормативно-правового акта, которая бы носила всеобщий характер и была принята всеми субъектами права. Другими словами, процесс информационно-правового взаимодействия в данном случае будет успешным, если законодатель в процессе правотворчества достигнет консенсуса, взаимопонимания со всеми, кто эту норму должен соблюдать. Без такого согласования норма не начнет «работать», не станет «общим размером» для конкретных обстоятельств. Это **координирующий**, или **согласующий** тип правового дискурса. Специфика данного типа правового дискурса раскрывается в типе общественного института, который в коллективном сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (законе), связывается с определенными функциями, ритуалами и поведенческими стереотипами, а также текстами, производимыми в этом правовом образовании.

Успешность правового дискурса при толковании зависит от единодушия в понимании, интерпретации нормы законодателем и правоприменителем. Толкование не только раскрывает значение нормы, но зачастую и дополняет его, поэтому и дискурс в данном случае называется **комплементарным**, или **дополняющим**. Индивидуальная интерпретация смысла правовой нормы зависит от компетенции субъектов права, от того, что они думают, осознавая право. Цель данного типа правового дискурса – не только интерпретация, но и объяснение норм права, специфика его состоит в том, что этот тип правового дискурса является основой для формирования правового поведения, поэтому одной из важных составляющих его выступает дефинирование. Дефиниции в этом типе правового дискурса отличаются от логических, так как для объяснения признак достаточности (то есть опоры на знания субъектов права) не менее важен, чем признак полноты (то есть объективной характеристики правовой нормы).

В процессе правоотношений правовой дискурс часто осуществляется между субъектами права, выступающими в роли обыкновенных людей, и сводится почти к бытовому общению. Такой тип дискурса называется **интеграционным**. Его особенность состоит в том, что это общение полилогично по своей сути, протекает пунктирно и является естественным исходным типом правового дискурса. Этот тип характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью. Специфика данного типа правового дискурса заключается в том, что зачастую он носит бытовой характер, для которого характерно стремление максимально сжать информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и по-

этому актуальной является лишь модальная квалификация происходящего. Нейтральные признаки данного типа правового дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов правового дискурса. Например, пассажиры в купе поезда, покупатели в очереди, граждане, стоящие в очереди перед посольством для получения визы и т.д. - их общение не является персональным типом дискурса, но и к институциональному типу дискурса их отнести тоже сложно.

Цель интеграционного типа правового дискурса - обеспечить коммуникацию между различными сегментами правовой коммуникационной среды - аудитории (например, гражданского общества, если речь идет о правовой консультации), и через целую цепь консенсусов получить как результат конвенцию, то есть такой содержательный договор внутри определенного сегмента или даже целого общества, который будет позволять, с одной стороны, воплощать в жизнь совершенно практические задачи (реализовывать какой-либо проект), с другой стороны, произвести некоторую структуру информационно-правовой среды, которая будет позволять воспроизводить конвенциональный коммуникационный процесс в правоотношениях.

Внутри интеграционного типа правового дискурса порождается правовой коммуникативный процесс (*коммуникация власти с невластными структурами через взаимный обмен сообщениями*) с конвенциональной основой (*согласование, консенсус сообщений*). Если этот коммуникативный процесс не состоялся, то данный тип правового дискурса не является успешным.

В процессе реализации права осуществляется **ориентационный** тип правового дискурса. Данный тип правового дискурса представляет собой правовое общение, речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с субъектами права, реализующими свои правовые возможности в рамках сложившихся общественных институтов. Личностные характеристики субъектов права здесь неизбежно отражаются в типовых моделях реализации данного типа правового дискурса, субъективных моделях поведения. Личностные характеристики субъектов права представляют собой неразрывное единство индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей в определенных ситуациях правового общения, вместе с тем специфика следования определенной модели поведения в рамках данного типа дискурса остается индивидуальной. На данном этапе общая правовая норма конкретизируется в частном сознании и поведении.

Ориентация - это организация континуума понимания права. Континуум понимания права всегда презентуется дискретно, закрыто или внешним образом, порождая тем самым *пространство некомпетентности*. Иначе говоря, дискретный континуум понимания права производит власть или ее консультанты, желая засекретить или скрыть некоторое правовое знание; закрытый и искусственный континуум понимания права в виде увлекающих смысловых сред целевого субъект-назначения производит грамотный юрист; внешний

континуум понимания права производит законодатель, презентуя такие знания, в которых адресат не может быть компетентным, тем самым вводя реципиента в *пространство некомпетентности*, где лучше всего осуществлять контроль за его или их поведением.

Таким образом, пространство некомпетентности становится коммуникативно открытым и устраняется за счет *обратной связи*. Обратная связь является специальной задачей интеграционной стратегии и достигается за счет создания особого коммуникационного процесса в правовом дискурсе.

В применении нормы права происходит конфликт, столкновение интерпретаций нормы права между субъектами права. Правовая коммуникация очень часто приобретает вид «состязания», противопоставления сторон (например, в судебном процессе). Успешность правового дискурса при этом зависит от степени убедительности какой-либо из позиций, занимаемых в процессе данного типа правового дискурса. Конфликт интерпретаций разрешается в пользу того, кто приводит более аргументированные, убедительные доводы. Дух соревновательности, конкуренции неизбежно присутствует при этом. Дискурс в этом процессе носит название **компететивный**, или **конкурирующий**. Этот тип правового дискурса представляет собой интерактивную деятельность субъектов права, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их явного и скрытого содержания. Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики субъектов права, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Например, совершив неодобряемое действие, «виновник этого проступка пытается объяснить свое поведение и выбирает следующие линии объяснения: 1) утверждает, что приписываемый ему проступок не имел места; 2) доказывает, что обстоятельства действия радикально отличались от того, что ему ставится в вину; 3) говорит, что он не знал о возможных последствиях поступка; 4) признает вину, но ссылается на непреодолимые обстоятельства, такие, как усталость или страсть; 5) соглашается с обвинением и признается, что не задумывался о последствиях. Эти линии объяснения сводятся к трем моделям поведения: полному раскрытию всех обстоятельств случившегося проступка, частичному уменьшению своей вины и заранее заготовленному оправданию. В этой связи главный участник как бы распадается на две части: на виновного в совершении проступка и на того, кто осуждает этот проступок, признавая принятые правила поведения»³¹.

Компететивный (конкурирующий) тип правового дискурса - процесс массовых обсуждений и совещаний внутри определенной тематики (например, судебное разбирательство), имеющий целью совместными усилиями выработать решение для его принятия соответствующими органами правопорядка. Это диалогичный процесс выработки решения, где в саму выработку включены все заинтересованные стороны, и она происходит внутри базового

³¹ Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 236.

коммуникационного процесса конвенционализации. Например, в судебном процессе мы наблюдаем столкновение, конфликт различных интерпретаций одного и того же законодательного положения, оценки одних и тех же доказательств, квалификаций одного и того же события, что подтверждает тезис о многозначности любого текста. Стороны используют однообразный по замыслу законодателя текст, каждый применительно к своему пониманию закона. Складывается ситуация, когда интерпретация закона, его понимание становятся важнее самого закона: ведь закон, понимаемый как текст, — всего лишь инструмент, основа в умелых руках интерпретатора. Это является косвенным подтверждением философской трактовки сущности символизма, который имеет непосредственное значение при определении текста как сферы лингвистического выражения нелингвистической реальности: поскольку бытие говорит о себе различными способами, смысл символизма — основываясь на двусмысленности бытия, раскрывать множественность смыслов³².

Компетитивный (конкурирующий) тип правового дискурса начинается с *результата некоторого действия*, который предстоит обсудить. В процессе обсуждения проекта некоторого действия обратная связь подлежит оформлению в структуру, соответствующую структуре самой среды правовой коммуникации. В среде правовой коммуникации обязательно выделяются советы, комиссии или отдельные личности, которые берут на себя роль ведущего (например, в судебном процессе – это судья).

Задача ведущего - обеспечить последовательное прохождение компетитивной (конкурирующей) коммуникационной стратегии от *разногласий* через определение *альтернатив*, их *обоснование* и *аргументацию*, до выработки и формулировки единственно верного, с точки зрения закона, *решения*. Задача ведущего - *конвенционализировать* различные точки зрения на всем протяжении пути от разногласий до достигнутого соглашения и принятия решения.

Все типы правового дискурса в той или иной степени представляют собой рече-языковую деятельность, процесс передачи правовой информации, имеющий однородную природу по ряду признаков. Исключение может составлять правовой дискурс в процессе правоотношений, так как правовая коммуникация в нем чаще всего носит формальный характер, служит прообразом будущих конкретных моделей поведения субъектов права в процессе реализации права. Остальные же типы правового дискурса обладают общими характеристиками.

Во-первых, тип правового дискурса – это такая рече-языковая форма деятельности, которая всегда связана с общением в сфере права (рассмотрением, разбирательством, обсуждением правового вопроса: правонарушения, спора о праве, жалобы). Юридическая значимость такого общения, рассмотрения правовых вопросов состоит в том, что оно предусмотрено законом и непременно вызывает необходимость соответствующей юридической квалификации, при определении которой вступают в действие все виды правового дискурса (мысленный, устный или письменный). Общение в сфере права – основа всех

³² Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115–118.

типов правового дискурса. Например, ст. 14 УК РФ предписывает, что «преступлением признается виновно-совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»³³. Таким же образом определяется юридическая природа различных правовых споров и т.д. Следовательно, юридическим делом может признаваться такое жизненное обстоятельство, которое прямо предусмотрено законом (или иным нормативным актом), нуждается в соответствующем подтверждении и юридическом обеспечении, осуществляемом в процессе правового дискурса. Указанные моменты в органическом единстве и взаимосвязи определяют природу правового вопроса и тем самым исходную основу типов правового дискурса.

Во-вторых, рече-языковая информационно-правовая деятельность в любом типе правового дискурса осуществляется исключительно уполномоченными на то органами государства, должностными лицами и иными субъектами права. Конкретный состав, объем полномочий участников правового дискурса четко фиксируется законом, в котором точно закреплено, кто может быть субъектом этой деятельности, что он должен делать и каким образом осуществлять свои служебные функции. Например, ст. 118 Конституции РФ устанавливает предписание, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом»³⁴. Следовательно, никакой другой орган государства осуществлять какие-либо судебные функции и быть в этом случае участником правового дискурса неправомерен. Кроме того, на должность судьи, как правило, может быть избран гражданин, имеющий юридическое образование и опыт практической работы.

В-третьих, рече-языковая правовая деятельность всегда выражается в совершении непосредственно операций с нормами права. Само совершение операций с нормами права выражается в интеллектуальной деятельности по выбору и анализу правового предписания, установлению его смысла (мысленный тип правового дискурса) с единственной целью – найти тождество между предписаниями нормы права и фактом, подлежащим рассмотрению и обсуждению. Важно отметить, что операции, которые совершаются с нормами права, по степени выше в зависимости от профессионального навыка и уровня квалификации субъектов права, их профессионального мастерства.

В-четвертых, результаты рече-языковой правовой деятельности субъектов права во всех типах правового дискурса всегда закрепляются в соответствующих документах, имеющих официальный характер и установленную законом форму (письменная форма правового дискурса). Официальный характер таких документов выражается не только в том, что они оформляются уполномоченными на то субъектами, но и в том, что природа этих документов, их структура и реквизиты закреплены в законе. Наиболее их существенное значение состоит в том, что они выполняют роль письменного закрепле-

³³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 01.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.

³⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 118. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.

ния факта правовой коммуникации практически в любом из типов правового дискурса. Конкретный состав требований к таким документам определяется законом. Например, в УПК РФ четко определены форма и состав требований, которые должны учитываться при оформлении документов по уголовному делу³⁵. Следовательно, информационно-правовая деятельность во всех типах правового дискурса отличается тем, что все действия уполномоченных субъектов по юридическому взаимодействию облекаются в соответствующие акты-документы.

В-пятых, рече-языковая правовая деятельность субъектов права во всех типах правового дискурса обеспечивается целым рядом гарантий, в частности, урегулирована системой процессуального законодательства: гражданско-процессуального и уголовно-процессуального. Содержащиеся в процессуальном законодательстве нормы права регулируют весь процесс правового общения, все процессуальные действия участников правового дискурса. Такая четкая и всесторонняя регламентация способствует эффективности протекания правового дискурса, а следовательно, и максимальному достижению целей правового взаимодействия. Например, именно строгая регламентированность правового дискурса создает атмосферу наибольшего благоприятствования непосредственно заинтересованным участникам общения: в судебном разбирательстве, например, истцу, ответчику, потерпевшему и т.д. В отношении участников-организаторов процесса, т.е. субъектов, выполняющих свои служебные функции, это способствует обеспечению оптимальности взаимодействия и эффективности получения юридических результатов.

В-шестых, рече-языковая правовая деятельность субъектов права в правовом дискурсе почти всегда связана с необходимостью использования различных методов и средств одного из трех видов техник (юридической, законодательной или риторической). Например, для получения достоверных выводов по рассматриваемому делу и для обоснования принимаемого решения в судебном разбирательстве всегда приходится устанавливать соответствующие данные и обстоятельства дела, т.е. искать и доказывать истину. Для этого очень часто используются приемы риторической техники.

В-седьмых, как уже было отмечено выше, для каждого типа правового дискурса характерны следующие общие свойства:

- тематическая связность;
- ситуативная обусловленность;
- динамичность;
- социальная ориентация;
- неоднородная структурированность;
- недискретность.

Таким образом, каждый тип рече-языковой деятельности на различных

³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) (ред. от 01.03.2012) Часть шестая. Бланки процессуальных документов. (Введена Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

этапах правового регулирования обладает рядом доминирующих характеристик (*дискурсивно-правовых доминант*): под типом правового дискурса, с одной стороны, подразумевается *порядок (процедура)* совершения всех коммуникативных действий, *принципы* и *способы*, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативные действия, например, постановление приговора. С другой – подразумевается *форма* связи как последовательность и *система* тех действий, которые составляют *стадии* и *содержание* правового общения.

Порядок (процедура) обеспечивает последовательное осуществление принципов правового дискурса; создает стабильный юридический режим правового общения; содержит гарантии для участников этого общения; создает условия, обеспечивающие полноту, всесторонность и объективность информационно-правового взаимодействия. *Принципы и способы* типов правового дискурса выражают основополагающую идею, которая выступает как общеобязательное, непререкаемое требование и выполняет функцию общенормативного ориентира. Сама система принципов и способов типов правового дискурса многообразна, а их конкретный состав определяется специфичностью того или иного типа правового дискурса. *Форма (система)* типа правового дискурса представляет собой характеристику правового общения в разделении его на определенные структурные элементы, которые отражают объективные требования обеспечить оптимальность осуществления всех коммуникативных действий каждым участником правового дискурса в целях достижения эффективного результата информационно-правового взаимодействия. *Стадии* - это характеристики динамики типа правового дискурса как процесса информационно-средового взаимодействия, отражающего в себе комплекс взаимосвязанных последовательных коммуникативных действий, протекающих во времени и направленных на достижение оптимальных результатов правового общения по определенному юридическому вопросу. *Содержание* правового общения составляют характеристики правовой информации.

Предлагаемое понимание типа правового дискурса как коммуникативно-юридического механизма и характеристика его составных элементов, наиболее целесообразны, на наш взгляд, поскольку именно понимание сущности механизма позволяет определить место правового дискурса в понятийном аппарате юриспруденции и выявить соответствующее соотношение с юридическим процессом для характеристики его структуры.

Все вышеперечисленные дискурсивно-правовые доминанты, приведенные в обобщенном виде, в различных долях и с разной степенью можно обнаружить в каждом из типов правового дискурса. Разумеется, что значение и место каждого из указанных признаков может быть различным в отдельных типах правового дискурса. Однако сам факт их обнаружения хотя бы в минимальных долях дает основание утверждать, что все типы правового дискурса имеют однородную природу, однако различны по содержанию. Это различие связано с характеристикой правовой информации, возникающей и передающейся в процессе правового дискурса.

Если подвести итог вышесказанному, то можно сделать следующие **ВЫВОДЫ**.

Во-первых, характеристика компонента правового дискурса «рече-языковая деятельность» предполагают выделение его типов в соответствии со стадиями правового регулирования.

Во-вторых, опираясь на стадии правового регулирования (правотворчество, толкование, правоотношения, реализация и применение права), можно выделить типы правового дискурса: координация, согласование (координирующий, согласующий тип правового дискурса), дополнение (комплементарный тип правового дискурса), интеграция (интеграционный тип правового дискурса), ориентация (ориентационный тип правового дискурса) и конфликт (компететивный тип правового дискурса).

В-третьих, дискурсивно-правовыми доминантами рече-языковой деятельности как одного из важных компонентов правового дискурса являются: а) *порядок (процедура)* совершения всех коммуникативно-правовых действий, б) *принципы и способы*, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативно-правовые действия, в) *форма* связи как последовательность и *система* тех действий, которые составляют *стадии* и *содержание* правового общения.

В-четвертых, рече-языковая деятельность как компонент правового дискурса в правовом регулировании осуществляется с помощью системного коммуникативно-юридического механизма. Составными элементами данного механизма является единство типов и дискурсивно-правовых доминант правового дискурса. Правовая коммуникация в процессе правового регулирования, обеспечивающего контроль за общественными отношениями, осуществляется с помощью этого механизма.

* * *

1.3 Компонент правового дискурса «Правовая информация»

Современная правовая наука расширила перспективы анализа и решения социальных и практических проблем общества, связанных с употреблением языка для узкоспециальных правовых целей. Используя теоретические и технические механизмы исследования правовой коммуникации в рамках дискурс-правового анализа, наука о праве проявила интерес к проблемам языка и общества, таким как язык и правовая коммуникация, язык и политика, язык и закон в суде, использование языка в правовой профессиональной сфере и т.п.

Ориентация на практические задачи переформулировала направленность современных правовых исследований в сторону анализа правовой коммуникации в реальных ситуациях с целью решения проблем манипулирования и контролирования действий субъектов права в контексте дискурсного анализа процессов правового регулирования. Соответственно, эта новая во многих

сферах парадигма стерла грань между фундаментальными и прикладными исследованиями в области анализа правовых категорий.

Процесс правового воздействия на общественные отношения (правовое регулирование) представляется возможным рассматривать как реализацию совокупности информационно-значимых функций:

1) постановки целей регулирования в области права (естественно происходит на основе имеющейся, осмысленной информации о состоянии объекта управления - общественных отношений);

2) получения и восприятия поступающей правовой и иной информации, ее регистрации, хранения и обработки (в соответствии с поставленными целями собирается, систематизируется, анализируется информация о состоянии общественных отношений в наиболее полном виде);

3) принятия определенного юридического решения (создание новой правовой информации);

4) передачи и использования социально-правовой информации.

Таким образом, все стадии процесса правового воздействия на общественные отношения (правового регулирования) суть передача информации.

Даже простое перечисление существующих дефиниций производства информации дается законодателем неоднозначно.

Так, согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В источниках информации происходит создание информации.

В области производства информации действует объективный закон неполного использования информации, что определяется как свойством избыточности информации, так и неспособностью субъектов к ее полному использованию.

С юридической точки зрения производство (создание, преобразование) информации - создание, генерация информационных продуктов и ресурсов в процессе творческой, производственной и иной общественно полезной деятельности человека и гражданина, юридических лиц, органов и иных субъектов права на информацию.

Правовое регулирование присутствует здесь в виде регулятивных норм, способствующих созданию организационных и экономических предпосылок развития и совершенствования информационного производства; в виде гарантий свободы творчества, поведения, образования, в виде охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, а также в виде запретов на производство «вредной» информации.

Правовая *информация* выступает в качестве следующего важного для анализа компонента правового дискурса и составляет его предмет - содержание речевой коммуникации. Правовая *информация* выражается в правовых текстах и передается с помощью юридического языка и иных знаковых форм: слов, правовых понятий, терминов, выражений, суждений и т.п. Именно поэтому для определения правового дискурса важным является и рас-

смотрение понятия *правовой текст*.

Остановимся на определении «*правовая информация*». Понятие, обозначаемое термином «*информация*», соотносится с латинским термином «*information*» и английским словом «*information*» и в самом простом истолковании означает сведения, сообщения о чем-либо, которыми обмениваются люди.

Всю информацию, циркулирующую в правовой системе, можно условно разделить на два больших класса.

Первый класс - это собственно правовая информация. К правовой информации относятся прежде всего правовые акты, а также вся информация, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, материалы их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, материалы изучения практики применения этих норм. В правовую информацию включаются также материалы о правовом образовании и разработке научных концепций развития права³⁶.

Второй класс - это разнообразная информация, которая является объектом правоотношений. К ней можно отнести, например, информацию, составляющую профессиональную, коммерческую, государственную и другие виды тайн, информацию, распространяемую средствами массовой информации, информацию, доступ к которой по законодательству не может быть ограничен, и т.д.

Кроме того, правовую информацию в зависимости от того, от кого она исходит и на что направлена, можно разделить на три большие группы: официальная правовая информация, информация индивидуально-правового характера и неофициальная правовая информация.

Официальная правовая информация - это информация, исходящая от полномочных государственных органов, имеющая юридическое значение и направленная на регулирование общественных отношений. К официальной правовой информации относятся сведения и данные о праве или о законодательстве в широком смысле слова, то есть обо всех действующих и уже прекративших действие нормативных актах.

Официальная правовая информация, в свою очередь, подразделяется на нормативную правовую информацию и иную официальную правовую информацию.

Нормативная правовая информация составляет ядро всей правовой информации и представляет собой совокупность нормативных правовых актов.

Информация индивидуально-правового характера, имеющая юридическое значение, - это информация, исходящая от различных субъектов права, не имеющих властных полномочий, и направленная на создание (изменение, прекращение) конкретных правоотношений.

Правовую информацию индивидуально-правового характера, имеющую

³⁶См. подробнее об этом: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1989; Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления (информационный аспект): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2002. 20 с.; и др.

юридическое значение, можно подразделить на:

договоры (сделки);

жалобы, заявления, порождающие юридические последствия.

Общие черты этих актов:

носят индивидуально-правовой характер,

направлены на создание (изменение, прекращение) конкретных правоотношений.

Конкретный договор поставки заключается между двумя конкретными организациями, влечет определенные юридические последствия - устанавливает права и обязанности сторон договора, прекращается после исполнения условий договора. Иск, предъявленный конкретным гражданином к конкретной организации по определенному поводу, также порождает определенные юридические последствия.

Нормативный правовой акт - это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение и отмену правовых норм.

Характерная черта системы правовых актов - ее иерархическое строение, в соответствии с которым каждый акт занимает свою ступеньку на иерархической лестнице и находится в соподчиненности с другими актами, то есть соотношение актов характеризуется верховенством одних актов над другими. Акты обладают неодинаковой юридической силой, зависящей от места органа, их издавшего, в системе органов государства и от их компетенции. Акты вышестоящих органов обладают большей юридической силой, акты нижестоящих органов должны издаваться в соответствии с ними, так как обладают меньшей юридической силой.

Юридическая сила нормативного правового акта - это свойство акта порождать определенные правовые последствия. Юридическая сила акта указывает на место акта в системе правовых актов и зависит от положения и компетенции органа, издавшего акт. К иной ненормативной официальной правовой информации можно отнести:

акты общего характера;

акты официального разъяснения;

правоприменительные акты.

Акты общего характера, не являясь нормативными, создают серию правоотношений, в их исполнении участвуют многие субъекты, но эти акты исчерпываются однократным исполнением (решение о проведении профилактических прививок, о строительстве завода и т.п.). Такого рода акты принимаются полномочными государственными органами.

Акты официального разъяснения действующих норм - это акты толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и др. По вопросу правовой природы этих актов в научной литературе нет единства мнений. Одни авторы относят акты официального разъяснения к актам

толкования, не содержащим новых норм, другие - к нормативным правовым актам. При этом не подвергается сомнению реальное значение указанных актов в обеспечении единообразного применения законов в судебной практике.

Правоприменительные акты - это индивидуально-правовые акты, принимаемые органами законодательной, исполнительной власти, судебными, прокурорскими органами, государственными инспекциями и т.д. Они относятся не к любому лицу, органу, организации (как нормативный акт), а к определенному, конкретному субъекту правоотношения, регулируемого данным актом (судебный приговор, решение о назначении пенсии, приказ директора предприятия об увольнении, указ Президента РФ о назначении на должность министра и т.д.).

Неофициальная правовая информация - это материалы и сведения о законодательстве и практике его осуществления (применения), не влекущие правовых последствий и обеспечивающие эффективную реализацию правовых норм. В качестве неофициальной правовой информации рассматриваются все сведения и данные о праве и связанных с ним явлениях, которые отражены в юридической научной литературе, не являющейся официальной (юридических монографиях, учебниках, статьях, обзорах, докладах, справочниках и других материалах), и сведения, содержащиеся в материалах, полученных от предприятий, учреждений, общественных организаций, граждан и других источников.

Неофициальную правовую информацию можно подразделить на следующие группы:

- материалы подготовки, обсуждения и принятия законов и иных нормативных правовых актов;

- материалы учета и систематизации законодательства (картотеки учета нормативных правовых актов, предварительные материалы подготовки собраний и сводов законов, неофициальные сборники нормативных правовых актов и т.д.);

- материалы статистики по правовым вопросам (статистические данные о состоянии преступности, правонарушениях и т.д.);

 - образцы деловых бумаг;

 - комментарии законодательства;

 - научные, научно-популярные, учебные и иные труды по вопросам законодательства.

Неофициальная правовая информация, не являясь нормативной и порождающей правовые последствия, имеет тем не менее важное значение для эффективной реализации норм права. Так, мнения известных ученых, комментирующих, разъясняющих законодательство, представляют интерес как для специалистов, так и для широких кругов населения и используются при реализации (применении) правовых норм.

Таким образом, *к правовой информации относятся, прежде всего, правовые акты, а также вся информация, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их*

обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, изучения практики их применения. В правовую информацию включаются также материалы о правовом образовании и разработке научных концепций развития права.

Исходя из сказанного, в предлагаемой концепции правового дискурса правовую информацию можно определить как массив правовых актов и тесно связанных с ними справочных, нормативно - технических и научных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности.

Участники правоотношений создают, передают и получают правовую информацию, выраженную в *правовых текстах.*

Раскрывая понятие «текст», обычно обращаются к определениям слова, словосочетания и высказывания. Слово представляет собой основную структурно-семантическую единицу языка, которая служит для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности. Словосочетание также служит средством номинации предметов, явлений, процессов, качеств. Но лишь высказывание, являясь единицей речевого общения, соотносено с ситуацией общения и ориентировано на участников речи. Однако сами по себе языковые знаки проявляются только будучи текстово-связанными, они могут иметь смысл только как связанные единицы, так как они образуют текст и передают содержание текста в силу того, что текст является в данном случае предельной единицей на знаковом уровне.

В настоящее время в лингвистике насчитывается более трехсот определений текста. Удачное определение, на наш взгляд, принадлежит отечественному филологу И.Р.Гальперину: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку»³⁷. В этом определении отмечается целостность текста, связность его элементов и функциональная направленность, но при этом предполагается, что текст существует только в письменном виде.

Отражение в тексте действительности предполагает наличие затекста – фрагмента действительности, описываемого в тексте. Затекст присутствует здесь неявно – как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится автору. Подтекст – это скрытая информация, извлекаемая из текста благодаря ассоциативности его единиц и их способности к приращению смыслов. Предметом текстовой деятельности является не смысловая информация вообще, а та смысловая информация, которая объединена замыслом и позицией говорящего. Правовой текст содержит в себе информацию нормативного характера.

В правовом общении текст понимается нами как элемент смыслового диалога, дискурса, постоянно ведущегося в сфере правовой коммуникации в об-

³⁷ Цит. по: Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М.: «ЧеРо», 2001. С. 66.

ществе между субъектами права, создавая некий семиотический континуум³⁸.

Однако правовой текст – это не только содержащаяся в правовом акте совокупность правовых норм, установленных уполномоченными на то государственными органами. Различные органы законодательной и исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов в процессе своей правотворческой деятельности устанавливают обязательные для правоприменителя правила поведения (дозволения, запреты, предписания), которые, облекаясь в формы правовых актов, выполняют роль сообщения в акте правовой коммуникации. Следовательно, *правовой текст следует отличать от правовой нормы. Правовой текст представляет собой систему знаков, интерпретация которых создает определенный правовой смысл (правовое означаемое), направленный на регулирование поведения субъектов путем определения их правомочий и правообязанностей.* Текстуральное правило становится источником права тогда, когда в социальной действительности ему придают официально юридическое значение посредством надлежащей правотворческой процедуры и легитимации. Именно поэтому текст-требование, изображенное мелом на заборе, отлично от текста-требования, выраженного в законе, и потому первый не есть источник права.

«Правовая информация» как компонент структуры дискурса воплощается в форме текстов, отображает его специфику и характеризуется следующими дискурсивно-правовыми доминантами: а) темой речевого общения; б) отнесенностью к какому-либо речевому жанру; в) композицией высказываний и последовательностью речевых актов; г) спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия.

Правовой дискурс представляет собой некое единство смысла, тематики и стиля, реализованное с целью достижения каких-либо коммуникативных задач, вне зависимости от реального присутствия собеседника. Соблюдение стилистических и жанровых канонов, рамок – одно из условий успешной коммуникации. **Тематика** правового дискурса охватывает очень широкий круг проблем, связанных с функционированием права.

Тематическое единство является одним из определяющих элементов структуры дискурса, обеспечивающих его стабильность. Анализируя правовой дискурс, мы можем выделить в нем архитему «право». Вводя термин *архитема*, мы подразумеваем под ним наиболее общую, абстрактную семантику дискурса, которая служит языковой базой для образования частных и конкретных тем правового дискурса (правовое регулирование, система права, нормативно-правовой акт, закон и т.п.). Тематика текстов правового дискурса охватывает широкий спектр концептов права, как то: доказательство, достоинство, истина, истец, вина, закон, клевета, нарушение, право, правосудие, репутация, свидетель, мораль, суд, честь, приговор и др.

Другой дискурсивно-правовой доминантой правовой информации в различных типах правового дискурса является **жанр правовой информации**.

Среди исследователей теории речевых жанров в первую очередь выде-

³⁸Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Издательство Михайлова, 2002. С. 306.

ляют М.М. Бахтина, предложившего определение речевых жанров как относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний, определяемых «спецификой данной сферы общения»³⁹. Объект жанроведения, по мысли исследователя, не имеет строгих очертаний, не ограничен высказыванием (текстом) как таковым, но выходит в область собственно коммуникации, социального речевого взаимодействия говорящих. Главным признаком речевого жанра является диалогичность, из которого вытекают второстепенные признаки – целеполагание, завершенность, связь с определенной сферой общения и т.д. С теорией речевого жанра также тесно связано понятие функциональных стилей, определяемых М.М. Бахтиным как «жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения»⁴⁰. В целом, стиль и жанр являются тесно взаимосвязанными понятиями – «стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания. Исторические изменения языковых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров»⁴¹.

Отталкиваясь от теоретических исследований М.М. Бахтина, В.А. Салимовский понимает жанры речи как «относительно устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах)»⁴². В структуру жанровых моделей также включаются характеристики субъектов речи и их творческие возможности использования этих моделей. Жанровые стили, в свою очередь, представляют собой совокупность типовых речевых актов (диалогических реплик), «объединенных типовой целью более общего характера»⁴³ и включающих характеристики соответствующего дискурса.

Вслед за данными исследователями мы будем придерживаться обобщенной точки зрения на речевой жанр как на некую устойчивую модель речевой деятельности, складывающуюся в определенной сфере общения в зависимости от факторов коммуникативной ситуации. Исходя из данного определения, мы можем выделить пласты речевых жанров, характерных для того или иного дискурса. Говоря о стилевой характеристике того или иного дискурса, мы говорим об обобщенной стилевой маркированности, присущей всей совокупности его речевых жанров. В частности, жанрам правового дискурса присущи четкость, логичность и понятность изложения, а также использование соответствующей терминологии.

Многомерность и сложность правового дискурса проявляются в возможности дифференциации жанрового пространства правовой информации в процессе правового дискурса по ряду параметров:

1) в зависимости от типов правового дискурса. Разграничиваются жанры:
а) координации (согласования), представляющие собой тексты информации-

³⁹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237.

⁴⁰ Там же. С. 241.

⁴¹ Там же. С. 242-243.

⁴² Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилевом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002. С.31.

⁴³ Там же. С.57.

онно-прескриптивного характера (законы и иные нормативно-правовые акты); б) комплементарности (дополнительности), представляющие собой тексты разъяснительного характера (различные акты толкования норм права); в) интеграции (например, материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, изучения практики их применения, материалы о правовом образовании и разработке научных концепций развития права); г) ориентации, представляющие собой тексты реализации правовых норм (проекты законов, стратегии развития); д) компететивности (конкурентности), представляющие собой тексты правовой конфликтности (судебные, адвокатские, прокурорские, следственные, арбитражные, нотариальные речи, политико-правовая полемика);

2) в зависимости от степени занимаемого жанром положения в структуре правового дискурса. Различаются центральные и периферийные жанры правовой информации. К центральным, прототипным относятся первичные, глубоко институциональные жанры, в полной мере соответствующие основной интенции правового дискурса — установлению правовых отношений: Конституция РФ, закон, нормативные правовые акты.

Периферийные жанры находятся на стыке с другими типами дискурса и, как правило, являются вторичными жанрами, представляющими собой реакцию на речевые действия, совершенные субъектами права в первичных жанрах. К ним относятся, например, протокол, свидетельские показания;

3) в зависимости от видов правового дискурса. Рассматривая жанры правовой информации в процессе правового дискурса, следует отметить, что мы, вслед за В.В. Богдановым (1993), различаем речь и текст как устную и письменную разновидности дискурса, следовательно, выделяются устные и письменные жанры правового дискурса.

В нашем сознании существуют концепты определенного дискурса, его типов и жанров. Немаловажное значение здесь приобретает и степень самовыражения автора. Так, разговор между покупателем и продавцом подразумевает устную реализацию товарно-денежных отношений, с применением определенных речевых формулировок и соблюдением личной и социальной дистанции между двумя собеседниками. Такой дискурс диалогичен и непродолжителен по времени, степень самовыражения собеседников здесь достаточно низкая. Любовное же письмо предполагает сокращенную практически до минимума личную дистанцию между собеседниками, выражение интимных чувств и эмоций адресанта, воплощенных опять же в определенных речевых формулировках, закрепленных на письме, элементы бытовой лексики и т.д. Дискурс любовного письма неограничен по времени и монологичен, и степень самовыражения автора здесь существенно выше.

Основными жанрами правовой информации в процессе устного правового дискурса являются различные виды судебных речей: прокурорская, или обвинительная, речь; общественно-обвинительная речь; адвокатская, или защитительная, речь; общественно-защитительная речь; самозащитительная речь обвиняемого.

К письменной разновидности правового дискурса относятся такие жанры правовой информации, как нормативные правовые акты. Нормативные правовые акты (в том числе в виде правоприменительного акта или интерпретационного акта) могут использоваться в различных типах правового дискурса. Письменные разновидности правового дискурса призваны воздействовать на читателя текстом, который уже невозможно изменить в процессе прочтения.

Мы также предлагаем выделять продуктивные и непродуктивные речевые жанры. Под продуктивными мы понимаем жанры, использование которых активизируется в конкретный период времени в зависимости от развития языковой и общественно-культурной ситуации. По словам М.М. Бахтина, «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, научные, публицистические), но и первичные (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейно-бытового, общественно-философского и т.д.)»⁴⁴. С развитием информационных технологий и расширением возможностей дистантного общения коммуникантов активно развиваются письменные речевые жанры, включающие в свою структуру элементы собственно устных речевых жанров. В частности, такими особенностями обладают многие жанры виртуального правового дискурса – чаты, форумы, социальные сети и т.д.

Существенное изменение в жанровую систему научного дискурса вносит компьютерное общение, размывающее границы формального и неформального дискурса в эхо-конференциях.

В настоящее время происходит быстрое изменение жанров правового дискурса, обусловленное прежде всего *активной экспансией массово-информационного общения* в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в правовом дискурсе, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе).

Таким образом, мы наблюдаем зависимость продуктивности речевых жанров от совокупности экстралингвистических факторов.

Следующей дискурсивно-правовой доминантой компонента «правовая информация» выступает **композиция высказываний и последовательность речевых актов**, которая выражается в категориях информативности, интерпретируемости и интертекстуальности.

Категория информативности дискурса напрямую зависит от его коммуникативных целей, но в большей или в меньшей степени она характеризует

⁴⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 243.

любой акт коммуникации. В официальном правовом дискурсе информативность является приоритетной категорией. В обыденном же правовом общении важен, скорее, сам процесс общения, нежели его результат.

Интерпретируемость как категория дискурса подразумевает, прежде всего, ясность и точность информации, передаваемой в процессе правовой коммуникации. Так, ясность правового дискурса достигается благодаря клишированности или использованию прецедентных текстов, логичности и простоте изложения мысли.

Интертекстуальность как динамическая (речевая) основа правового дискурса и коммуникативная мена ролей собеседников предполагают, что отдельные элементы различных дискурсов могут взаимопроникать друг в друга, создавая, таким образом, определенную смысловую нагрузку. Так, в публицистической статье юриста-практика основной пласт реминесценций составляют дословно цитируемые или переосмысленные положения нормативно-правовых актов, полемики по обсуждаемому вопросу, созвучные его мировоззрению, настроению, убеждениям.

Правовой дискурс характеризуется выраженной высокой степенью интертекстуальности, и поэтому опора на прецедентные тексты является одним из системообразующих признаков правового дискурса. Прецедентными текстами для правового дискурса являются работы классиков науки, положения основного закона страны, других нормативно-правовых актов.

Одной из важных дискурсивно-правовых доминант компонента «правовая информация» являются **специфические языковые средства для речевого взаимодействия**.

Одной из форм отбора таких средств служат дискурсивно-правовые формулы.

Под *дискурсивными формулами* понимаются своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Эти формулы объединяют всех представителей правовой общественности. Стремление к максимальной точности в правовом тексте иногда приводит авторов к чрезмерной семантической (терминологической) и синтаксической усложненности. Вместе с тем следует отметить, что правовое общение предполагает вдумчивую работу по анализу информации, поэтому усложненный текст в правовом дискурсе оптимально выполняет основные дискурсивные функции: на максимально точном уровне раскрывает содержание проблемы, делает это содержание недоступным для недостаточно подготовленных читателей (защита текста) и организует адекватный для обсуждения данной проблемы темп речи. Дискурсивные формулы конкретизируются в клише, например, в жанре судебного решения: «На основании вышеизложенного суд постановил...».

Коммуникативные клише в рамках правового дискурса являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в институте права, в связи с чем актуальными становятся категории *юридическая техника*, а также *юридические конструкции*.

Если подвести итог вышесказанному, то можно сделать следующие **выводы.**

Во-первых, к правовой информации относятся, прежде всего, правовые акты, а также вся информация, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, изучения практики их применения. В правовую информацию включаются также материалы о правовом образовании и разработке научных концепций развития права.

Во-вторых, «правовая информация» как компонент структуры дискурса воплощается в форме текстов, отображает его специфику и характеризуется следующими дискурсивно-правовыми доминантами: а) темой речевого общения; б) отнесенностью к какому-либо речевому жанру; в) композицией высказываний и последовательностью речевых актов; г) спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия.

В-третьих, тема как дискурсивно-правовая доминанта правовой информации характеризует категорию относительной смысловой завершенности правового дискурса. Тематика правового дискурса охватывает очень широкий круг проблем, связанных с функционированием права. Архитема «право» служит языковой базой для образования частных и конкретных тем правового дискурса.

В-четвертых, жанры правовой информации в процессе правового дискурса описываются по ряду параметров: 1) в зависимости от типов правового дискурса; 2) в зависимости от степени занимаемого положения жанра правовой информации в структуре правового дискурса; 3) в зависимости от видов правового дискурса.

В-пятых, композиция высказываний и последовательность речевых актов как дискурсивно-правовая доминанта выражается в категориях информативности, интерпретируемости и интертекстуальности.

В-шестых, одной из форм отбора специфических языковых средств для речевого взаимодействия служат дискурсивно-правовые формулы, которые конкретизируются в коммуникативных клише. Коммуникативные клише в рамках правового дискурса являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в институте права, в связи с чем актуальными становятся категории «юридическая техника», а также «юридические конструкции».

* * *

1.4. Компонент правового дискурса «Среда»

Обращаясь к анализу компонента «Среда» правового дискурса, отметим наиболее важные сферы, которые необходимы для нашего исследования. С нашей точки зрения, говоря о «Среде», необходимо ограничить поле исследо-

вания несколькими областями. Итак, компонент «Среда» правового дискурса включает следующие виды: а) социокультурная; б) идеологическая; в) информационная; г) контекстуальная (ситуативная).

Социокультурная среда важна для нас, прежде всего, с позиций личности как носителя определенной культуры социума, в том числе и правовой культуры. Охарактеризовать личность как создателя определенной социокультурной среды можно по нескольким направлениям. За основу типологии личностей в правовом дискурсе наиболее целесообразно взять языковое сознание и речевое поведение, т.е. охарактеризовать личность с позиций теории дискурса. Здесь выделяются типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества по принципу оппозиции «свой-чужой», типы модельных личностей, т.е. типичных представителей определенной этносоциальной группы⁴⁵, типы личностей по объективным статусным признакам - возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д.

Язык существует прежде всего в сознании - коллективном и индивидуальном, что обуславливает его социальную сущность.

«Коллектив как этнос или нация и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания. Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве - в общении, в стереотипах поведения»⁴⁶. Под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)»⁴⁷. «Язык в своем функционировании дает индивиду возможность проявить себя в качестве личности, ведущей себя в диалогическом взаимодействии пассивно или выступающей коммуникативным лидером, выразить особенности своего темперамента, показать приверженность к авторитарному или либеральному стилю речевого общения»⁴⁸.

С обозначенной выше проблемой исследования социокультурных особенностей тесно связана одна из важнейших задач правового дискурса - обучение готовности к пониманию. Техники понимания получили современное толкование в связи с разработкой проблем герменевтики. Современное направление герменевтики, связанное с пониманием и толкованием письменных источников, исходя из интенции их авторов, появилось сравнительно недавно. Устанавливаемая в рефлексии связь между извлекаемым прошлым опытом и той ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения, должна включать этнические, социальные, психологические и другие моменты, что особенно актуально при интерпретации правового дискурса.

Понимание ментальности - один из важнейших аспектов в герменевтических рефлексивных схемах. Язык - это тот феномен, в котором отображено бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания

⁴⁵ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, личность. М.: ГНОЗИС, 2004. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С.3.

⁴⁸ Сусов И.П. Грамматика говорящего // Актуальные проблемы коммуникативной грамматики: Тульск. гос. пед. ун-т. Тула, 2000. С. 136.

о мире, природные условия существования народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика и пр. Результатом активного освоения человеком окружающего мира является когнитивное наполнение мыслительных категорий в процессе номинации объектов и явлений материальных условий существования индивидуумов. «Логика человеческого мышления, объективно отражающего внешний мир, едина для всех людей»⁴⁹. Однако умение выделить существенные свойства какого-либо предмета, которые проявляются, прежде всего, в практической деятельности человека, обозначает закрепление в рефлектирующем сознании не индивидуального образа этого предмета, а лишь его важнейших или существенных на данном этапе познания свойств.

Для адекватного интерпретирования правовых текстов необходимо учитывать две основные функции языка - номинативную и коммуникативную. В процессе номинации в концептуальной системе языка находят отражение значения отдельных слов и выражений, этимологические особенности слов, особенности комбинаций значений и языковых единиц, складывающихся в конечном итоге в единую картину мира. Анализ отображательных качеств языка в целях характеристики картины мира целесообразнее осуществлять не на сопоставлении отдельных его единиц, а на большом языковом фрагменте, тексте или дискурсе, содержащем оптимальное количество признаков, позволяющих отобразить и описать то или иное явление в его реальном существовании.

Формирование существующих в языке стереотипов специальных речевых средств приветствия, прощания, выражения вежливости и критики, правил поведения в конкретных ситуациях осуществлялось в ходе формирования этнических концептуальных систем и усваивалось носителями естественного языка в результате социального и конвенционального общения. Концептуальная система каждого этноса, т.е. система его представлений о мире, формируется наиболее активно на начальной ступени познания мира и своего развития. Одновременно с этим формируется вербальная и невербальная система информации и сообщения. Развитие и образование мыслительных и речевых структур не происходит изолированно. Концепты кодируются языковыми единицами, вбирающими в себя и отражающими специфику правовой «картины мира». Поскольку ментальные процессы и языковая структура отдельной лингвокультурной общности тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, представляется возможным вести исследования правового дискурса в двух направлениях: 1) от изучения менталитета нации к фактам его отображения в языке; 2) от языковых структур к опосредованным ими ментальным процессам.

Г.В. Колшанский наряду с несоответствием значений (семантическим несовпадением) отдельных единиц и категорий языковых систем указывает на «несоответствия, связанные не с отсутствием языковых единиц, а с этнокуль-

⁴⁹ Мечковская Н.Б. Язык и общество // Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983. С. 43.

турными особенностями, установившимися в том или ином социуме»⁵⁰. Их изучение важно и необходимо в целях достижения адекватности взаимопонимания в процессе правовой коммуникации.

«В герменевтической реконструкции необходима точка и система отсчета. ... Обычно таковыми являются данная субъекту реконструкции культура и общественная позиция, его жизненный мир»⁵¹. Среди категорий, характеризующих правовые тексты как объекты культуры, необходимо отметить истинность/ложность содержащейся в них информации, часто используемой в целях манипулирования сознанием субъекта права. Нагляднее всего это проявляется в политико-правовой коммуникации.

Политик и избиратель как субъекты политико-правовых отношений выполняют в правовом дискурсе роли адресанта (коммуникатора) и адресата (коммуниканта). От успешности их взаимодействия зависит, в конечном счете, эффективность правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации.

Правовой дискурс в процессе политико-правовой коммуникации характеризуется высокой степенью манипулирования. В этом смысле важность изучения правового дискурса в процессе политико-правовой коммуникации продиктована необходимостью, с одной стороны, поиска для политиков оптимальных путей речевого воздействия на аудиторию, с другой – правильного понимания аудиторией истинных намерений манипулятора и скрытых приемов манипулирования.

Воздействие является одной из важных целей обычного коммуникативного общения. При манипуляции же существенной целью является навязывание манипулируемому выгодного для манипулятора образа действий.

Как отмечает Н.В.Глаголев, «манипуляция строится на соответствующей психолингвистической базе, которую можно условно свести к трем факторам манипуляции»⁵². Первый фактор – это совокупность элементов манипулятивной базы. В структурно-коммуникативном отношении выделяются следующие необходимые элементы: (квалифицированный) манипулятор, управляющий с помощью языка процессом принятия решения; манипулируемый, вынуждаемый / желающий принять определенное решение; сам предмет коммуникации; набор языковых приемов воздействия манипулятора на манипулируемого. Последний варьируется в зависимости от того, к какому типу принадлежит манипулируемый. Выделяются два основных типа – решительный и нерешительный. При этом приходится учитывать, что нерешительный тип так же легко принимает нужное манипулятору решение, как и отказывается от него.

Вторым фактором манипуляции можно считать имплицитную враждебность участников коммуникативного взаимодействия, прикрываемую мас-

⁵⁰ Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 81.

⁵¹ Соколенко В.М. «Здесь и сейчас» как герменевтическая проблема. // Понимание менталитета и текста: Твер. гос. ун-т. Тверь, 1995. С. 3.

⁵² Глаголев Н.В. Приемы буржуазной манипуляции потребностями реципиента // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. С. 11.

кой дружелюбия. По существу это представители авторитетных статусов, то есть все те, кто пользуется реальной властью в противовес своему электорату, такой властью не обладающему. Третий фактор манипуляций, тесно связанный с предыдущим, – психологическое преимущество манипулятора, злоупотребляющего потребностями реципиента в своих целях. На практике это выражается в оформлении и использовании особой «стратегии воздействия».

Вообще говоря, в коммуникативной стратегии выделяются два аспекта: коммуникативно-логический и коммуникативно-психологический. С точки зрения коммуникативно-логического аспекта стратегия автора речи реализуется с помощью соответствующей структуры и семантики языковых компонентов, которые используются в композиционной партитуре высказываний, образующих монолог. Состав этих компонентов определяется внутренней логикой самого предмета изложения и задачей обеспечить передачу нужной информации. С коммуникативно-психологическим аспектом дело обстоит сложнее: он более многообразен по целям, соответственно реализуется с помощью большого количества компонентов, как правило, многосоставных.

Разумеется, процедура установления истины или лжи сложна и не всегда решается однозначно. Традиционно данные проблемы считались центральными в логическом использовании языка⁵³. Однако при аргументации на естественных языках понятие «истинности» в логическом понимании часто не «работает», логические критерии определения истинности не действуют. Более того, иногда понятия «истинно/ложно» даже считаются нерелевантными, поскольку в языках нет формальных, категориальных маркеров этих понятий за исключением нескольких слов с лексическим значением истины-лжи⁵⁴.

Следует отметить, что усмотрение истинности/ложности высказывания – лишь одна из сторон анализа рефлексии правового дискурса. Подобный анализ внесет немаловажный вклад в изучение познавательных актов пространственного, временного и оценочного ориентирования субъекта права – человека как представителя правовой культуры определенного этнического сообщества.

С.С. Алексеев отмечает, что право как критерий правомерности поведения действует всегда в определенной среде — экономической, политической, нравственной. Существенное значение имеет здесь субъективно-психическая среда, выражающая отношение людей к праву (действующему, предполагаемому и желаемому). Такое отношение людей к праву и представляет собой правосознание. Ключевой пункт правосознания — осознание людьми ценности права и одновременно представление о действующем праве, о том, насколько оно соответствует требованиям разума и справедливости, правовым ценностям и идеалам⁵⁵. Итак, одним из важнейших проявлений **идеологической** среды правового дискурса является правосознание.

⁵³См.: Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 49 с.

⁵⁴ См.: Зарецкая Е.Н. Логика речи для менеджера. М.: Финпресс, 1997.

⁵⁵ Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 345.

«Правосознание наиболее полно и разносторонне отражает идеальную, духовную сущность права как элемента культуры, своеобразной архетипической инварианты жизненного уклада данного народа»⁵⁶.

В разных типах культур, в различных культурно-исторических сообществах существуют весьма неоднозначные представления о нормах поведения, о должном, о способах регулирования тех или иных ситуаций. Формирование правосознания зависит не только от экономических решений и распоряжений государственной власти, но и, прежде всего, от накопленного культурой, духовным и мыслительным потенциалом народа достижений мирового и национального права, специфики культурной традиции.

И хотя в современной научной литературе отсутствует общепризнанное определение данной категории, большинство исследователей рассматривают правосознание как самодовлеющую форму общественного сознания, не подчиненную с другими его формами.

Как справедливо отмечает В.А. Бачинин, правосознание представляет собой своеобразный «пульт управления», куда поступает информация с двух сторон - от цивилизационной системы со всеми ее звеньями и от самого субъекта с его интересами, ориентациями, потребностями. Задача правосознания - изыскивать способы согласования устремлений, исходящих от обеих систем, сглаживать противоречия, предупреждать конфликты, предлагать варианты возможных компромиссов, а затем уже посылать команды на определенные социальные действия.

Итак, правосознание как важнейшая составная часть идеологического компонента «Среда» правового дискурса взаимодействует с другими элементами правовой системы общества: юридическими нормами, принципами, институтами, процессами правотворчества и правореализации. Взаимодействие элементов правовой системы дает возможность представить в единстве правовую сторону общественной жизни. В этом смысле теория права наряду с общетеоретическими подходами к правосознанию как одной из важнейших форм общественного сознания выделяет и изучает структуру правосознания.

Структура правосознания, рассматриваемая в гносеологическом аспекте, состоит из двух уровней отражения правовой действительности, важных для характеристики «Среды» правового дискурса: правовой психологии и правовой идеологии.

Правовая психология соответствует обыденному уровню общественного сознания, формирующемуся в результате повседневной человеческой практики как отдельных индивидов, так и социальных групп. Содержание правовой психологии составляет совокупность правовых психических проявлений (эмоций, желаний, чувств, настроений), отражающих различные правовые аспекты общественной жизни. Она возникает под непосредственным влиянием окружающей культурно-правовой действительности и является первой, эмпирической ступенью правосознания.

⁵⁶ Теория государства и права: Курс лекций. М., 2001. С. 612.

Другими словами, правовая психология - это своего рода стихийный, «несистематизированный» слой правового сознания, выражающийся в отдельных психологических реакциях индивида или социальной группы на государство, право, законодательство, другие юридические феномены. Это наиболее распространенная форма осознания права, присущая в той или иной степени всем общественным отношениям, которые возникают при участии юридического элемента.

Психологическая структура правосознания, которая во многом детерминирована культурным контекстом, играет весьма значительную роль в формировании и реализации права: это либо мощный фактор правового развития, культурно-исторического прогресса в целом, либо тормоз, сопротивление преобразованиям, реформам.

Именно в среде психологических реакций право реализует основные черты своей социальной и культурно-исторической сущности - свобода, равенство, справедливость. Собственно, эти характеристики права выражают как раз человеческие чувства и оценки: от психологического настроения людей, их адекватного восприятия правовой действительности во многом зависит эффективность действующего законодательства.

Правовая психология - наиболее глубинная, скрытая от непосредственного восприятия и понимания сфера культурно-правового дискурса, которая порой дает такие индивидуальные и массовые реакции на правовые явления, что их недооценка способна кардинально повлиять на успех тех или иных законодательных программ. Невосприятие в психологии населения определенных запретов и дозволений как социально оправданных ведет, как правило, к серьезным трудностям в реализации нового законодательства, порождает проблемы функционирования правовой системы в целом.

Кроме того, правовая психология включает в себя значительную область бессознательного — мир психических явлений и процессов, обусловленных фактами действительности, во влиянии которых индивид не отдает себе отчета. Под бессознательным понимается форма психического отражения, в которой образ действительности и отношение субъекта к этой действительности представлены как одно нерасчлененное целое. В отличие от сознания в бессознательном отражаемая реальность сливается с переживанием субъекта⁵⁷.

Бессознательное воздействует не только на эмоциональную сферу индивида, но и на его поступки, поэтому сфера бессознательного активно вовлечена в генезис правовых представлений, участвует в формировании как правового, так и противоправного поведения. Бессознательное как явление правовой психологии находит выражение в таких формах познания действительности как интуиция, привычные действия, психологический аффект, социальное возбуждение (паника), а также в стремлениях, действиях и установках, причины которых не осознаются человеком.

По утверждению Р.С. Байниязова, «без работы подсознательного уровня правосознания, его интуитивных структур, невозможно сформировать цело-

⁵⁷ См.: Философский энциклопедический словарь. М, 1989, С.58.

стную, системно единую, культурно развитую иерархию законодательных актов, которая была бы адекватной имманентному строению этноправовой психологии. Трудно себе представить, что данная психология была бы полностью осознаваема лишь средствами дискурсивного мышления, ибо движение национального юридического духа зачастую непредсказуемо, смысловая характеристика его бытия порой неосознаваема, а сущность затемнена»⁵⁸.

Итак, правовая психология представляет собой сложно структурированный слой правосознания, объединяющий в себе духовный комплекс чувств, настроений, эмоций, переживаний, иллюзий, воли, фантазии, воображения, совести, интуиции, массовых психологических стереотипов правового поведения. Она формируется не только в результате отражения правовой действительности, но и посредством ее творческого созидания, определяя глубинные источники правотворческого и правоприменительного процесса, их адекватность принципам и нормам естественного права.

Переходя к характеристике второго структурного элемента правосознания — правовой идеологии, необходимо отметить, что в сфере идеологии и через идеологию находят свое выражение потребности и интересы прежде всего социальных групп, классов, государств, мирового сообщества в целом. Конечно, элемент индивидуального, личностного присутствует и в идеологическом отражении действительности: любая идеологическая доктрина формулируется, как правило, отдельными людьми, и лишь потом она становится достоянием многих, достигая в их сознании системного, целостного отражения различных явлений социальной жизни.

Правовая идеология характеризуется целенаправленным, как правило, научным либо философским осмыслением права как целостного социального института, не в отдельных его проявлениях, а в качестве самостоятельного элемента социокультурной жизни общества. Она представляет собой совокупность юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность. Это осознанное отношение к праву, выражаемое в обоснованной, аргументированной критике или одобрении всей правовой системы, правовых учреждений, отдельных законов и т.п.⁵⁹

Правовая идеология стремится, таким образом, к выявлению сущности и социального смысла права, пытается, как правило, представить его в виде законченной культурно-исторической философии. По существу речь идет о формировании правосознания на теоретическом уровне, в котором принимают участие профессионалы.

Формирование правовой идеологии осуществляется как процесс теоретического осознания интересов, целей и задач общества, государства, индивида. Наличие социально и культурно-исторически обоснованной государственно-правовой идеологии является жизненно важным условием деятельно-

⁵⁸ Байниязов Р.С. Правосознание: Психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С.20.

⁵⁹ См.: Теория государства и права: Курс лекций. М., 2001. С. 615-619.

сти любого общества. По существу, национальная правовая доктрина — показатель уровня правосознания общества, она характеризует важнейшие культурно-правовые ценности, которые определяют место той или иной страны в семье цивилизованных народов мира.

Правовые ценности так же разнообразны, как и другие социальные ценности. В частности, они могут затрагивать глубины эмоциональной, нравственной, то есть духовной жизни человека, и могут оставаться на периферии его эмоциональной сферы, воздействуя главным образом на сферу интеллекта. В первом случае правовые ценности можно охарактеризовать как содержательные, а во втором — как ценности формальные.

Формальные ценности не зависят от конкретного содержания предписаний и дозволений правовых норм и присущи любому праву как таковому, поскольку определяются его имманентными целями и способом функционирования. Такова ценность порядка, устанавливаемого правом: упорядоченность общественных отношений всегда предпочтительнее беспорядка и хаоса. Такова ценность равенства, вытекающая из общерегулятивного принципа права и определяющая его формальную справедливость. Такова ценность свободы, гарантировано предоставляемой субъектам на основе существующего правопорядка. Однако формальные правовые ценности носят относительный характер.

Право может упорядочивать общественные отношения по-разному: разными способами и исходя из различных целей. Равенство в праве может распространяться как на всех, так и лишь на отдельные группы и социальные слои. Свобода может пониматься как свобода для индивида и как свобода для общества, нации или класса. Различие во взглядах на цели и задачи права объясняется как раз различием в ценностных ориентациях.

Основное внимание исследователей при рассмотрении общения, информационного взаимодействия, в последнее время чаще всего сосредоточивалось на разработке новых способов и форм социального взаимодействия, современных информационно-коммуникативных технологий, на их необходимости и в целом на позитивном значении и влиянии на организацию совместной деятельности, социальное управление, на развитие общества и личности. Достаточно очевидно, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функционирование общества.

Отличительной чертой нашего времени является огромное количество информации, поступающей извне и воздействующей на человека. Несомненно, настоящее человечество можно назвать **информационной** эпохой. На смену постиндустриальному обществу пришло общество информационное.

Элементы концепции информационного общества содержатся в работах канадского ученого Маршалла Маклюэна. Концепции Маклюэна затрагивают такие сферы, как цивилизация, культура, способы (средства) распространения культуры и, наконец, роль, которую играют эти средства (в частности, телевидение) в жизни современного человека.

Основная идея Маклюэна заключается в том, что способы, при помощи

которых люди общаются, важнее, чем та информация и содержание, которые они передают друг другу. Иными словами, технология коммуникации в значительной мере предопределяет то, как люди ведут себя, видят и воспринимают окружающий мир, то, как они думают.

Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники теории информационного общества связывают его становление с доминированием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. При этом утверждается, что капитал и труд как основа индустриального общества уступают место информации и знанию в информационном обществе. Социальные и политические изменения рассматриваются в теории информационного общества как прямой результат «микроэлектронной революции». Перспектива развития демократии связывается с распространением информационной техники. Тоффлер и Мартин отводят главную роль в этом телекоммуникационной «кабельной сети», которая обеспечит двустороннюю связь граждан с правительством, позволит учитывать их мнение при выработке политических решений. Работы в области «искусственного интеллекта» рассматриваются как возможность информационной трактовки самого человека.

«Информационное общество» - это цивилизация, в основе развития и существования которой лежит особая нематериальная субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов, и т.п., а также служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому. Таким образом, информация в современном мире одновременно определяет и социокультурную жизнь человека, и его материальное бытие.

Другой характерной особенностью современного информационного пространства является его постоянное и стремительное расширение, осуществляемое самим же человеком. Особенно бурно этот процесс протекает в последнее время.

За последние десятилетия медиа-индустрия в своем развитии достигла таких же результатов, каких банковское дело — за столетия. Новые технологии телевидения, открытие эры Интернета делают десятки миллионов человек активными или пассивными участниками медиа-индустрии. Лавинообразно растет количество профессионально занятых в этой сфере.

Работы современных исследователей, развивающих взгляды Циолковского, Вернадского, Винера и ряда других ученых, закономерно подводят к выводу о необходимости перевода философско-теоретического осмысления идеи всеобщего информационного поля в область прикладных научных исследований, имеющих непосредственное практическое значение для человека.

Становление современной цивилизации невозможно без формирования

информатизированного общества. В то же время этот процесс подключения к международным сетям и создание национальных информационных сетей имеет ряд отрицательных последствий. Это, прежде всего, связано с тем, что информация является эффективным средством формирования общественного мнения, создания у людей социально-психологических установок, влияющих на их деятельность в самых различных сферах.

Специалисты различных профессий чаще всего рассматривают информацию в ограниченной сфере, в пределах тех задач, которые они решают. Разумеется, каждая профессия требует своего специфического подхода к использованию информации, однако, более глубокому изучению этих подходов полезно предпослать сумму некоторых общих сведений и понятий, что, безусловно, облегчит профессиональную деятельность в самых различных областях.

Информацию можно не только получать, собирать, накапливать, обрабатывать, но и выдавать, направлять, посылать, передавать и т.д. И тот, и другой процессы, будучи в известной степени связанными между собой, требуют в то же время умений и навыков, имеющих самостоятельное значение.

В сфере правовых отношений между отдельными лицами и организациями информация позволяет им и обществу в целом рационально и оптимально принимать решения по широкому спектру проблем. К возникновению проблем ведет недостаточная профессиональная подготовка работника, пользующегося информацией, отсутствие необходимой базы знаний в области информации. На работу с информацией в юридической области накладывает свой отпечаток также социально-экономическая и политическая позиция пользователя, влияющая на ее оценку, а значит и на практические выводы и решения.

Третьей особенностью современного информационного пространства стала огромная роль средств массовой информации. СМИ являются на современном этапе главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание.

Периодическая печать, телевидение, радио, специальная литература — как отечественные, так и зарубежные — являются очень важными и наиболее доступными источниками информации, без изучения которых обойтись нельзя. Однако при работе с ними неизбежно возникают сложности. Поставляемый ими материал неизбежно окрашен политическими симпатиями и антипатиями, что не позволяет при их изучении делать однозначные выводы, для этого требуется дополнительная проверка и перепроверка, сопоставление с другими источниками.

Т.А. ван Дейк считает, что масс-медиа предписывают не столько «что» люди должны думать, а то, «как» они должны думать. Отсюда следуют тезис о «четвертой власти» и борьба представителей разных идеологий в условиях демократического общества за средства массовой коммуникации и информации. Естественно, что в тоталитарном государстве СМИ превращаются лишь в «средство агитации и пропаганды» единственной идеологии.

Влияя на общественное мнение и наполняя содержанием информационное пространство, представители СМИ являются приверженцами определенной идеологии, и если не принимать во внимание некоторые нюансы в их политических воззрениях, то одной и той же идеологии, внедренной в их сознание в ходе воспитания и образования. Что касается современной России, где произошла резкая смена господствующей идеологии, то механизмы ее информационного пространства контролируются, за исключением оппозиционной прессы, исключительно сторонниками новой идеологии. Причины такой ситуации не только экономического и внешнеполитического характера, но и в отсутствии четких принципов правового дискурса в условиях изменившегося информационного пространства, не обеспечившего субъектов права «новым форматом» правового общения.

Правовой дискурс как институциональный вид дискурса, определяемый прежде всего в заданных рамках статусно-ролевых отношений, может формировать идейно-идеологические основы информационного пространства, а также актуализировать некоторое содержание информационного пространства и направлять движение в нем информационных потоков, что поддерживается прежде всего дискурсом масс-медиа, главной целью которого, с одной стороны, является формирование общественного мнения, а с другой, обеспечение единства идейно-идеологических основ информационного пространства.

Особое внимание при изучении основных направлений информационной работы следует уделить деятельности государства в целом и его органов. Актуальность информации требует от государства разработки информационной политики, которая предусматривала бы развитие как ее технологической базы, так и гуманитарно-правовых принципов. Речь идет как о средствах информационного производства, о характере и качестве продукции, так и о ее потреблении и, разумеется, о ее влиянии на умы людей. К сожалению, деятельность государства в этой области чаще характеризовалась отдельными разрозненными мерами, подчиненными не логике созидания цивилизованного информационного пространства, а интересам клановой борьбы за власть, что лишь подливало масла в огонь информационной войны.

Создание современного информационного пространства в России имеет огромное политическое значение. Оно развивает и укрепляет российскую государственность, улучшает взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти и управления, повышает политическую культуру населения. В связи с этим возрастает необходимость в более полном использовании информационных ресурсов общества в целом. Решение этой задачи невозможно без конкретизации и совершенствования законодательной нормативно-правовой базы, обеспечивающей порядок и права на получение, распространение и использование информации, защиту конфиденциальной информации и интеллектуальной собственности. Государство не может быть безучастным к использованию информации в антиобщественных целях, к тем видам коммерческой деятельности, которая создает продукцию, противоречащую общепринятым нормам морали и нравственности, к разжиганию сред-

ствами информации нездоровых инстинктов, межнациональной розни, осужденных мировой общественностью экстремистских взглядов, к пропаганде насилия.

Учитывая, что в условиях глобализации информационной деятельности Россия не может оставаться вне этого процесса, должны быть выработаны официальные правовые нормативы, определяющие возможности, порядок, условия выхода информации за рубеж, информационного взаимодействия с зарубежными партнерами. В плане международном должны быть созданы благоприятные условия для отечественных организаций по обеспечению их конкурентоспособности на мировом информационном рынке.

Все сказанное относится к специальному информационному законодательству, однако информационные аспекты, отражающие работу с информацией, должны присутствовать, конечно, и в статусных актах. Имеются, естественно, также статьи об информации и в наших Кодексах — гражданском, административном и уголовном. Важны также система подзаконных актов, систематически обновляемые комментарии и широкая пропаганда информационного законодательства, обучение ему в учебных заведениях и структурах неюридического профиля.

Каждая норма информационного законодательства должна отражать реальные потребности тех социальных групп, для которых она предназначена, и любой гражданин должен знать о влиянии, которое оказывает информация, о результатах ее обработки, о последствиях этой деятельности для его социальной группы и общества в целом. Тогда такая норма не станет «преждевременной», причем предотвратить нежелательное расхождение между нормами и действительностью поможет приспособление правового дискурса к новым формам деятельности.

Итак, информационное пространство представляет собой область актуализированных знаний, представлений и мнений о мире. Для современного информационного пространства характерна «всеобщая коммуницируемость» (И.А. Мальковская), что делает коммуникацию прерогативой не только человеческого мира, но и социально-технологического. Это связано с процессами глобализации и интенсивным развитием информационных технологий. Эти особенности активно формируют новый режим функционирования правового дискурса. Погружая субъектов права в непрерывный поток информации, современная информационная среда способствует размыванию смысла информации, ускользанию этого смысла от участников общения, что обращает внимание на проблему действенности / недейственности норм. В идеальном плане информационное пространство развивается в контексте общественного сознания (социальной, интерсубъектной концептуальной схемы), понимаемого как информационная модель мира, и проявляется через правовой дискурс, определяемый прежде всего в заданных рамках статусно-ролевых отношений и способный формировать идейно-идеологические основы информационного пространства, а также актуализировать некоторое содержание информационного пространства и направлять движение в нем информационных потоков.

Это обеспечивается прежде всего масс-медиа, поскольку именно через средства массовой информации распространяются тексты законов и иных нормативных актов. В целом же средства массовой информации в правовом дискурсе предписывают индивидам, охваченным информационным пространством, не просто «что должно думать», но «как должно думать». Объективно информационная революция, связанная в наши дни с глобальной сетью Интернет, позволяет получить доступ к практически необъятным информационным ресурсам, а также всемирной электронной почте. Для участников правового общения предлагается новый режим получения не только новостей, но и правовых знаний. При этом скорость передачи информации не всегда соответствует способности ее полного восприятия. Бесконечный поток информации приводит к ее избыточности для субъектов права и разрывает целостную картину представлений о ней, выводя на первый план такое свойство правовой информации, как фрагментарность.

Таким образом, правовой дискурс в режиме нового информационного пространства приобретает ряд дискурсивно-правовых доминант, к которым относятся: 1) всеохватность коммуникативного эффекта; 2) посреднический характер трансляции сообщений; 3) потеря целостности сообщений; 4) высокоскоростной режим получения и передачи информации; 5) возрастание технологического уровня коммуникации.

С развитием информационных технологий и расширением возможностей дистантного общения коммуникантов активно развиваются письменные речевые жанры, включающие в свою структуру элементы собственно устных речевых жанров. В частности, такими особенностями обладают многие жанры виртуального дискурса – чаты, форумы, социальные сети и т.д.

Кроме того, именно современное информационное пространство позволяет определить изменения сфер соприкосновения правового дискурса с другими разновидностями институционального дискурса (политическим, научным, религиозным и др.). Человек как существо социальное живет в реальном мире, однако ориентируется в нем и совершает свои действия на основании тех представлений о действительности и ее описаниях, которые вырабатывались на протяжении всей истории.

Одно из ключевых понятий дискурса в системе знаний о праве - это **контекст**, рассматриваемый динамически не как состояние, а как процесс, где высказывания понимаются как контекстно-оформленные и обновляющие его⁶⁰. Современные теории изучения дискурса характеризуются такими свойствами, как понимание контекста как динамического процесса и развитие его динамических аспектов, исследование живой речи, построенное на принципах эмпирического анализа речевых взаимодействий с концентрацией на реализации специфических черт и стратегий. Контекстуальность правового дискурса определяется такими его специфичными чертами, как типизированные формализованные условия общения, сформированная традиция общения (прецедентность), и наличие значительного пласта общих текстов (универсальность

⁶⁰ Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1996. P.19.

и объективность категорий, норм и конвенций).

Целью правового общения является процесс установления правовых отношений и устойчивого правопорядка, представленный в вербальной или невербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами правового общения - логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений. Поэтому, рассматривая ситуационный вид компонента «среда», не обойтись без разграничения дискурсов по их каналам общения. Любое дискурсивное общение происходит с помощью различных каналов связи (общения). Р. Белл (1980) классифицирует их следующим образом.

1. Зависимый-независимый (вербальный-невербальный). Язык является основным средством общения и поэтому независимым каналом. Поза, пространственная близость, одежда, жестикуляция, выражение лица, характер голоса и т.д. – динамические характеристики, составляющие зависимый канал общения.

2. Статичный-динамичный. Под статичным каналом общения понимают письменное общение или позу. Под динамичным – говорение, жесты, голосовые признаки и т.д. Однако данная дихотомия условна, так как даже в текстах конкретного дискурса эти элементы могут выступать в различных комбинациях (устных/письменных).

3. Слуховой-зрительный-тактильный. К проявлениям на уровне слухового канала относятся интонация, ритм, пауза, темп речи. На уровне тактильного – поцелуй, рукопожатие, поглаживание по голове. На уровне зрительного – смех, хихиканье, дрожание, плач и т.д. В структуре дискурса проявление эмоциональности и выражение тональности (официальной, нейтральной или дружеской) служат его дополнительными, модальными характеристиками.

Вслед за Л.П. Крысиным мы выделяем также контактный/дистантный канал общения (Крысин, 1989). Непосредственное общение с собеседником, с массовым адресантом или опосредованное с помощью технических средств (компьютера, телефона) оказывает влияние на выбор коммуникативных стратегий и коммуникативных средств, способствующих достижению максимального взаимопонимания участников общения.

Но для нас все-таки самым важным является противопоставление в этой области устного и письменного правового дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Иногда различие между устной и письменной формами использования языка приравнивается к различию между дискурсом и текстом, однако такое смешение двух разных противопоставлений неоправданно.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался большим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного.

Письменная и устная разновидности правового дискурса подвергаются анализу по четырем параметрам.

1. Форма реализации. Названия «устная» и «письменная» свидетельствуют о том, что первая – звучащая правовая речь, а вторая – графически оформленная. Это их основное различие. Для письменной формы необходимы графические знаки, которые передают элементы звучащей речи.

2. Отношение к адресату. Письменная речь обычно обращена к отсутствующему человеку. Пишущий не видит своего читателя. Он может только мысленно представить его себе. На письменную речь не влияет реакция тех, кто ее читает. Напротив, устная речь предполагает наличие собеседника, слушателя. Говорящий и слушающий не только слышат, но и видят друг друга. Поэтому устная речь нередко зависит от того, как ее воспринимают. Реакция одобрения или неодобрения, реплики слушателей – все это может повлиять на характер речи, изменить ее в зависимости от реакции, а то и прекратить.

3. Характер восприятия устной и письменной разновидностей правового дискурса. Письменная речь рассчитана на зрительное восприятие. Во время чтения всегда имеется возможность перечитать непонятное место несколько раз, сделать выписки, уточнить значение отдельных слов, проверить по словарям правильность понимания терминов. Устная речь воспринимается на слух. Чтобы ее воспроизвести еще раз, необходимы специальные технические средства. Поэтому устная речь должна быть построена и организована таким образом, чтобы ее содержание сразу понималось и легко усваивалось слушателями.

4. Порождение формы. Говорящий творит свою речь сразу. Поэтому нередко говорящие делают паузы, обдумывая, что сказать, мысленно подбирают слова, строят предложения. Это качество устной речи называется необратимостью речевого потока. Пишущий, в отличие от говорящего, имеет возможность совершенствовать написанный текст, несколько раз к нему возвращаться, добавить, сократить, изменить, исправить.

Помимо двух фундаментальных разновидностей правового дискурса – устной и письменной – следует упомянуть еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не производя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия легко наблюдаемых проявлений мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследований мысленного дискурса, или, в традиционной терминологии, внутренней речи принадлежит Л.С. Выготскому.

С каналом общения в правовом дискурсе связана и такая дискурсивно-правовая доминанта, как обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства) или, в другой терминологии, хронотоп правового дискурса.

Хронотопом правового дискурса является обстановка, типичная для юридического диалога. Диалог этот может быть устным и письменным (как было отмечено выше), поэтому для устного дискурса подходят зал заседаний, лаборатория, кафедра, кабинет юриста, а для письменного прототипным местом являются правовые учреждения и Интернет.

Кроме того, для понимания предмета нашего анализа, на наш взгляд, существенным является принятие во внимание того факта, что текст как единица правовой коммуникации включен в отношения между говорящими, субъектами права, он структурирует их деятельность, регулирует и планирует отношения между ними. Общение субъектов права в правовой сфере представляет собой контекст для высказываний, объединенных в текст. Именно в общении текст получает свое значение, и именно на основе общения он может быть понят и проинтерпретирован адекватно замыслу автора. Следует учитывать, что текст представляет собой сложный знак, предполагающий охват очень большого количества факторов внешней среды и в силу своей неоднозначности подлежащий интерпретации (толкованию) со стороны реципиента (субъекта права). Это своего рода внутренний контекст правового дискурса, обусловленный внутренними процессами его протекания.

Обобщая вышесказанное, подведем некоторые **итоги**.

Во-первых, при анализе компонента «Среда» правового дискурса рассматриваются следующие виды, которые необходимы для нашего исследования: 1) *социокультурная*; 2) *идеологическая*; 3) *информационная*; 4) *контекстуальная (ситуативная)*.

Во-вторых, базовыми дискурсивно-правовыми доминантами социокультурной среды правового дискурса выступают: а) *ментальность нации*, б) *картина мира (включая языковую картину мира)*, в) *типы носителей базовой и маргинальной культур*.

В-третьих, дискурсивно-правовыми доминантами идеологической среды правового дискурса являются: а) *правовая психология*, б) *правовая идеология*.

В-четвертых, правовой дискурс в режиме нового информационного пространства (среды) обладает дискурсивно-правовыми доминантами, к которым относятся: а) *всеохватность коммуникативного эффекта*; б) *посреднический характер трансляции сообщений*; в) *потеря целостности сообщений*; г) *высокоскоростной режим получения и передачи информации*; д) *возрастание технологического уровня коммуникации*.

В-пятых, ситуационный вид компонента «среда» предполагает выделение следующих дискурсивно-правовых доминант правового дискурса: а) *канал общения (зависимый-независимый, статичный-динамичный, слуховой-зрительный-тактильный, контактный-дистантный)*, б) *разновидности правового дискурса (устная, письменная и мысленная)*, в) *обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства) или, в другой терминологии, хронотоп правового дискурса*.

* * *

ГЛАВА 2. КОМПЛЕКСНЫЙ ДИСКУРС-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Научной задачей данной части исследования является применение подхода на основе атрибутивно-функционального единства, который содержит в себе два основных общетеоретических положения определения правового дискурса. Согласно первому информация как когнитивная ценность обеспечивает процесс правового дискурса, «транслирующий в речемыслительной практике запечатленные ею смыслы»⁶¹. При втором правовой дискурс рассматривается как структура, «где опыт наполняется значением и смыслом, приобретает, благодаря информации, структуру, связность и цельность»⁶².

При данном подходе появляется возможность выявить специфические черты правового дискурса, исследовать его как структурированную совокупность языковой формы, правового мышления и правовой деятельности, существующую в национальном лингвокультурном континууме взаимодействия субъектов права в правовом регулировании, в процессуальном смысле выступающую в качестве коммуникативно-юридического механизма формирования и развития правовых отношений. Частными составляющими (составными частями) данного механизма являются виды и типы правового дискурса. «Под «механизмом», согласно поставленной научной задаче, понимается *внутреннее устройство отношений, а также целеориентированная совокупность элементов и связей внутри системы*»⁶³. При этом «*движение любого из элементов влияет на функционирование остальных, неизбежно приводит в движение и видоизменяет другие звенья информационно-правового взаимодействия в правовом регулировании, обеспечивающем контроль за общественными отношениями*»⁶⁴.

Дискурсное изучение права сопряжено с рядом наиболее характерных тенденций, к которым, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, дискурс-правовой анализ представляет собой подход, а не прикладной метод. Целью такого анализа является исследование правового дискурса как своего рода универсального обобщителя, выполняющего функцию регулятора процессов коммуникации, протекающих не только в сфере права, но затрагивающего и другие характеристики человеческого бытия, связанные с развитием общественных отношений. И хотя методы и принципы дискурс-правового анализа существенно отличаются в зависимости от подхода исследователя, они в основном направлены на статичное описание правового дискурса на определенном выбранном для анализа исследователем этапе. Отсутствие единых методологических стандартов создало условия появления множества самостоятельных концепций правового дискурса. Постепенно из этого многообразия обозначаются основные тенденции, которые ставят вопрос о необходимости их актуализации и осмысления анализа границ право-

⁶¹ Попов В.Д. Социальная информациология и журналистика. М., 2007.

⁶² Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003.

⁶³ Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования гражданско-правовых отношений: Автореф. дис....канд. полит. наук. М., 2007. С. 8.

⁶⁴ Там же.

вого дискурса, не затрагивая проблемы динамики развития правового дискурса. Однако было бы неверным утверждать, что правовой дискурс совсем не развивается. Специфической чертой правового дискурса является постоянное информационно-коммуникативное обновление его облика, обусловленное, прежде всего, динамикой развития общественных отношений.

Во-вторых, на фоне положительной тенденции расширения и конкретизации области дискурс-правового анализа наблюдаются тенденция раскрытия правового дискурса как самопорождающегося информационного процесса в сфере правовой коммуникации, лишённого вневременной устойчивости и предполагающего постоянную корректировку его понимания. В реализации этого положения правовой дискурс может рассматриваться как универсальная человеко-средовая структура в рамках социально-правового взаимодействия субъекта права с окружающей его средой. Социально-правовая интерпретация проблем правового дискурса ориентирована на формирование образа правового общения, являющегося фрагментом общего социального взаимодействия и, одновременно, одним из условий его полноты и непротиворечивости. Кроме того, структура правового дискурса позволяет определить сферы его соприкосновения с другими разновидностями институционального дискурса (политическим, научным, религиозным и др.). Особую роль в правовом дискурсе играет дискурс масс-медиа, поскольку именно через средства массовой информации распространяются тексты законов и иных нормативных актов.

В-третьих, утверждение возможности дискурсивного обновления объясняет природу процессуальности правового дискурса и условия формирования образа его вневременной структуры. Процессуальность правового дискурса определяется постоянной изменчивостью характера правового общения, связанной с отсутствием стабильности в среде (контекстуальной, социокультурной, идеологической и информационной). Однако постоянное наличие в правовом дискурсе субъекта права служит основанием для выделения элементов и связей, которые и создают вневременную структуру правового дискурса.

В-четвертых, одним из аспектов исследования правового дискурса является его описание с помощью создания *информационно-динамической модели правового дискурса*, состоящей из следующих компонентов: *человек – деятельность – информация – среда (ЧелДИС)*.

Предложенный набор параметров является незавершённым, и могут быть выделены иные параметры в результате изучения правового дискурса в рамках других научных исследований. Кроме того, выдвинутый ранее тезис о процессуальности правового дискурса позволяет утверждать, что процесс не является его абсолютной субстанцией, так как правовой дискурс обнаруживает и структурные свойства, которые, однако, существуют только в процессуальном измерении. Итак, структура, характеризующая устойчивое состояние правового дискурса, реализуется в рече-языковой информационной деятельности субъектов права в процессе правовой коммуникации.

Таким образом, использование категории дискурса в правовом исследовании позволяет зафиксировать процессуально-деятельностный аспект смыслообразования и смысловоспроизводства в системе права; описать условия и механизмы интеграции правового дискурса – структуры и правового дискурса – процесса, а также изучить стратегии институционализации и легитимации общественных отношений средствами правового дискурса.

В-пятых, дискурс-правовой анализ предполагает не только анализ содержания текстов с точки зрения их синтаксической, семантической прагматической и прочих сторон, но и то, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в аспекте трансформирующейся среды. Язык не имеет универсальных значений, но представляет собой совокупность частных значений, приписанных как адресантом, так и адресатом в соответствии с ситуацией, в которой язык используется. Попадание в определенное дискурсивное пространство означает для субъектов права подчинение определенным правилам речемыслительной деятельности. Кроме того, как уже отмечалось выше, тексты не просто репрезентируют и отражают определенное видение реальности, они также играют огромную роль в самом конструировании и поддержке этой реальности. Существует динамическая связь между текстом и контекстом, в котором производится текст. Тексты как создают контекст, так и создаются контекстом. Дискурс-правовой анализ рассматривает тексты в их социальном, культурном, политическом, историческом и информационном контекстах. В свою очередь, юридический язык применяется в различных формах правового взаимодействия для презентации правовой информации (текстов), когда между субъектами права происходит активная работа по обмену правовой информацией в юридическом процессе и за его пределами. Сказанное подтверждает тезис о неразрывной связи языка права как эффективного средства правового взаимодействия и правового дискурса как единственной формы презентации этого юридического языка.

Таким образом, анализ современных тенденций исследования правового дискурса позволяет расширить смысловое пространство социально-правового аспекта исследования правового дискурса.

* * *

2.1 Методология правового дискурса

Современная наука характеризуется стремлением к интеграции знаний, становлением комплексного подхода к изучаемым объектам, с одной стороны, и в то же время дифференциацией научного знания, разнообразием направлений, с другой стороны. И чем сложнее, многограннее объект исследования, тем больше существует точек зрения и аспектов его анализа, что приводит к разным методологическим подходам и разнообразию частных методик анализа, несовпадению используемых терминологических систем.

Юридическая наука ориентируется на новые теоретические начала и предпринимает попытки осмыслить право в различных направлениях, подходах, контекстах. Так, к примеру, развивается коммуникативно-информационная теория права А.В. Полякова⁶⁵, имел определенный научный резонанс юридино-антропологический подход к праву, намеченный О.А. Пучковым⁶⁶, неоднозначные реакции вызывают современные модернистские трактовки права⁶⁷. Все эти новации в оценках права связаны с обновлением системы знаний, а также с процессами получения этих знаний о праве как о реальном явлении, которое существует, вырабатывается обществом и направлено на регулирование общественных отношений. Эти изменения коснулись методологии исследования правовых процессов и явлений⁶⁸. В поле внимания ученых-правоведов оказываются новые правовые категории, требующие совершенно иных, иногда не традиционных для права подходов и методов исследования.

В подобном состоянии – изменения в парадигме представлений, тенденций формирования новых знаний в контексте достижений других наук – находится на стыке веков и правовой дискурс.

Изучением правового дискурса занимаются психологи, философы, социологи, специалисты по теории коммуникации, лингвисты, используя различные подходы и исследовательские методы⁶⁹.

В последние годы интерес к этому феномену возник и в правовой науке⁷⁰.

Возникновение новой научной категории, нового научного понятия стало возможным благодаря способности права быть рассмотренным как «*факт истории*, сущность которого постигается на том уровне абстракции, где соединяются понятия и категории социологии, этики, психологии, политологии и собственно истории»⁷¹.

⁶⁵ См.: Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.

⁶⁶ См.: Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 2000.

⁶⁷ См.: Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. Он же. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. См. также общий обзор по современному правопониманию: Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; и др.

⁶⁸ См. по методологии права: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000; он же. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986; он же. Философские проблемы права. М., 1972; Ллойд Д. Идея права. М., 2002; Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002; Малахов В.П. Философия права. Екатеринбург; М., 2002; Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995; Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997; Осипов И.Д. Философия права: Конспект лекций. СПб., 2000; Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права: Учебное пособие. Самара, 1995; Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. СПб., 2003; Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб., 2002; Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000; и др.

⁶⁹ См.: Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2005; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987; Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002. Hodge R., Kress G. Language as Ideology, 1993; и др.

⁷⁰ Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003; Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.

⁷¹ Лейст О.Э. Сущность права. М.: Зерцало, 2002. С. 6.

Правовой дискурс - весьма сложный процесс, и изучение разных его компонентов включает определенные направления и опирается на разнообразные методы в рамках методологического подхода. Таким подходом, на наш взгляд, является комплексный дискурс-правовой анализ, включающий несколько направлений и группу методов исследования, необходимых для раскрытия сути такого феномена в праве, как правовой дискурс.

Термин *discourse analysis* впервые был использован в 1952г. Зеллигом Харрисом. Формирование дискурс-анализа как относительно самостоятельной дисциплины связывается, в первую очередь, с работами французских, немецких, а также британских и американских исследователей 60 – 70-х годов – П. Анри, К.-О. Апеля, Ж. Бодрийяра, Дж. Брауна, Х.-Г. Гадамера, Ж. Граймса, Ж. Женнетта, В. Камлая, Э. Кассирера, У. Кинча, Ж. Коке, Ж. Курте, В. Лабова, Ж. Лакана, А. Леконта, П. Лоренцена, Д. Мальдидье, Ж. Отье-Ревю, М. Пеше, П. Рикера, А. фон Савиньи, П. Серио, Р. Томлина, С. Томпсона, Э. Тугенхадта, М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Шароля, М. Хэллидей, У. Чейф, Дж. Юл и других⁷².

Однако оформление дискурсивного анализа относится к 1970-м годам. Именно в это время окончательно формируются и активно развиваются направления и школы дискурс-анализа, среди которых наиболее влиятельными и продуктивными являются: а) французская школа дискурс-анализа (П. Анри, Ж.Ж. Куртин, М. Пешё и др.); б) теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Р. Сёрль и др.); в) конверсационный анализ (Г. Сакс, Э. Щеглов, Г. Джефферсон и др.); г) Бирмингемская школа дискурс-анализа (М. Кулхард, Дж. Синклер и др.); д) социолингвистика (У. Лабов, Дж. Фишман, С. Эрвин-Трипп и др.); е) критический дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк, Р. Лакоф и др.); ж) немецкая школа дискурс-анализа (К.-О. Апель, А. фон Савиньи, Э. Тугендхат, Ю. Хабермас и др.).

В настоящее время дискурсивный анализ вполне институционализировался как особое междисциплинарное научное направление.

Многие исследователи считают, что правовое мышление, правовое действие и языковая форма находятся в тесном единстве, тем самым признавая, что правовой дискурс является объектом междисциплинарных исследований. В соответствии с данным положением ими определяются подходы к изучению правового дискурса и методы исследования правового дискурса. Арсенал подходов и методов исследования правового дискурса весьма многообразен. Об этом свидетельствует проведенный автором анализ работ, посвященных проблемам правового дискурса.

Изучение правового дискурса во многом определяется соотношением методологии целого ряда наук: юриспруденции, философии, антропологии, культурологии, языкознания и других – формирующих в конкретный исторический момент основание правовой картины мира. Рассматривая систему

⁷² Апель К.О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. №1. С.76-92; Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.: Университетская книга, 2002; Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: МГУ, 1995; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Канон-Пресс, 2002; Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.

подходов к возникновению и использованию метода дискурс-правового анализа в правовом исследовании, мы опираемся на трехуровневую модель теорий, положенных в основу указанного подхода.

На первом уровне, составляющем теоретическую базу подхода во всей его полноте, можно расположить *философские* и общие социально-культурологические теории, определяющие социально-философские особенности правового дискурса. На втором уровне располагаются теории более узкого плана, определяющие направление формирования правового дискурса в рамках эволюционного (*исторического*) процесса. На третий уровень мы поместили ряд теорий, формирующих собственно правовые и лингвистические аспекты правового дискурса, научные изыскания которых описывают *технологии* его построения.

К **первому уровню** относятся работы, позволяющие описать представления о дискурсе в социальной реальности. На этом уровне закладывается методологический базис всех последующих действий исследователя, среди которых определение понятия и его границ в социальной действительности. В докторской диссертации Е.А. Кожемякина «Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры»⁷³ содержатся ответы на вопросы об обращении людей к социокультурной действительности, в которой они живут вместе с другими людьми. Кожемякин определил в качестве предмета исследования дискурсивную форму бытия культуры, охарактеризовал значимость дискурсивного опыта для человека и придал ему особое значение в построении схем рационального действия. Ему удалось определить позицию человека, действующего в дискурсивной форме бытия культуры, а также интересубъективность знания, получаемого им в результате социокультурного взаимодействия. Е.А. Кожемякин сделал акцент на существовании множественных дискурсивных разновидностей бытия культуры (научный, религиозный, педагогический и другие виды дискурсов), альтернативных и в то же время взаимопроникающих миров. Это привело исследователя к формулировке принципиально важных положений о способах конструирования и конституирования бытия культуры взаимодействующими субъектами.

Проблема, которая специфицирует правовой дискурс, связывается автором с регулированием *социальных* отношений между индивидами и с полномочиями (легитимностью), свободами и ответственностями субъектов правового дискурса. Автор отмечает, что правовой дискурс направлен не просто на точное описание положения дел, но и на реализацию действий по изменению действительности, что свидетельствует о преследовании правовым дискурсом цели нормирования и регулирования социальной реальности. Телеология правового дискурса базируется на системе социального контроля, которая создается с помощью иных институтов, уже сформированных социокультурных отношений и ценностей.

⁷³ Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. 40 с.

Предметная область правового дискурса включает в себя три «онтологические сферы»: «фактуально-физические» объекты, относящиеся к предметному миру и действительному положению дел; «поведенческие» объекты, относящиеся к действиям и отношениям; «абстрактные» объекты, относящиеся к отвлеченным категориям, позволяющим совершать когнитивные операции с первыми двумя типами объектов. Все три группы объектов наделяются в правовом дискурсе ценностным статусом.

Специфика языка правового дискурса, считает Е.А. Кожемякин, выражается в широком использовании понятийно-смысловых языковых средств, клише и канцеляризмов, сложности синтаксических структур, устойчивом использовании ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальности. Язык правового дискурса фиксирует своего рода примат юридической картины мира над обыденной и свидетельствуют о его подчиненности цели нормализации отношений.

Юридические тексты содержат и раскрывают базовые понятия и категории юриспруденции, содержат критерии оценки правомерности действий, описывают технологию правореализации, создают информационные прецеденты. Автор обосновывает, что текст правового дискурса обладает ценностными характеристиками, а также понимается и как репрезентированная реальность, и как социокультурный конструкт.

Для правового дискурса характерно «отчуждающее» действие в отношении субъекта дискурса, что осуществляется с помощью языковых, когнитивных, коммуникативных и контекстных механизмов.

Объектом исследования М.И. Пантыкиной в ее работе⁷⁴ является «феномен правовой жизни, который предстает как мир данностей права, возникающий в актах интерпретации смыслов социального опыта и реализующийся в специфических способностях субъекта права – правомочиях, правовых обязанностях и правовых суждениях, конкретизированных и закрепленных в правовых институциях»⁷⁵. И хотя названная работа не посвящена правовому дискурсу полностью, при разработке феноменологической модели права, отраженной в исследовании, автор подчеркивает роль правового дискурса как выразителя воли субъекта права, благодаря которой он может включаться в дискурсивную практику. Предназначение правового дискурса в современном мире, по мнению автора, состоит в том, «чтобы обнаружить в нем проблемы и линии напряжения в реализации ценностей либерализма и правового государства»⁷⁶. На основе анализа подходов к сущности правового дискурса М.И. Пантыкина выделяет его основные стратегии и делает вывод о том, что активность субъекта правовых суждений проявляется с помощью правового дискурса, являющегося средством выражения его социального опыта.

Второй уровень теорий, положенных в основу как теории правового дискурса, так и метода дискурсивного анализа, наиболее ярко представлен

⁷⁴ Пантыкина М.И. Феноменология правовой жизни: методология и социально-философский аспект исследования: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2010. 46 с.

⁷⁵ Пантыкина М.И. Указ. соч. С.9.

⁷⁶ Пантыкина М.И. Указ. соч. С.39.

работами А.В. Полякова⁷⁷, Е.В. Кучумовой⁷⁸ и А.С. Александрова⁷⁹.

Идея онтологического взаимодействия права и коммуникации отражена в концепции А.В. Полякова, который использует понятие «правовой дискурс». Перспективность данного подхода, по мнению автора, позволяет избавиться от идеологической нагруженности правопонимания и собственно права как многоаспектного явления. Особое внимание в его работе обращается на различные варианты ценностных социокультурных предпочтений. С нашей точки зрения, подобное противопоставление «идеологического» и «ценностного» в понимании права не совсем оправдано, поскольку любые ценностные концепты включают в себя идеологическую составляющую, хотя сама идея интегральной концепции права применительно к изучению правового дискурса является, безусловно, значимой. Анализ концепций правопонимания приводит автора к открытию глубинных структур человеческой психики, организованных как совокупность оппозиций. А.В. Поляков дает характеристику некоторым особенностям человеческого мышления с точки зрения его когнитивных способностей к восприятию, хранению и забыванию информации, а также ставит проблемы интерпретации и определения смыслов текстов.

Привлечение А.В. Поляковым широкого круга методологических идей философии, социологии, культурологии, лингвистики, семиосоциопсихологии, кибернетики, герменевтики позволяет проанализировать правовой дискурс как коммуникацию, а коммуникацию как компонент социального бытия. Автор справедливо отмечает, что право предполагает правовую коммуникацию, которая предстает как порядок коммуникативных отношений, реализуемых через правовые нормы, причем подчеркивается принципиальная несводимость правовой нормы к правовому тексту. Правовой текст рассматривается автором в социальном контексте, что предполагает интерпретацию правовых текстов. А.В. Поляков заостряет внимание на этой проблеме, не проводя структурный анализ текстов правовой коммуникации в различных концепциях права. На наш взгляд, правовой дискурс при всей своей универсальности имеет свои особенности в каждой из концепций правопонимания. Придерживаясь позиций позитивного права, мы выделяем специфику правового дискурса как деятельностного процесса информационно-средового взаимодействия, проводя анализ конкретных правовых текстов.

В своем исследовании А.В. Поляков ограничивается рассмотрением правового дискурса только в рамках понимания права с точки зрения различных его концепций, не затрагивая самого **процесса** протекания правовой коммуникации. По нашему мнению, правовой дискурс должен анализироваться в действии, применительно к процессу правового регулирования на различных его стадиях, а также рассматриваться в конкретных правовых текстах (законах, указах и других источниках права).

⁷⁷ Поляков А.В. Указ. соч.

⁷⁸ Кучумова Е.В. Указ. соч.

⁷⁹ Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Дис. ...д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2003. 653 с.

Диссертация Е.В. Кучумовой выполнена в русле идей А.В. Полякова. Исследовательница в своей работе конкретизировала сам термин «дискурс» и определила грани его применения в юридической науке. Опорой метода Кучумовой служит соотнесение дискурса с идеологическим контекстом, где делается акцент на тех или иных политико-правовых установках определенного исторического периода. Суть методологии автора состоит в поэтапном подъеме пластов знания о правовом дискурсе при четком выделении исторических эпох. С этих позиций автором обосновываются теоретические источники российского правового дискурса и описываются предпосылки формирования современного российского правового дискурса.

Теоретическими источниками российского правового дискурса, по мнению автора, выступают: правовой этатизм, социологическая школа права, психологическая теория права, естественно-правовые теории, плюралистическая концепция права. Кучумова проводит основательный философско-культурологический анализ формирования правового дискурса в российской культуре конца XX века, выявляя теоретическую значимость различных типов правопонимания для изучения права как социокультурного феномена. Автором выделяются основные составляющие правового дискурса в культуре, такие как правосознание, правовые отношения и правовая деятельность, формы права, формы институализации права. В работе проанализирована эволюция правового дискурса как под углом зрения анализа общих аспектов, присущих любому дискурсу, так и под углом зрения частных аспектов, обусловленных спецификой культурно-исторического опыта.

Особое значение для становления метода дискурсивного анализа в философско-историческом аспекте приобретает работа А.С. Александрова⁸⁰. Исследователь очертил границы применения анализа дискурса, осветив практику анализа текстов в судопроизводстве. В работе автора дается критика традиционной методологии правоведения как логоцентрической, суть которой заключается в перемене взгляда на язык: он понимается не как средство, а как «бытийственный образ права». Логоцентрическая культура современного правоведения, по мнению, А.С. Александрова, критически осмыслена и обобщена, право понимается как нечто объективное (даже если это абсолютная идея), а языковая форма его выражения - как нечто относительное и служебное. Юрист исходит из предпосылки, что истина открывается субъектом через логос; проблема коммуникации при этом сводится к явно упрощенной схеме: адресант – канал – адресат. Новый взгляд на сущность права, с авторской точки зрения, возможен только при переходе к новому пониманию субъективности и текста. «Усомниться в метафизических основаниях правоведения не значит осуществить перестановку элементов в оппозициях означающее – означаемое, буква – дух закона, закон – право, и в том, чтобы подвергнуть критике сам принцип оппозиционности. Это значит - увидеть относительность не только правовых идеологий, ценностей, но относительность права

⁸⁰ Александров А.С. Указ. соч.

как такового к тексту»⁸¹.

Право, как считает А.С. Александров, – это интертекст, в котором постоянно происходит становление значения. Интерпретация есть сущностный элемент права как текстового феномена. Человек – это существо говорящее. Говорящее – значит юридическое⁸². О существовании иной реальности, кроме прочитываемой в виде текста, считает автор, мы можем строить лишь предположения, исходя из нашего языкового опыта. Наше сознание представляет собой языковую картину мира. Познание является переводом чувственных ощущений, воспринимаемых сенсорной системой, в знаковые системы посредством языковой программы. Мы познаем окружающий нас мир по определенным лингвистическим схемам. Субъективность имеет дело не с реальностью, а с синтаксисом, рождающим маркировки, доступные прочтению в виде знаков. Мысль изобретает речь. Поэтому познание имеет нарративную природу, его следует рассматривать как понимание текста.

И далее автор рассуждает о том, что слово выражает суть человека. Слово-правие неизбежно ведет к признанию право-словия. Право-словие выражает сущность предлагаемого подхода к пониманию права. Право-словие означает, что каждый, кто читает текст закона и понимает его, причастен к творению права⁸³. Таким образом, бытие права состоит в цепочке воспоминаний «воли законодателя» или в совокупности замен, подмен, добавлений, приложений, компенсаций первоначального смысла, сюжета текста законодательного акта, осуществляемых в процессе чтения – письма текста. Чистого означаемого (право «само в себе») нет, но существует целый ряд маневров, посредством которых означаемое (текст закона) притворяется означаемым (правом).

Грамматика языка судопроизводства – это **матрица** (существующая в коллективном бессознательном) для производства правовой текстуры, она определяет валентность текста – права и, следовательно, валидность текста данного закона.

Набор сюжетов судебных дел и сам формат жанра – «судебная драма» определяется как нарративная грамматика. Нарративное понимание текста – права основано на усвоении форм повествования, транслируемых нашей культурой. Текст – право проговаривается в судебной драме как рассказ о нехватке, желании и возмещении.

Применительно к праву – тексту, по мнению Александрова, важна риторичность любого языка, и это неслучайно. Если первым следствием из языковости права является предположение о его грамматичности (структурности), то риторика права выводит прагматическую функцию текста – права. Бытие текста – права неотделимо от речи и ее фигуративности. Действительность права проявляется в его действии. Только в судебной речи можно проверить справедливость закона, так же, как и *justesse* всякого высказывания можно

⁸¹ Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства / Автореф. дис... д-ра юр.наук. Н. Новгород, 2003. С.19.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

проверить референциальной проверяемостью (verifiability) или отклонением от этой верификации.

Во всей изложенной выше процедуре важное место занимает диспозитив доказывания, как отмечает Александров. Это некое снаряженное устройство для производства знания о преступлении и преступнике. Это настройка для судьи, и это судебное знание, готовое к проговариванию. Это языковой опыт, воплотившийся в техниках производства судебной истины, стандартах ее определения.

Таким образом, рассмотренные автором философские основания функционирования компонентов правового дискурса достаточно убедительны, прежде всего, на примерах судопроизводства.

Третий уровень теорий может быть охарактеризован как описание теоретических и методических оснований применения дискурс-правового анализа в лингвистическом исследовании. Этот уровень наиболее ярко представлен в работах последних лет⁸⁴.

Специфика каждой из названных работ находит свое отражение в преобразовании методики исследования правового дискурса, определяет особенности выделения единиц, процедур сбора, обработки и анализа материала. Отправной точкой подхода этой группы исследователей становится языковая специфика текстов правового дискурса, создаваемых представителями различных групп в обществе. В свете такого понимания, на наш взгляд, анализ текста недостаточен сам по себе для дискурс-правового анализа, так как он не проясняет связь между текстами, социальными, культурными и средовыми процессами и структурами. Необходима междисциплинарная точка зрения, в которой сочетается текстовый, социокультурный и средовый анализ. Работы этой группы авторов относятся к исследованиям правового дискурса как одного из видов институционального дискурса. Однако на сегодняшний день еще не предложено ни одного варианта посреднических теорий, позволяющих одинаково успешно изучать как социальные, так и дискурсивные практики только лишь путем дискурс-анализа текстов. В рамках этого уровня исследований мы наблюдаем совокупность когнитивных (из области когнитивной лингвистики) и структуралистских теорий, делающих применение метода дискурсивного анализа настолько сложным для восприятия юристов, на-

⁸⁴ См.: Босов А.Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 26 с.; Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.; Петрук К.С. Семантико-синтаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 18 с.; Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 20 с.; Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 15 с.; Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского дискурса (на материале решений Верховного суда США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

сколько и интересным с точки зрения приращения научного знания о правовом дискурсе. Такое двойственное отношение к методу дискурс-анализа объясняется лишь попыткой концептуализировать то разнообразие теорий и способов организации эмпирического исследования, в рамках которого может быть использован дискурс-правовой анализ.

На наш взгляд, основным недостатком существующих концепций дискурс-анализа, а также причиной отсутствия новых альтернатив является замкнутость исследований только на внутрисистемные отношения: действительно, нелегко найти одинаковые основания для классификации, например, языковых и юридических компонентов правового дискурса. При этом переходный характер правового дискурса в многочисленных научных исследованиях скорее только манифестируется или рассматривается либо на основе лингвистического понятия, либо социокультурного. Не в полной мере имеющиеся трактовки правового дискурса учитывают и фундаментальные параметры существования и функционирования дискурса: *человек – деятельность – информация – среда*.

Анализ имеющихся к настоящему времени научных трудов по проблемам правового дискурса позволяет сделать следующие выводы.

1. Общих научных работ по теории правового дискурса крайне мало, представленные в них концепции не согласуются и не дополняют друг друга ни в теоретических подходах, ни в частности, и созданы они в рамках частно-научных целей исследования вне современной целостной научной парадигмы.

2. Большинство частных исследований, посвящённых различным проблемам правового дискурса, выполнено, как правило, в философском, историческом и лингвистическом аспектах с соответствующей проблематикой и без какого-либо учёта информационно-динамического фактора, кроме констатации переходного характера рассматриваемых дискурсных структур.

3. В современных научных работах по юриспруденции правовой дискурс не всегда является объектом специального изучения и в лучшем случае привлекается в качестве иллюстративного материала наряду с другими единицами при разработке правовых проблем и категорий.

4. Противоречия в теоретических построениях и интерпретации фактического материала, которые наблюдаются в указанных выше концепциях правового дискурса, на наш взгляд, обусловлены и тем, что в них нет обоснования и раскрытия соотношения таких исходных теоретических понятий, как информация и информационная среда, а также глубинной противоречивостью, неопределённостью заимствованных из других наук и актуализированных в юриспруденции понятий.

Между тем, в условиях динамично развивающихся общественных отношений в современной России наряду с трансформацией всех сфер жизнедеятельности общества трансформируется, приобретает все новые очертания и правовой дискурс. Изменение системы информационно-коммуникативных взаимодействий отражается в динамике «формирования общественных инсти-

тутов, проявлении потребности в переходе от директивной, субъект-объектной модели информационных отношений к модели субъект-субъектной, при которой потребитель информации занимает активную позицию в сфере правовых коммуникаций»⁸⁵.

Отличительной чертой правового дискурса в современных условиях выступает важная роль *средств массовой информации*, которые являются посредником передачи правовых смыслов в информационной среде правового дискурса реформируемой России.

Однако наряду с интенсивным вхождением современных информационных технологий в нашу жизнь наблюдается тенденция к сокращению каналов *обратной связи* для согласования и совместной выработки общественно значимых решений, а также к нормативному изменению общепризнанных правил, сопутствующих этому процессу. Роль правового дискурса как диалога между властью и гражданами значительно недооценивается в рамках существующей информационной политики. В результате возникает противоречие, связанное, с одной стороны, с практически неограниченными возможностями участия каждого субъекта права в правовом дискурсе (причем не только по линии *субъект права – субъект права*, но и гораздо шире *государство – социальный институт – субъект права*), а, с другой, интенсивное внедрение императивных монологических установок, широкое использование манипулятивных технологий приводит к нарастанию в обществе политико-правовой апатии, усилению недоверия к власти, и, как следствие, к нежеланию осваивать новые информационные технологии для решения социальных проблем. Для адресата образ адресанта теряется в бесконечном потоке информации, приводит к его обезличиванию, что способствует разрыву процесса информационного взаимодействия, отсутствию взаимобмена. Правовой дискурс в таком случае нарушается, прерывается и, растворяясь, теряется в недрах информационного мира.

Таким образом, предметом разработки методологии правового дискурса необходимо выступает релевантная современной научной парадигме **динамика** правового дискурса, обусловленная, с одной стороны, дискурсивностью права, определяющая его способность к внутренним изменениям, и, с другой стороны, стремительными трансформациями информационной среды существования правового дискурса, обуславливающей его внешние изменения. Очевидно, что в настоящее время возникает необходимость категорию «правовой дискурс» рассмотреть в следующих аспектах: 1) соотносительности с языковыми и правовыми особенностями как интрадискурсивной средой (правовой дискурс – структура); 2) с точки зрения участия в организации информационного пространства при порождении речи в реализации назначения правового дискурса как экстрадискурсивной средой (правовой дискурс – процесс).

Методологическую основу и теоретическую базу подобного исследования правового дискурса должны составить положения современной *филосо-*

⁸⁵ Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования гражданско-правовых отношений: Автореф. дис...канд. полит. наук. М., 2007. С. 3.

фии права, подчеркивающие роль правового мышления в формировании правового дискурса; *теории государства и права*, определяющие общие принципы концептуализации действительности, объём и границы дискурсной типологии (на примере стадий правового регулирования); постулаты *когнитивной лингвистики*, в рамках которой язык рассматривается как динамичный механизм и инструмент смыслообразования и репрезентации представлений и знаний человека о мире; достижения *психолингвистики* в области теории порождения речи, а также *антропоцентрический* подход, дающий возможность проследить динамические процессы взаимодействия правового дискурса с информационной средой, что позволяет определить данный подход как **комплексный дискурс-правовой анализ**, охватывающий разные аспекты, уровни и компоненты правового дискурса и обеспечивающий комплексную множественность оснований для выявления причин его деструкции и определения концептуальных основ модернизации.

Данный подход не противоречит исследованиям дискурса, проводившимся в юриспруденции до настоящего исследования, где теория правового дискурса была порождена преимущественно путем «наложения» философско-культурологических и, главным образом, лингвистических концепций дискурса на предметное поле юриспруденции. Одним из основных положений при этом должно стать актуальное использование языка права в социокультурном контексте, в частности, исследования речевой интеракции (М. Уэзерелл, Я. Поттер); «деятельностно-ориентированных» (К. Трейси) проявлений правового дискурса; когнитивных моделей понимания связного текста и дискурса (Д. Кинч, Т.А. ван Дейк).

При определении сущности современной теории правового дискурса труднейшей задачей является выявление связи между человеком, его биологическими, социальными чертами, правом и дискурсом, существенно эволюционировавшим в ходе развития общественных отношений и требующим соответственно «нового формата» общения в правовой сфере. «Другой важной проблемой является установление максимально четких границ направления, которое, несомненно, заимствует свои фундаментальные основания у таких наук как философия, культурология, социолингвистика, антропология, и многих других»⁸⁶.

Характерной чертой современного дискурс-правового анализа является его междисциплинарность. В юриспруденции предметом дискурсного исследования становятся юридические документы и правовые отношения, имеющие текстуальную и диалогическую природу. Причем, по нашему мнению, особенно важным становится анализ контекста, в котором юридические документы и правовые отношения реализуются. Иными словами, исследователь должен дать контекстуализированную интерпретацию протеканию правового дискурса. В этом проявляется еще одно важное свойство дискурс-правового анализа: имея междисциплинарные основания, дискурс-правовой анализ оста-

⁸⁶ Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к институциональным культурам. Белгород, 2008.

ется многоаспектным подходом, обладающим различными фокусами исследовательского внимания и способами интерпретации правовых явлений в зависимости от исследовательской позиции.

Раскрывая суть комплексного дискурс-правового анализа, хотелось бы выделить ряд положений, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать.

Во-первых, комплексный дискурс-правовой анализ как методологический подход направлен не столько на выявление определенного содержания или аутентичного смысла текста, сколько на объяснение того, в соответствии с какими правилами, в каких условиях, при каких обстоятельствах текст становится возможным, и что при этом явилось внутренней или внешней движущей силой. В силу этого дискурс-правовой анализ по определению не обязательно должен быть нацелен на достижение единственно возможного прочтения текстов, поскольку имеет дело с различными репрезентациями реальности в дискурсах разного типа и жанра, с различными способами порождения и прочтения текстов в разных контекстах и при разных обстоятельствах. Более того, в некоторых случаях (например, при осуществлении анализа политико-правовых текстов) подобное стремление к поиску единообразной интерпретации текста может противоречить целям исследования.

Во-вторых, отличительными чертами комплексного дискурс-правового анализа следует считать открытость, недогматичность, гибкость; эти качества, с одной стороны, демонстрируют динамичный потенциал дискурс-правового анализа в отношении развития правового дискурса, с другой стороны, являют собой основные достижения прочной и единой методологической и концептуальной базы исследования.

В-третьих, дискурс-правовое исследование ориентируется не только на изучение «концептуального аппарата» (характерного языка, тематики, текстов и т.д.) правового дискурса, но и на анализ границ дискурсного поля, т.е. зоны ограниченного понимания или полного непонимания. Фактически анализ дискурсных пределов понимания предполагает фиксацию *смысла* правового дискурса: теряется смысл – заканчивается правовой дискурс, и, возможно, начинается другой. Этот момент характеризуется своеобразной потерей смысла, или «смысловым разломом» (Е. А. Кожемякин), начинаются те области человеческой деятельности, в которых нормальное и понятное с точки зрения права перестает быть таковым.

В-четвертых, дискурс-правовой анализ подразумевает также исследование средового характера правового дискурса, дискурсной практики, правила определенной рече-языковой деятельности, характерные для того или иного типа правового дискурса.

В-пятых, правовые тексты передают аспекты реальности соответственно контексту: идеологическому, социокультурному, информационному. Изменение контекста неизбежно ведет к трансформации правового дискурса.

В-шестых, **дискурс-правовой анализ представляет собой подход, а не прикладной метод.** Дискурс-правовой анализ использует «конвенциональные» техники сбора данных с целью анализа явлений правовой действитель-

ности в определенных тематических рамках. Эти данные могут содержаться в текстах различных жанров: юридических документах, интервью, газетных статьях, публикациях в интернете, устных выступлениях и т.п. И методы отбора текстов, и принципы их анализа могут отличаться в зависимости от цели в рамках дискурс-правового анализа.

Выделение уровней дискурс-правового анализа опирается на эволюцию понятия «дискурс» в динамике развития общественных отношений.

В первую очередь, это связано с изменением понятия «дискурс». Напомним, что если в начале 70-х годов XX века он трактовался как последовательность речевых актов, связанный текст, устная разговорная форма текста, диалог, группа высказываний, связанных между собой по смыслу, то современная наука дает дискурсу следующее определение: «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста»⁸⁷. По определению Т.А. ван Дейка, «дискурс - это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная»⁸⁸.

В рамках комплексного дискурс-правового анализа исследуется речевое взаимодействие адресанта и адресата, а не высказывание отдельного субъекта. Дискурс здесь «процесс речевой деятельности говорящего (монолог)/говорящих (диалог), в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т.п. смыслов»⁸⁹. При этом говорящий в коммуникативной ситуации производит свое речевое произведение, учитывая свои интенции, эмоции, оценки.

В нашей работе термин «правовой дискурс» употребляется для обозначения текущей рече-языковой деятельности в политико-правовой сфере, поэтому нам близко и следующее определение: «...дискурс - это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии»⁹⁰. Первостепенной задачей в исследовании правового дискурса также является изучение коммуникативного своеобразия диалога субъектов социально-правового действия.

Таким образом, анализ правового дискурса включает в исследование стратегию и интенцию говорящих, изучение ментальных процессов: психологические и социокультурные правила и стратегии порождения и понимания речи.

«Ошибочно мнение, что термин «диалог» предполагает наличие ровно

⁸⁷ Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С.8.

⁸⁸ Цит. по: Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: Тезаурус, 1997. С. 13.

⁸⁹ Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. 2000. №1. С. 61.

⁹⁰ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Язык рус. культуры», 1997. 824 с.

двух участников (греческий префикс *диа* - *через* в слове диалог и греческое *ди* - *два* лишь внешне схожи). В диалоге может быть любое число участников, поэтому в термине «*полилог*», который иногда употребляется в значении «разговор многих участников» нет никакой необходимости»⁹¹. Дискурс-правовой анализ рассматривает диалог в первую очередь не как языковое явление, а как социально-правовое взаимодействие, регулируемое определенными договоренностями между членами общества.

Правовой дискурс относится к институциональному виду общения, для которого характерен социально-ритуальный характер конвенциональных коммуникативных актов. Под конвенцией понимаются принятые в данном обществе (регламентируемые данным обществом) формы взаимодействия - в том числе и речевого. Ритуалом именуется последовательность символически значимых действий, закреплённая традицией. Важнейшими признаками социально-ритуального дискурса являются: содержательная рекурсивность, или повторяемость, жесткая формальная фиксация, символическая нагруженность⁹².

Именно в практике юриспруденции речевое поведение наиболее заметно подвержено влиянию конвенций. Так, Дж. Остин писал: «Имеет смысл напомнить, что многие «акты», входящие в компетенцию юристов, представляют собой или включают в себя, по крайней мере, выполнение каких-нибудь конвенциональных процедур. И, конечно, вы сумеете оценить тот факт, что ученые-юристы в своих трудах постоянно обнаруживают осведомленность о разнообразии неудачных высказываний»⁹³.

Специфику дискурс-правового анализа подчеркивает само определение правового дискурса, под которым понимается (как было отмечено выше) *деятельностный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, предполагающий использование основных форм мышления в письменной и устной форме и зависящий от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения.*

Таким образом, **дискурс-правовой анализ** – это совокупность техник интерпретации правовых текстов или высказываний как продуктов рече-языковой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях, учитывающих единство языковой формы, значения и действия, и отражающих не только языковые формы высказываний, но и оценочную информацию, личные и социальные характеристики коммуникантов, их «фоновые» знания, коммуникативные намерения и контекст социокультурной, идеологической, информационной и контекстуальной реальности.

⁹¹ Цит. по: Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. С. 12.

⁹² Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.

⁹³ Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 36.

Дискурс-правовой анализ основывается на авторской информационно-динамической модели правового дискурса, так как обоснование его компонентов и изучение его структуры как деятельностного процесса информационно-средового взаимодействия позволяет выделить не только существенные характеристики правовой коммуникации, но и содержательные и формальные показатели. В этом неоспоримое преимущество данного подхода как междисциплинарного, оформившегося на стыке социолингвистики и юриспруденции, но впитавшего в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: культурологии, риторики, философии, психологии, политологии, социологии и т.п.

М. Хэллидей создает модель дискурса, в которой взаимодействуют три структурных компонента: смысловое (тематическое) поле, тональность (регистр) и способы реализации дискурса. Эти компоненты получают формальное выражение в речи и могут служить объективным основанием для выделения содержательных особенностей коммуникации, которые обусловлены социальным контекстом на фоне властных отношений адресата и адресанта. Но в данном случае важна и разработка ситуационных моделей, отражающих степень воздействия социокультурных факторов на процесс коммуникации.

Сусовым И.П. дискурс понимается как иерархически конструируемая сложная структура, состоящая из трех уровней, а именно формально-семиотического, когнитивно-интерпретируемого и социально-интерактивного⁹⁴. Те же уровни представлены у Ю.Н. Караулова в несколько иной терминологии - вербально-семантический (нулевой), тезаурусный (первый) и мотивационно-прагматический (второй)⁹⁵.

Мы выделяем следующие компоненты правового дискурса: *человек – деятельность - информация – среда* (информационно-динамическая модель правового дискурса *ЧелДИС*).

Поэтому вполне допустимо выделить соответствующие направления в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках дискурс-правового анализа.

В этих направлениях предпринимаются попытки смоделировать множество теоретических и практических аспектов функционирования правового дискурса в процессах правовой коммуникации с точки зрения выделения не только рече-языковых особенностей, но и социально-правовых (комплексный дискурс-правовой анализ). И главная проблема заключается не в том, как разработать наиболее точную, объективную и исчерпывающую методику исследований в рамках дискурс-правового анализа, но как согласовать между собой множество вариантов анализа разнопланового материала.

Обобщить эти разнообразные направления представляется возможным в виде трех основных групп, объединенных по принципу своего отношения к анализу отдельных компонентов и закономерностей правового дискурса. И

⁹⁴ Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 7 - 13.

⁹⁵ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С.60-61.

тогда можно выделить: 1) *психолингвистический* уровень (*человек*), анализирующий устойчивую связь между правовым мышлением и правовым языком, связь между субъектами правового дискурса (базируется на концептуальных закономерностях правового дискурса); 2) *социально-прагматический* уровень (*деятельность*), выявляющий связь между правовым языком, коммуникацией, правом; а также смысловые взаимосвязи (цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между самыми различными текстами (основывается на функционально-процессуальных закономерностях правового дискурса); 3) *информационно-коммуникативный* уровень (*информация*), сознательно ограничивающий свои исследовательские интересы рамками одного отдельно взятого текста как изолированного, автономного речевого образования (опирается на структурно-содержательные закономерности правового дискурса).

При анализе информационно-динамической модели правового дискурса на любом из уровней обязательно учитывается, что любое высказывание (текст) как продукт деятельности социальных агентов всегда включено в социальные взаимодействия и структуры, конкретную идеологическую, социокультурную, информационную и контекстуальную (ситуативную) реальности (*среда*). Правовой дискурс вплетен в некую «паутину значений» - сеть, сотканную и автором, и адресатом, а также обществом и культурой, в которых и стало возможным общение между ними. В нем и его интерпретациях обнаруживается сама история, поскольку правовой, как и любой другой институциональный дискурс, приобретает определенный смысл только в конкретной исторической ситуации. Это то, что открывает нам социальные отношения, в контексте которых происходит правовая коммуникация субъектов. Меняется контекст – изменяется и правовой дискурс, поэтому, анализируя его, можно проследить эволюцию общественных отношений.

Психолингвистический уровень. Опираясь на позиции Т. А. ван Дейка⁹⁶, с одной стороны, этот уровень анализа правового дискурса ориентируется на поиски системы устойчивых значений, инвариантов смысла, присущих всем рассматриваемым текстам, что позволяет решить проблему их переводимости и взаимопонимания. С другой стороны, подчеркивает специфику и своеобразие каждого текста и в каком-то смысле его уникальность, поскольку даже одно и то же выражение «не может быть повторено дважды», т.к. постоянно изменяются контексты его порождения и восприятия (понимания). Отталкиваясь от разработок в области грамматики текста, прагматики дискурса и когнитивного моделирования коммуникации, Ван Дейк исследует специфику функционирования языка с учетом таких социальных факторов, как мнения, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность и т.д.

К методическим принципам данного уровня комплексного дискурс-правового анализа принадлежит то, что материал исследуется без теоретических предварительных рассуждений. Материал не служит подтверждением гипотез, а теоретические конструкции, так же как и категории анализа, выво-

⁹⁶ Т.А. ван Дейк. Указ. соч.

дятся непосредственно из самого анализа. Методическая предпосылка психолингвистического уровня комплексного дискурс-правового анализа состоит в интенсивном наблюдении материала. При анализе важны три этапа: обнаружить регулярность в материале, реконструировать проблему, которую участники пытаются решить с помощью регулярно продуцируемых структур и описать опыт, с помощью которого наблюдаемые явления повторяются. При анализе реконструируются интенции целей говорящего и то, как высказывания интерпретируются собеседником, или как они им обсуждаются.

Исследования начинают, как правило, со сбора корпуса фрагментов соответствующего интеракционного типа. Этот эмпирический материал служит не для подтверждения заранее формулируемых гипотез, а нацелен на открытие новых положений, то есть является индивидуальным процессом. Психолингвистический уровень анализа основывается на выделении совокупности дискурсивно-правовых доминант субъекта права, к которым относятся: *статусно-ролевые характеристики; социально-коммуникативная активность; интенции и цели в коммуникации; мировоззренческие позиции; индивидуальные особенности.*

Социально-прагматический уровень. Основные моменты анализа на данном уровне в рамках комплексного дискурс-правового анализа связаны главным образом с обобщенным представлением о структуре его концептуальной организации. Она рассматривается в качестве механизма организации наших знаний об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования нашего поведения в определенных ситуациях, создания социальной ориентации участников коммуникации, функционирования основных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Здесь познавательный аспект дискурсивных практик смыкается с прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов.

Анализ правового дискурса исследует стратегию и интенцию говорящих и соответствующее им продуцирование отдельных дискурсивных типов.

В данном исследовании в основу классификации дискурсов в качестве определяющих признаков положено соотношение с типами рече-языковой деятельности в процессе правовой коммуникации по цели. Речеактовые высказывания, являющиеся доминирующими для данного типа дискурса, определяют его интенциональную классификацию.

Выделенные дискурсивные типы имеют различные социально-прагматические характеристики и, по сути, выступают дискурсивно-правовыми доминантами рече-языковой деятельности как одного из важных компонентов правового дискурса, среди которых наиболее значимыми являются: *порядок (процедура) совершения всех коммуникативно-правовых действий, принципы и способы, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативно-правовые действия, форма связи как последовательность и система тех действий, которые составляют стадии и содержание правового общения.*

Информационно-коммуникативный уровень. Акцент на данном уровне анализа ставится на рассмотрении прежде всего отдельно взятой единицы, в качестве которой могут выступать фрагмент текста или весь текст в целом. При этом считается, что тексты сообщений следует анализировать на различных уровнях описания прежде всего с точки зрения их собственной структурной организации, когда в центре внимания исследователя всегда находится прежде всего сам текст и многообразие вариантов его интерпретации, осуществляемых с различных позиций. При этом данные позиции всегда проявляют или обнаруживают себя, будучи помещены изначально как бы «внутри» смыслового пространства текста.

Анализ правового дискурса на информационно-коммуникативном уровне исследует коммуникацию в институциональном аспекте. При этом большая роль отводится контексту. Таким образом идентифицируются феномены коммуникации, специфичные для того или иного жанра, и объясняются психологические и личностные явления дискурсивных феноменов. Анализ данного уровня основывается на изучении дискурсивно-правовых доминант информации как компонента правового дискурса: а) темы речевого общения; б) отнесенности к какому-либо речевому жанру; в) композиции высказываний и последовательности речевых актов; г) специфики отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия.

Сравнивая эти три уровня интерпретации дискурса, мы можем заключить, что дискурс в каждом из случаев интерпретации мыслится в диалектической связи с субъектом и средой и занимает определенное место в их иерархии. Так, психолингвистический уровень предполагает прежде всего следующую формулу интерпретации вышеупомянутой связи: «*дискурс – субъект - дискурс*». В рамках социально-прагматического уровня правовой дискурс интерпретируется как агент или элемент социальной практики, что выражается в формуле «*субъект – деятельность - дискурс*». Информационно-коммуникативный уровень предполагает интерпретацию правового дискурса как эффекта или инструмента коммуникативного действия, а формулой является «*субъект – информация – дискурс*».

Общая методика комплексного дискурс-правового анализа всегда воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от формально-количественных методик (например, контент-анализа) способна выявить не только явно присутствующие и отчетливо фиксируемые текстовые данные, но и скрытые, латентные смыслы сообщения.

Обобщенная модель качественного содержательного комплексного дискурс-правового анализа опирается на схему анализа институционального дискурса, предложенного Т.А. ван Дейком, и складывается из следующих пошаговых стратегий исследования: фиксация изучаемого материала; выделение его формальных характеристик; обозначение контекста как коммуникативной ситуации; выбор уровня анализа; теоретическое дифференцирование и структурирование этапов исследования; определение техники и средств анализа при использовании конкретного уровня исследования; дефиниция еди-

ниц анализа; осуществление основных этапов исследования (дескрипция, реконструкция, интерпретация); фиксация результатов исследования, их обобщение, истолкование и структурирование⁹⁷.

Такова обобщенная формальная модель (схема) реализации методической программы исследований в рамках комплексного дискурс-правового анализа, на разных этапах и стадиях которой в зависимости от конкретной ситуации могут быть задействованы и использованы самые различные методы, дополняющие и корректирующие друг друга.

Между тем, обращаясь к анализу правового дискурса, следует отметить, что нельзя ограничиваться при его рассмотрении лишь отдельным подходом и его методами исследования. Как объект междисциплинарных исследований, данный феномен при анализе его в праве требует комплексного анализа и использования целой группы методов исследования для достижения определенных исследовательских результатов и реализации целей исследования.

Н.Н. Тарасов отмечает, что «если же исследовательская ситуация характеризуется недостаточностью наличных методологических средств правоведения, требует иных подходов и представлений, привлечения дополнительных инструментов научного исследования, в том числе и из иных наук, то ее можно характеризовать как проблемную. Другими словами, при таком понимании конкретная теоретическая проблема правоведения становится фиксацией недостаточности методологического инструментария юриспруденции для познания тех или иных правовых феноменов, построения удовлетворительных теоретических моделей исследуемых объектов. В такой логике необходимость юриспруденции в обращении, например, к исследовательским средствам других наук возникает только в тех случаях, когда поставленные цели исследования, требуемые исследовательские результаты не могут быть получены наличным инструментарием ее собственного метода»⁹⁸.

Укажем наиболее существенные теоретические посылки и идеи такого подхода. Использование соотношения системы и среды при создании типологии правового дискурса, с нашей точки зрения, во многом может способствовать решению многих теоретических проблем. Другая, не менее существенная и плодотворная при таком подходе идея – идея переходности дискурсных явлений в праве, обусловленная его динамикой.

Как можно убедиться, методология познания правового дискурса требует учета неразрывной связи правового дискурса с другими правовыми явлениями, их взаимной обусловленности. Кроме того, данный методологический подход связан с исследованием явлений внутри правового дискурса.

Учитывая сложность и многосторонность правового дискурса как объекта исследования, можно выделить наиболее важные направления исследования в рамках комплексного дискурс-правового анализа.

В основе правового дискурса лежат два тезиса: о системе и о тексте. В соответствии с первым из них правовой дискурс, с одной стороны, выступает

⁹⁷ Т. А. ван Дейк. Указ. соч.

⁹⁸ Тарасов Н.Н. Там же. С. 220.

элементом системы права, с другой стороны, рассматривается как социально-коммуникативная система, имеющая определенную структуру и состоящая из различных элементов; эти элементы вступают во взаимодействие друг с другом в процессе информационно-средового взаимодействия. Таким образом, на основе первого тезиса можно определить *три* необходимых подхода к исследованию правового дискурса, методологические средства которых привлекаются для всестороннего изучения данного феномена в рамках комплексного дискурсивного правового анализа: *системный, антропоцентрический, деятельностный*.

Делая вывод об использовании методологических средств системного подхода для изучения правового дискурса, следует отметить, что ресурсы и возможности правового дискурса, вся его структура, все принимаемые целевые подсистемные решения должны быть подчинены решению главной задачи — достижению наиболее *эффективного правового общения*, и в целом реализации механизма правового регулирования с целью установления правовых отношений и устойчивого правопорядка.

Так, представляется необходимым при адекватном современной научной парадигме описанию компонентной системы правового дискурса опираться, в частности, на доминирующие в наше время воззрения в решении фундаментальной проблемы о соотношении языка и мышления, обоснованные в научных работах когнитивного направления, которые по определению характеризуются *антропоцентрическим подходом*. Принимая положение о существовании разных типов мышления, исследователи признают возможность осуществления интеллектуальных действий и вне языка, при этом вербальное (словесное, речевое) мышление считается ведущим. Согласно такой точке зрения, мышлением можно считать любой интеллектуальный поиск, а «выход из любой проблемной ситуации как доказательство не простой рефлекторной деятельности, но деятельности сознания — динамики мозговых структур. Ответ на вопрос о том, в каком субстрате осуществляется такая деятельность, может быть лишь предположительным, но существуют достаточные основания предположить, что человек оперирует своеобразными следами своего опыта... прежде всего образами вещей и предметов, людей и других живых существ, представлениями и т.п.»⁹⁹.

С данным мнением созвучно высказывание Е.С. Кубряковой, указывающей на тройную роль, в которой выступают дискурсивные данные. «С одной стороны, они существуют как данные, позволяющие судить о языке и его употреблении в особых целях, в определенных ситуациях; с другой стороны, они позволяют судить об обмене информацией, ее получении и осмыслении в актах коммуникации и, наконец, несомненно, они существуют и как косвенные данные о мыслительной, интеллектуальной, ментальной деятельности человека, о его сознании и мышлении»¹⁰⁰.

Человек как носитель когниций занимает центральное место в единстве

⁹⁹ Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 51.

¹⁰⁰ Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 30.

«человек – деятельность – информация - среда» и является своеобразным связующим звеном между реальностью и тем, как эта реальность, опосредованная сознанием индивида, выражается в правовом дискурсе. Фактор антропоцентричности необходимо рассматривать как методологически важный принцип формирующейся дискурсивной парадигмы, наряду с принципом функционализма (принятие во внимание всего круга функциональных закономерностей правового дискурса). Важность антропологического фактора определена самой природой взаимоотношения человека и мира вокруг него: «Человек познает окружающий мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, он как бы противопоставляет «Я» всему, что есть «не-Я». Таково, видимо, само устройство нашего мышления и языка: любой речемыслительный акт всегда априорно предполагает признание существования мира и при этом сообщает о наличии акта отражения мира субъектом»¹⁰¹.

Антропоцентризм в исследованиях правового дискурса проявляется в том, что человек (субъект права) становится точкой отсчета в анализе проявлений исследуемого феномена, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели.

Специфика современных требований к правовой науке выражается в необходимости перехода от описания статичных объектов к исследованиям в деятельностном аспекте.

Актуальной задачей правового исследования является описание функционирования явлений и процессов, происходящих в праве, в «живой ткани» реальных дискурсов. Для решения этой задачи применительно к категории «правовой дискурс» правовой аспект презентации терминологического словосочетания является недостаточным, так как за его пределами остаются факты и процессы, характеризующие правовой дискурс в действии, в процессе коммуникативной деятельности субъектов права.

С точки зрения деятельностного подхода в современном **динамичном** обществе правовой дискурс представляет собой *процесс рече-языковой информационно-деятельностной активности субъектов правовых отношений по установлению необходимой нормативной упорядоченности поведения в сфере правового общения*. Такая деятельность обнаруживается, например, в процессе вынесения судебного дела, судебного разбирательства.

Право формирует нормативно-правовую структуру общественных отношений, благодаря чему правовой дискурс раскрывает свои сущностные свойства, выражает себя как конкретное активное явление. Процесс информационного взаимодействия в праве — это такой механизм взаимодействия субъектов права друг с другом и с окружающей информационной средой, который объединяет их в целостную систему – правовой дискурс. Этот коммуникативный процесс неразрывно связан и с индивидуальной, и с общественной психикой. Именно при данном условии правовой дискурс становится инфор-

¹⁰¹Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988. С.7-8.

мационной деятельностью межсубъектно-средовых отношений, активным системообразующим фактором в ходе правовой коммуникации.

Нормативно-деятельностная природа правового дискурса обуславливается, прежде всего, тем, что право носит нормативно-предметный характер. Нормативность является внутренне присущим моментом правовой деятельности, ее активным инструментальным отношением к социальной действительности в правовой коммуникации. На стадии правотворчества правовой дискурс проявляется в выражении активности правоспособного субъекта, направленной на реализацию правотворческого потенциала, в деятельной правоспособности по созданию нормативно-правовых актов. В процессе правового дискурса толкования норм права субъект права осваивает нормативно-правовой акт и интерпретирует его, делая понятным для других субъектов права. В процессе правового дискурса реализации права субъект права делает его мерой и сущностью своей социальной активности, постепенно включает его в состав материальной и духовной культуры. В процессе правового дискурса правоприменения статическая форма нормативного воплощения переходит в динамическую форму праводействующего процесса, в форму правоприменения и правоисполнения.

Таким образом, *правовой дискурс в своей основе содержит речевую языковую информационную деятельность субъектов права, направленную на переход нормативно обусловленных предметных форм (нормативно-правовых актов) в форму должного поведения.*

Нормативно - деятельностная природа правового дискурса в процессе правового регулирования - необходимое условие для использования методологических средств деятельностного подхода в рамках комплексного дискурс-правового анализа с целью изучения изменения правового поведения субъекта права.

Завершая обзор основных подходов к изучению правового дискурса, можно сделать вывод о том, что эти подходы направлены на выявление содержательной динамической связи между правом и языком, и демонстрируют тенденцию к междисциплинарному исследованию правового дискурса, что позволяет определить наше исследование правового дискурса как комплексный дискурс-правовой анализ.

Если подвести итог всему вышесказанному, то можно сделать следующие **выводы**.

Во-первых, правовой дискурс – это деятельностный информационный процесс рече-языкового взаимодействия, имеющий компонентную структуру, в которой все его составляющие играют существенную роль для объяснения и обоснования многих аспектов правовой коммуникации, что невозможно сделать, используя лишь методы юриспруденции.

Во-вторых, правовой дискурс следует рассматривать в контексте юридической коммуникации, юридической деятельности и юридической практики. В этой ситуации разумно соединить традиционные предметы и объекты изучения правового дискурса с данными правовыми контекстами и образова-

ниями, т.е. практикой, деятельностью, коммуникацией, обучением, развитием.

В-третьих, нужно иметь в виду, что правовой дискурс может рассматриваться и применяться как методология познания правовых явлений. В этом отношении правовой дискурс является *посредником* между традиционными теоретическими правовыми категориями и системным, антропоцентрическим, деятельностным, герменевтическим подходами. С одной стороны, такой анализ призван удержать ряд особенностей правовой и лингвистической дисциплин, прежде всего *понятийный, знаниевый, языковой, эпистемологический* планы, с другой — соединить эти планы с употреблением, деятельностью, коммуникацией.

В-четвертых, комплексные исследования правового дискурса должны восполнить традиционные (правовые, логические, лингвистические, психологические, социологические и т. д.) исследования в области анализа правовой коммуникации, которые были поставлены временем, но на которые эти дисциплины при их создании не были ориентированы. Дискурсивный анализ включает в этом случае две важные практики — создания норм права с помощью языка права и различения нормы (предмета) и ее конкретной реализации (смысла).

В-пятых, наши исследования должны очертить новые области изучения правового дискурса, в которых необходимо менять контексты и включать традиционные объекты изучения в принципиально новые образования.

В-шестых, авторский вариант комплексного дискурс-правового анализа как методологического подхода не претендует на полноту и жесткую определенность границ исследования. Элементы стратегии и модели анализа могут трансформироваться в зависимости от конкретного материала, контекста, цели исследования, а также опыта исследователя.

В-седьмых, предлагаемая модель комплексного дискурс-правового анализа не претендует на исчерпывающий анализ правового дискурса. Уровни, характеристики анализа могут дополняться и развиваться на основе других исследовательских методик. Данная стратегия позволяет адаптировать модель комплексного дискурс-правового исследования к возможностям конкретного анализа в различных средовых условиях соответственно целям и задачам, которые ставит перед собой аналитик. Элементы модели могут взаимно дополнять или заменять друг друга, а также вступать в междисциплинарные отношения с исследовательскими моделями других научных отраслей: антропологии, истории, психологии, политологии, социологии, экономики, права и т.д.

* * *

2.2 Правовые основы дискурс-анализа

Поскольку под правовым дискурсом в данном исследовании понимается деятельностный процесс информационно-средового взаимодействия, можно утверждать, что правовыми основами дискурс-правового анализа выступают

формы права (источники права), формы институализации права, характер правового регулирования, определяемый отраслями права, а также дискурсивность права.

В качестве одной из важных основ дискурс-правового анализа можно рассматривать **формы права**.

Для обозначения этого явления в правовой литературе используются как тождественные понятия «форма права» и «источники права».

Под категорией «форма права» понимается вся правовая реальность, складывающаяся в обществе, все ее элементы, опосредующие экономические, политические, хозяйственные, культурные и иные фактические отношения; назначение этой формы - упорядочить содержание, придать ему свойства государственно-властного характера. Внутренняя понимается как структура права, система элементов — нормативные предписания, институты, отрасли; внешняя - объективированный комплекс юридических источников, формально закрепляющих правовые явления и позволяющих адресатам правовых установлений знакомиться с их содержанием и пользоваться ими¹⁰².

Однако понятия «форма права» и «источник права» не совпадают. Форма права показывает, как содержание права организовано и выражено вовне, источник права — предпосылки формирования права, систему факторов, предопределяющих его содержание и формы выражения. В этом смысле понятие «источник права» имеет несколько разных значений. Если рассматривать источник права в генетическом смысле (чем обусловлено его возникновение?), то в качестве такового могут пониматься причины, вызывающие появление тех или иных правовых норм. Эти причины могут трактоваться как материальные — потребности общества, обусловленные социально-экономическими условиями его существования, и как идеологические - представления всего общества или его политической элиты о том, каким должно быть право.

В традиционной правовой теории существует и еще одно важное значение понятия источника права, когда под ним подразумевают способ внешнего выражения содержания правовой нормы, при помощи которой она получает общеобязательное значение. Именно форма при таком подходе создает право, оно не существует вне государственно установленной и государственно защищенной формы¹⁰³.

Необходимость взаимодействия членов общества, в ходе которого реализуются различные жизненные потребности, порождает феномен права. Типичное и значимое в этой деятельности, основанное на ценностных аспектах как материальной, так и духовной культуры, через обыкновения, волевое императивное установление или договор объективируется в форме первичного правового текста. Правовой текст сам является сложной системой, и в нем также следует различать форму и содержание: источником формы правового текста будут являться способы его возникновения (например, обычай, уста-

¹⁰² См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 375-377.

¹⁰³ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М, 2000. С. 399-405.

новление, договор); источником содержания правового текста можно считать саму правовую действительность конкретного общества.

Правовые тексты выступают не как само право, а как его знаки, совокупность которых образует знаковую систему, текст¹⁰⁴. Правовые оценки и нормы объективируются, «опредмечиваются» с помощью языка, но из этого вовсе не следует, что единственным и первичным средством этого объективирования является письменный нормативный документ, такими средствами являются и устная речь, и фактические действия людей, воплощающие нормативные предписания. Исходя из этого к текстуальным источникам норм права можно отнести следующие: мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, нормативные правовые договоры, правовые доктрины, священные книги, нормативные правовые акты.

Мифы как представления о мире, свойственные прежде всего архаичному человеку и передаваемые в форме устных повествований, находятся в синкретическом единстве со всей культурой этноса. Соответствующий семантический комплекс и связанные с ним различные ограничения и правила поведения непосредственно включены в систему традиционных знаний, так что собственно миф и норма социального поведения в таком обществе нерасчленимы¹⁰⁵.

В своей основе *любой дискурс* мифологичен. Мы полагаем, что *миф* принимает на себя основополагающие свойства *дискурса*, а именно, воплощает собой подсознательное стремление человека обобщить свои представления об окружающем мире, сделать его «своим», управляемым, разумным и членимым. Основной момент здесь – построение «логичной» системы представлений на интуитивном основании, которое составляет основу бытового мировоззрения, как оно проявляется в коммуникации. Происходит подмена фактов действительности символами, которые затем переопределяются через другие символы, то есть возникает параллельный символический мир.

Практически все современные психолингвистические школы в той или иной мере прибегают к метафоре схемы, фрейма, структуры и т. п., при помощи которой человек ориентируется в окружающем мире. Говоря формально, структура, которая не подвергается рациональному, логическому осознанию и осмыслению и разделяется большим количеством участников дискурса, может быть определена как *миф*.

Миф способствует поддержанию веры в разумность мира и, на поверхности, является логическим выражением стремления человека в мир «нормативный». Но в своем глубинном содержании миф интуитивен и не поддается субъективному логическому описанию. Мир разграничивается человеком таким образом, чтобы любое его явление или ситуация могли быть поляризованы (оценены как «правильные» или «неправильные», «хорошие» или «плохие», «свои» или «чужие» и т.п.).

¹⁰⁴ См.: Неновски Н. Право и ценности. М., 1987. С. 74-75.

¹⁰⁵ См.: Грязин И.Н. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983. С. 30-33.

Наиболее полные характеристики мифа приводятся в работах Барта. Барт исходит из того, что миф – это тип речи. Типы речи определяются им достаточно широко. К ним Барт относит не только речь как таковую, но и любое символическое «нечто», несущее какую-либо смысловую нагрузку. Далее у Барта прослеживается четкая логическая цепочка: речь – это наполнение дискурса, основанное на использовании произвольных знаков или символов. Символы и особенно знаки языка – это универсальные способы выражения наших представлений о мире, посредники-конденсаторы или центры, вокруг которых формируются и оформляются эти представления. Барт полагает, что миф как свойство речи возникает в момент, когда наши представления о значении символов смещаются в область, которая больше не может быть описана при помощи логики абстракций, но определяется культурно-личностной традицией. Происходит своего рода раздвоение плана содержания знака, который как бы расширяется, вбирая в себя всю перспективу дискурса во множестве его ссылок (референций)¹⁰⁶.

Авторская трактовка дискурса выражается в следующем: дискурс – это деятельностный процесс информационно-средового взаимодействия, в котором, на наш взгляд, за пределами информации не должны оставаться чувственные образы, эмоции, желания, не поддающиеся вербализации.

Именно поэтому важным, на наш взгляд, является соотнесение правового дискурса с понятием «*миф*».

Право в своей основе, с этой точки зрения, также содержит элементы мифологизации, поскольку обладает и символической формой, и реальным содержанием для общества, реализуясь в процессе правовой коммуникации. Об этом же говорит и И.А. Исаев в своей книге, которая посвящена месту и роли мифа в политико-правовой сфере. Ведь, как справедливо отмечает ученый, «миф всегда сопровождал человека, им пронизаны все его социальные, политические и правовые построения, идеалы и утопии. Более того, сама история человечества — это в определенном смысле один бесконечный миф, без которого не может существовать ни одно индивидуальное или коллективное сознание»¹⁰⁷.

Правовой обычай — один из наиболее древних текстуальных источников права, под которым понимается правило поведения, сложившееся на основе постоянного и единообразного повторения каких-либо фактических отношений. Признание обычая, санкционированного государством, в качестве источника права осуществляется путем ссылки на обычай как на общеобязательное правило в каком-либо нормативном акте государства, или при аналогичном его признании судебной, административной или арбитражной практикой.

Судебный прецедент — правовой текст, представляющий собой часть судебного решения по конкретному делу, содержащую правило, обязательное для всех судов при решении аналогичных дел. В настоящее время судебный прецедент является одним из основных источников права в англо-саксонской

¹⁰⁶ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.

¹⁰⁷ Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. С. 10.

правовой семье (Великобритания, США и др.).

Нормативный правовой договор — правовой акт, основанный на взаимном волеизъявлении сторон, которым образуется правовая норма; в качестве основной нормативно-правовой формы выступает в международном праве.

Правовая доктрина является одним из древнейших текстуальных источников права, получивших распространение еще в Древнем Риме. Она представляет собой изложение каких-либо правил поведения и правовых принципов, которым придается общеобязательное значение, принадлежащее наиболее авторитетным представителям юридической науки и практики.

Священные книги - различные сакральные тексты, в которых сформулированы религиозные правовые нормы, исходящие от Бога (Библия, Коран) и признаваемые государством и обществом в качестве общеобязательных. Это также один из древнейших источников правовых норм, сохраняющий свое значение в традиционалистских правовых системах (например, в мусульманском праве).

Нормативно-правовой акт представляет собой основную текстуальную форму государственно-организованных норм права в системах права романо-германской правовой семьи. Это письменный официальный документ, принятый в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. Все нормативно-правовые акты функционируют как единая система, которая характеризуется согласованностью, иерархичностью, специализацией и дифференциацией по отраслям и институтам.

Нормативно-правовые акты - писаное право, - составляют нормативно-правовую систему, включенную в современный правовой дискурс. С точки зрения правоведов позитивистской ориентации, нормативно-правовые акты представляют собой центральный элемент всего правового уклада общества, а с позиции сторонников естественно-правовой доктрины - это не более чем важный его компонент.

Все нормативно-правовые акты действуют как единая система, которая характеризуется согласованностью, иерархичностью, специализацией по отраслям и институтам. Система нормативных актов Российской Федерации включает в себя правовые акты общефедеральных органов, акты субъектов федерации, местного самоуправления, а также акты прямого народного волеизъявления. Такое их разнообразие обусловлено федеративным строением государства, своеобразием правотворческих органов, спецификой регулируемых отношений, другими обстоятельствами, служащими основаниями для их классификации. Это разнообразие обуславливает вариативность правового дискурса. Не менее важным для современного российского правового дискурса является то, что в российской правовой системе за годы реформ резко возросла роль закона в системе источников права. Такое положение обусловлено общим духом и смыслом Конституции РФ, провозгласившей Россию демократическим федеративным правовым государством, а также прямым указанием на то, что законы имеют верховенство на всей территории Российской

Федерации (п.2 статьи 4); суды, установив при рассмотрении дела несоответствие закону нормативного акта государственного или иного органа, принимают решение согласно закону (статья 120)¹⁰⁸.

Кроме того, Конституция РФ как Основной закон страны имеет в настоящее время не только высшую юридическую силу (формально так было и раньше), но и прямое действие, что означает право и обязанность суда, других органов государственной власти и управления, всех должностных лиц при отсутствии необходимого закона применять непосредственно Конституцию, на которую в таком случае делается прямая отсылка.

Принципиально новым феноменом в истории российской правовой системы, существенно повлиявшим на правовой дискурс современности, является наделение всех субъектов РФ правом издания законов, что формирует самостоятельные региональные нормативно-правовые системы наряду с федеративной нормативно-правовой системой. В целом российская правовая система находится в настоящее время в ситуации глубоких структурных реформ, при этом основным направлением ее развития является построение правового государства на базе развитого гражданского общества, где высшей ценностью выступали бы права человека, реально обеспеченные, гарантированные и защищенные.

Другим основанием дискурс-правового анализа являются **формы институализации права.**

Под институализацией права в данном случае понимается сам процесс становления права как устойчивого комплекса норм, определяющих права и обязанности субъектов на основе социальной легитимации, и тем самым определяющих их взаимообусловленное поведение. Легитимация же права осуществляется при помощи политических, религиозных, нравственных, идеологических и иных средств¹⁰⁹.

Принимая во внимание, что право выражается вовне прежде всего через законотворчество, следует отметить, что законодательная система - это не только составная часть целостной социально-экономической и политической системы общества, но и имманентная форма ее выражения: она является отражением того уклада жизни, того общественного и государственного строя, тех установившихся связей и отношений, которые в своей совокупности ее определяют и развивают.

Поскольку право выполняет роль содержания по отношению к законодательству как одной из форм его проявления, постольку изучение любой исторической системы законодательства предполагает определение не только ее сущности, но также и содержания, в котором непосредственно обнаруживается социальное назначение, направленность и цель каждой данной системы. Сущность той или иной законодательной системы обретает соответствующую конкретизацию в многочисленных правовых явлениях и процессах: в правосознании, законодательной политике, законах и подзаконных актах, правоот-

¹⁰⁸ См.: Конституция Российской Федерации. СПб., 1999. С. 4, 36.

¹⁰⁹ См.: Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001. С. 430.

ношениях и иных формах реализации правовых предписаний¹¹⁰.

Объективная форма действующего права — институт государственной власти, регулирующий поведенческие отношения между людьми: государственная воля должна быть соответствующим образом выражена, т.е. должна иметь определенную форму, а форма, в свою очередь, не мыслима вне содержания. Поэтому публичная власть неразрывно связана с правом, т.к. в любом обществе существуют общеобязательные правила поведения, поддерживаемые и охраняемые публичной властью.

Институциональная форма осуществления государственной власти обозначается в теории права понятием «механизм (аппарат) государства»: имеется в виду организационная структура государственной власти, «система органов, учреждений и должностных лиц, которые в установленном правовом порядке наделены государственно-властными полномочиями и реализуют функции государства»¹¹¹. В состав аппарата государства включаются также специфические учреждения, предназначенные для обеспечения его функционирования: армия, тюрьмы, исправительные колонии и т.д. Очевидно, что система государственных органов, их компетенция, порядок образования, а также способы и процедуры реализации ими своих полномочий существенно зависят от типа и формы государства.

Возможны самые различные основания для классификации органов государства: можно подразделять их на постоянные и временные, коллегиальные и единоначальные, органы общей и специальной компетенции, центральные и местные, федеральные и органы субъектов федерации и т.д. Однако наиболее общей классификацией органов государства является их классификация по функциям. В соответствии с принципом разделения властей выделяют законодательные, исполнительные и судебные органы; дополнительно выделяют органы надзорные.

Государство является непосредственным фактором создания правовых установлений и главной силой их осуществления. Государственная власть имеет конструктивное значение для самого бытия права как особого институционального образования: она непосредственно присутствует в праве, так как конкретно-историческая правовая система всегда реализуется в деятельности соответствующих ей в той или иной степени государственных органов. Вне и помимо конструктивной деятельности государства существование права как институционального образования немислимо. Это особенно отчетливо проявляется в концепции правового государства, в соответствии с которой государство использует право в качестве средства управления общественными процессами, но лишь в той мере, в какой само право ему это позволяет.

Ориентация на формирование и развитие правового государства обусловлена объективными потребностями общественного и политического развития в посттоталитарной России, целями утверждения принципов свободы и права во всех сферах жизни общества. При этом, по мнению В.С. Нерсесянца,

¹¹⁰ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 2000. С. 19-23.

¹¹¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000. С. 261.

необходимо учитывать, что «у каждой страны свой путь к правовой государственности, своя конструкция и свои формы правовой организации государства»¹¹².

Конституция РФ 1993 г. закрепляет целый ряд принципиальных положений, определяющих новизну общественного и государственно-правового устройства постсоветской России.

Присущая новой российской Конституции концепция правопонимания, опирающаяся на естественно-правовые идеи о прирожденных и неотчуждаемых правах человека, включает в себя в целом и правовое понимание государства, и, соответственно, правовую организацию государственной власти. В институционально-правовом плане это нашло свое выражение в конституционном закреплении определенной системы разделения властей в рамках общей концепции российской правовой государственности. Сам принцип разделения властей сформулирован в статье 10 следующим образом: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹¹³.

Дальнейшая конкретизация этих общих положений о разделении властей в соответствующих главах Конституции, определяющих статус и полномочия Президента Российской Федерации (глава 4), Федерального Собрания (глава 5), Правительства РФ (глава 6), судебной власти (глава 7), свидетельствует о конституционном закреплении своеобразной российской модели президентской республики.

Таким образом, для российского общества на современном этапе актуальной является задача создания такой правовой идеологии (национально-правовой доктрины), которая соответствовала бы его культурно-историческим традициям, духовности его народа и на этой основе обеспечивала бы становление правового общественного порядка.

Поэтому на современном этапе российский правовой дискурс находится в ситуации, требующей нового осмысления с целью выработки целостной картины правовой коммуникации, отвечающей реалиям современности: необходимо системное, комплексное исследование правового дискурса России как специфического процесса, имеющего свои источники, формы и закономерности.

Другим важным источником правового дискурса выступает **характер правового регулирования** в соответствии с **отраслевым делением права**. Поскольку юридические факты многоаспектны и представляют определенные сферы жизнедеятельности, правоотношения, возникающие в связи с ними, регулируются определенными совокупностями правовых норм, оформленных в виде нормативных актов или в виде системы нормативных актов, образующих кодифицированные отрасли права.

Отрасли права отличаются друг от друга предметом правового регулиро-

¹¹² Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2000. С. 330.

¹¹³ Конституция РФ. СПб., 1999. С. 5.

вания, которым являются те или иные специфические отношения, возникающие в процессах социального взаимодействия, а также — методом правового регулирования, под которым понимается алгоритм реализации принципов правового регулирования.

Методы правового регулирования предопределяются социальной позицией субъектов общественных отношений, характером фактов, по поводу которых эти отношения возникают. Отношения координации - имущественные, семейные, трудовые, обусловленные юридическим равенством сторон, - предполагают использование тех методов правового регулирования, для которых характерна диспозитивность. Отношения субординации - организационно-управленческие, уголовные, процессуальные, - предполагают использование методов другого типа, для которого характерна императивность. При императивном регулировании преобладает обязывание и запрещение; диспозитивное, децентрализованное начало предполагает преобладание дозволения.

Соответственно и правовой дискурс приобретает тот или иной характер в зависимости от отрасли права. Несмотря на различия, отрасли права имеют общую концепцию построения: определение субъектов правоотношений и круга их полномочий; условия возникновения правоотношений; порядок исполнения сторонами их прав и обязанностей; условия, обеспечивающие реализацию субъектами правоотношений своих функций; основания прекращения правоотношений; ответственность за нарушение установленного порядка отношений; условия и порядок рассмотрения споров.

В данной работе не ставится цель дать развернутую характеристику правового дискурса в различных отраслях российского права, а лишь показать, что каждая отрасль имеет свою специфику, свой предмет и метод, занимает особое положение в общей системе регулирования общественных отношений – и, соответственно, и правовой дискурс приобретает те или иные черты.

Как видно из сказанного, отрасли права фиксируют и регулируют наиболее значимые области социального взаимодействия: общественное разделение труда; институциональные отношения; отношения власти; семейные отношения. Таким образом, правовой дискурс закрепляет в форме общеобязательных нормативных границ и правил построения отношений определенный социальный порядок.

Важным методологическим основанием для изучения правового дискурса как феномена права выступает такое свойство права¹¹⁴, как **дискурсивность**, которое, по нашему мнению, заключается в способности права: быть доведенным до субъекта (1), быть информативным (2), быть способом общения - коммуникации (3), быть способом выражения юридической речи-языка (4), быть средством формирования новых правовых актов (5), быть средством фиксации юридических фактов (6), быть средством выражения правовых, идеологических и научных доктрин (7), быть исходным материа-

¹¹⁴ Термин «свойство» мы понимаем в широком смысле, как некое внутреннее качество предмета. Такой подход распространен в юридической науке. См., например: Шестаков Д. А. Криминология: Краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб.: Лань, 2001.

лом образования принципов правового сознания (8), быть способом познания (9), быть средством социальной практики и освоения окружающей действительности (10).

Правовой дискурс является по своей сущности схематизированным, нивелированным и нормированным процессом информационно-средового взаимодействия.

Для интерпретации правового дискурсивного пространства актуальной является мысль П.Рикера, который вслед за Ф.Соссюром утверждает, что «в языке имеются только одни различия». В развитие этой мысли он предлагает рассматривать значения, принадлежащие отдельным знакам, «не как этикетки в причудливом перечислении, а как относительные, негативные ценности, противопоставляющие одни знаки другим»¹¹⁵. В правовом дискурсе все строится как раз на противопоставлении: нормативного, нормативно-правомерного и противоправного.

Это означает, что существуют внутренние зависимости отдельных составляющих дискурса. Неизбежная ассоциативная связь между прошлым и настоящим при употреблении определенных лексических единиц подтверждает пространственный характер нормативных предписаний. Норма рассчитана на регулирование не единичного, отдельного отношения, а вида общественных отношений; она продолжает действовать после реализации в индивидуальных отношениях и в поведении конкретных людей.

«Право естественным образом проблематизируется в контексте правового дискурса как альтернативе традиционному и наиболее распространенному в отечественной литературе *нормативно-организационному* подходу к вопросам правопонимания. Если в соответствии с последним право – это система норм, выраженных в законах, иных признаваемых государством источниках и являющихся общеобязательным нормативно-государственным критерием правомерно-дозволенного (а также запрещенного и предписанного) поведения»¹¹⁶, то с точки зрения методологических установок правового дискурса, право – это, прежде всего, гарантия свободы и справедливости, реальная возможность реализации желаний, потребностей и интересов субъектов, действующих и мыслящих в пространстве социальных отношений и взаимодействий, открытом для развертывания адекватного ему правового процесса. М.Ю. Мизулин, специально анализирувавший нормативный дискурс права в работе «Философия политики: власть и право»¹¹⁷, справедливо считает, что подобное понимание права ведет к ряду следствий, которые к настоящему времени принять невозможно. Автор показывает, что назначение права – это, прежде всего, организованная профессиональная защита свободы, а не любого поведения, что «государство не столько возводит право в нормативность и стремится к его «овнешнению» в системе издаваемых нормативно-правовых актов, сколько само нуждается в праве как таковом», что «право образуется не

¹¹⁵ Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995. С. 46.

¹¹⁶ Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 156-157.

¹¹⁷ Мизулин М.Ю. Философия политики: власть и право. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1997.

из норм, а напротив, сами нормы есть правовое образование»¹¹⁸.

Конкретизация этого уровня социально-правового пространства, отказ от его унификации, отождествления с некими общечеловеческими ценностями – это необходимое условие осознания той роли, которую играет правовой дискурс для адекватного понимания специфики функционирования и развития национальных правовых систем, эффективного решения актуальных политико-правовых проблем.

«Власть установленных государством законов во все исторические эпохи (от древней до современной) выполняла роль стабилизирующего фактора, упорядочивающего многие (не только чисто правовые) социальные процессы и отношения между людьми. Однако существующие законы всегда испытывали ощутимое (вплоть до разрушительных последствий) влияние противостоящих сил и воздействий», - рассуждает В.Г. Графский¹¹⁹.

В частности, это можно пронаблюдать при реализации **принципа справедливости** как одной из основных составляющих содержания правового дискурса. К сожалению, в современном законодательстве данный принцип «ущербен в своей нравственно-правовой недосказанности»¹²⁰. Согласно нормативному смыслу этот принцип исчерпывается тем, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Уголовное законодательство наряду с другими социальными регуляторами жизни людей должно соответствовать принципу нравственного удовлетворения личности от несовершения противоправного деяния, когда совершение преступления становится для личности нравственно нежелательным. Естественно, по мнению, И.Я. Козаченко, что «такое соответствие должно иметь законодательное признание, а не быть только предполагаемым постулатом»¹²¹.

Главная же характеристика дискурсивности права - это *социальность*, ориентация на рассмотрение социального значения права, в соответствии с которым право выступает в качестве социального института, способного обеспечить решение крупных задач в жизни людей, в том числе — определенность регулирования общественных процессов и одновременно — *прочность, надежность устанавливаемых при помощи права общественных отношений*. Это обеспечивается таким свойством права, как формальная определенность. Именно в процессе правового дискурса реализуется одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности - право на определенность правовых норм.

Вторым требованием к правопорядку является требование его прочности. Это обеспечивается таким признаком права, как государственная гарантиро-

¹¹⁸ Мизулин М.Ю. Указ. соч. С. 127-137.

¹¹⁹ Графский В.Г. Власть законов: история идеи и современность // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 84

¹²⁰ Козаченко И.Я. Закон скромности и скромность уголовного закона // Российский юридический журнал. 2007. №3. С 9.

¹²¹ Козаченко И.Я. Там же.

ванность. Именно эти качества права дают возможность в той или иной степени устранить из общественной жизни произвол и своеволие, в какой-то мере гарантировать стабильность, социальный мир, исключать хаос в людском поведении, произвол в отношении личности. Благодаря этим свойствам проявилась глубинная сущность права, «а именно то, что оно является инструментом, средством, механизмом или нормативно-регулятивной системой защиты личности от произвола любых других лиц, групп и общества, или государства в целом»¹²².

Социальность наряду с дискурсивностью присуща всем свойствам права.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать определенные **выводы**.

Во-первых, к текстуальным источникам норм права можно отнести следующие: мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, нормативные правовые договоры, правовые доктрины, священные книги, нормативные правовые акты. Главнейшая роль в правовом дискурсе современности принадлежит нормативным правовым актам, образующим нормативно-правовую систему.

Во-вторых, правовыми основами дискурс-правового анализа выступают формы права (источники права), формы институализации права, характер правового регулирования, определяемый отраслями права, а также дискурсивность права.

В-третьих, выступая важным основанием дискурс-правового анализа, формы институализации права предопределяют цели современного правового дискурса, направленные на создание государственно-правового механизма, обеспечивающего реализацию провозглашенного Конституцией РФ положения о правах человека как высшей ценности, и отработку системы реального воздействия человека на государство через институты гражданского общества.

В-четвертых, характер правового регулирования в соответствии с отраслевым делением права как основание дискурс-правового анализа позволяет выявить специфические черты правового дискурса в зависимости от предмета и метода правового регулирования в кодифицированных отраслях российского права.

В-пятых, все характеристики дискурсивности ярко проявляются во всех свойствах права, подчеркивая их неразрывное единство и взаимообусловленность. Все свойства права – его всеобщность, общеобязательная нормативность, способность строго фиксировать по содержанию возможное и должное поведение людей, а также способность наиболее мощно, силой государственного принуждения обеспечивать такое поведение – коррелируют с дискурсивностью и служат правовыми основами дискурс-правового анализа, определяя то, чтобы сложившиеся в обществе отношения в стабильном и устойчивом виде функционировали непрерывно.

В-шестых, правовые основы дискурс-анализа направлены на выработку

¹²² Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 114.

целостной картины правовой коммуникации, отвечающей реалиям современности, основанной на комплексном исследовании правового дискурса России, имеющего свои источники, формы и закономерности.

* * *

2. 3 Принципы дискурс-правового анализа

Ядро авторской концепции составляют общие методологические принципы дискурс-правового анализа:

- принцип *проблемности*, предполагающий выделение основной базовой проблемы дискурс-правового анализа – определение понятия правового дискурса, выявление его границ, дискурсивно-правовых доминант, специфики функционирования;

- принцип *субъектности*, подчеркивающий, что фокусом, стержнем правового дискурса являются субъекты права как носители определенного правового мышления;

- принцип *интерактивности*, раскрывающий основной признак правового дискурса – взаимодействие субъектов права в процессе правового общения, интерактивность;

- принцип *диалогичности - полилогичности*, позволяющий отразить неотъемлемую черту современного правового дискурса – коммуникативное взаимодействие через диалог (полилог);

- принцип *информативности*, предусматривающий качественную и количественную определенность представлений о правовом дискурсе;

- принцип *целостности*, представляющий анализ правового дискурса в единстве всех компонентов его структуры;

- принцип *нелинейности структуры* правового дискурса и приоритетности тех закономерностей его формирования и развития, которые оказывают непосредственное влияние на механизм правового регулирования;

- принцип *междисциплинарности* означает сотрудничество и взаимодействие различных специальных областей, в первую очередь правоведения и лингвистики, а также социологии, антропологии, политологии, культурологии, психологии и философии;

- принцип *открытости* означает обмен теоретическими и практическими научными методами между различными дисциплинами, а также нахождение общей базы, на которой строится создание концепции правового дискурса в теории государства и права.

Кроме вышеперечисленных принципов дискурс-правового анализа для нашего исследования важным является описание принципов различных этапов правового регулирования, так как правовой дискурс в соответствии с этими принципами приобретает особые качества, необходимые нам для раскрытия его сущности.

Правовой дискурс в процессе правотворчества строится в соответствии с определенными *принципами* правовой коммуникации, которые опираются на принципы правотворчества и выражаются в *специфических характеристиках*. Правотворческий процесс в Российской Федерации осуществляется на базе *принципов*, определяющих существо, характерные черты и общее направление этого процесса.

С С.Алексеев определяет *принципы* как выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни¹²³. На необходимость дополнительного исследования специфики правотворческого процесса и его принципов уже обращалось внимание в отечественной литературе¹²⁴.

Следует подчеркнуть, что *принципы* координирующего типа правового дискурса в правотворческом процессе, рассматриваемые автором в данной работе, находятся в органической взаимосвязи друг с другом, представляя собой тесную интегративную систему, которая в свете «должного» выступает как упорядоченная совокупность правовых предписаний, взаимодействующих друг с другом в правовой коммуникации. *Принципы* координирующего типа рассматриваются в правовом дискурсе как основные положения, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативные действия, например, принятие текста законопроекта. *Принципы* координирующего типа правового дискурса выражают основополагающую идею, которая выступает как общеобязательное, непререкаемое требование и выполняет функцию общенормативного ориентира. Сама система *принципов* координирующего типа правового дискурса многообразна, а их конкретный состав определяется *специфичностью* законотворчества.

Достижение цели правового дискурса на стадии правотворчества - создать такую объективную норму права в форме нормативно-правового акта, которая бы носила всеобщий характер и была принята всеми субъектами права – произойдет только лишь в случае соблюдения всех *принципов* координирующего типа правового дискурса в процессе правотворчества. Другими словами, процесс правовой коммуникации в данном случае будет успешным, если законодатель в процессе правотворчества достигнет консенсуса, взаимопонимания со всеми, кто эту норму должен соблюдать. А это невозможно без применения рассматриваемых *принципов*.

Принцип **законности** правотворчества подразумевает, прежде всего, требование соблюдения законов. Следовательно, первой и непосредственной предпосылкой осуществления принципа законности является наличие законов-актов высших органов государственной власти и соответствующих им подзаконных нормативных актов. Это представляется тем более важным, что в сфере правотворчества, как и в любой сфере государственно-властной

¹²³ Алексеев С.С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 130.

¹²⁴ Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 14; Боброва Н.А. Некоторые аспекты законодательной деятельности субъектов Российской Федерации // Государство и право. 1995. №11. С.43-48.

деятельности, должен действовать общеправовой принцип «запрещено все, что прямо не предписывается законом».

Принцип **законности** в координирующем типе правового дискурса приобретает следующие особенности:

- правовая коммуникация осуществляется только на основе **закона**;
- весь процесс правовой коммуникации происходит путем взаимодействия с **законами**;
- правовая коммуникация протекает в рамках **законотворчества**.

Законность предполагает определенную степень развития законодательных и иных нормативно-правовых актов (правовой информации), регулирующих общественные отношения в той или иной сфере. Это обеспечивается таким качеством, как **упорядоченность**. Эта характеристика всегда соблюдается при создании федеральных законов. В широком смысле слова упорядоченность процесса нормотворчества, по мнению С.Л. Зивса, в конечном итоге есть предпосылка режима законности, а еще точнее — составной элемент режима законности¹²⁵. Принцип упорядоченности правотворчества является наиболее важным в процессе координирующего типа правового дискурса и проявляется как **тематическая организованность** процесса правовой коммуникации, которая предполагает, что создание правовых актов должно осуществляться в соответствии с определенными сферами общественных отношений.

Подлинный **демократизм** опирается на законность, вытекает из нее (при условии, что это правовая законность). Процесс демократизации непременно находит свое нормативное воплощение в тексте законодательных актов. Но для этого необходимо, чтобы в правотворческой деятельности в полной мере реализовывался принцип демократизма.

Особенности правового дискурса в соответствии с данным принципом заключаются в том, что правовая коммуникация при работе по подготовке проектов законодательных актов должна организовываться на широкой демократической основе, включая в себя учет и анализ общественного мнения предложений различных общественных объединений, трудовых коллективов, органов общественного самоуправления граждан, а также ученых и специалистов по теме проекта. Это достигается за счет такого качества координирующего типа правового дискурса, как **открытость каналов коммуникации, широта охвата участников коммуникационного процесса**.

Одним из проявлений принципа демократизма в правотворческой деятельности является опубликование подготовленных проектов законов в печати для широкого ознакомления и обсуждения с заинтересованной общественностью. Это достигается путем **связи правового общения с масс-медиа**, что предполагает возможность выявления, всестороннего и максимально полного учета мнений отдельных граждан, рабочих и трудовых коллективов, социальных и профессиональных групп и слоев.

К сожалению, в настоящее время отсутствует законодательный акт, аналогичный принятому в 1987 году Закону СССР «О всенародном обсуждении

¹²⁵ Зивс С.Я. Источники права. М., 1981. С.72.

важных вопросов государственной жизни»¹²⁶, который определил бы общие принципы и условия, на основе которых проводится обсуждение важнейших вопросов государственной и общественной жизни. Такой закон должен предусматривать юридические гарантии для максимально широкого выражения мнения российских граждан по обсуждаемым законопроектам. Важное значение имело бы установление четко обозначенной процедуры, в соответствии с которой производится учет поступающих индивидуальных и коллективных замечаний и предложений, порядок их рассмотрения и использования при доработке законопроектов. Это придало бы координирующему типу правового дискурса **четкую последовательную определенность коммуникативных действий**, что улучшило бы организацию работы по обсуждению законопроектов на широкой демократической основе.

Существенное значение для эффективности правотворческой деятельности имеет качество правовых актов. В юриспруденции даются различные трактовки понятия качества нормативных актов. Одни ученые понимают под качеством нормативного акта его соответствие общественным потребностям и реальное регулирование общественных отношений в соответствии с поставленными при его издании целями (С.В. Поленина).

Другие считают, что качество закона - совокупность свойств, необходимо присущих закону, характеризующих его как регулятор общественных отношений.

Своеобразный подход к проблеме качества был применен В.В.Игнатенко. Он полагает, что исходной основой данного вопроса выступает философская категория «качества». Данная категория раскрывает совокупность всеобщих признаков, которые составляют качество любого явления, процесса природы, общества или мышления, и тем самым выступает методологическим основанием в изучении качества конкретного явления, в данном случае закона¹²⁷.

Для оценки качества закона в ходе правотворчества ограничимся обращением к наиболее значимым из них. В числе свойств, которыми должен обладать качественный акт, — его нормативность, общеобязательность, полнота и конкретность нормативно-правового регулирования, представительного обязывающий характер, ясность и доступность языка, формальная определенность, точность и определенность терминов и формулировок, логическая непротиворечивость актов, эффективность, соответствие норм закономерностям и потребностям общественного развития и др.

Вышеуказанные свойства качественного нормативного акта можно подразделить на два вида: собственно юридические и языковые.

Собственно юридическими свойствами нормативного акта, характеризующими его как регулятор общественных отношений, являются нормативность, общеобязательность, полнота и конкретность нормативно-правового регулирования. Критериями языкового свойства качества нормативного акта

¹²⁶ Собрание законодательных актов СССР. 1987. №35. Ст.3214.

¹²⁷ Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998. С. 93.

является ясность, простота, точность и краткость. В качественном нормативно-правовом акте все эти критерии должны быть обязательно соблюдены, что зачастую отсутствует в нормативно-правовых актах субъектов РФ.

Повышению качества законодательных актов в современных условиях должно способствовать восстановление принципа **планирования** законотворческой деятельности, который выражается в правовом дискурсе в соблюдении **процедуры, последовательности определенных коммуникативных действий** правовой коммуникации. Этот принцип получил особое развитие в 70-е годы XX в. Сейчас он набирает силу, но темпы его развития недостаточны, особенно для законотворчества субъектов Федерации.

«Планирование нормотворческой деятельности обеспечивает комплексный подход в разработке юридических норм, позволяет глубже изучить общественные отношения и перспективы их развития, устраняет спешку и непродуманность в подготовке нормативных актов, — пишет В.К. Бабаев. — Необходимо только, чтобы эта работа стала обычной практикой и носила «сквозной» характер, охватывала процесс создания не только законов, но и подзаконных актов»¹²⁸.

Планирование в сфере правотворчества должно осуществляться в правовой форме. Следовательно, для успешного решения законотворческих задач в процессе координирующего типа правового дискурса необходимо дальнейшее совершенствование правовых форм регулирования отношений в сфере планирования законотворчества, соблюдение коммуникативной процедуры правового общения. Подобная практика способствовала бы укреплению начал законности, демократизма, научности, гласности в законотворческой деятельности субъектов Федерации.

Для возможно более полного осуществления нормодателем принципа планирования в своей деятельности необходимо располагать надежной **прогностической правовой информацией**. Поэтому правовой дискурс законотворчества должен содержать планы законопроектной работы, должен основываться на перспективных прогнозах, концепциях, программах.

В плане должны предусматриваться способы решения конкретной правовой задачи (проблемы), существующей в определенной сфере общественных отношений и подлежащей решению с помощью тех или иных правовых средств. Это — разработка законопроектов; подготовка предложений о внесении в действующие акты значительных изменений и дополнений, о подготовке новых редакций крупных законодательных актов; разработка концепций законопроектов; подготовка предложений о проведении правовых экспериментов в отдельных сферах общественных отношений или в отдельных регионах с целью проверки на практике и отлаживания новых правовых механизмов.

Существует закономерная зависимость осуществления принципа приоритетности от степени экономичности законодательных формул. Принцип **экономии** в законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации — это, прежде всего, принцип устранения дублирования, взаимное ин-

¹²⁸ Бабаев В. К. Право как логическая система. М., 1992. С.71.

формирование различных субъектов законодательной деятельности на стадии подготовки законопроектов субъектами Федерации, что способствует соблюдению такого качества правового общения, как **экономия коммуникативно-правовых средств** правового дискурса. Требование экономичности — это сокращение до минимума количества актов по одному вопросу в интересах лучшей обозримости нормативного материала, облегчения пользования им, учета и систематизации¹²⁹.

Наряду с крупными основополагающими законами субъектов Федерации готовились и принимались сравнительно мелкие акты по узким вопросам. Например, в качестве отдельного акта был издан Закон Республики Хакасия «О праве граждан Республики Хакасия на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства».¹³⁰ Слишком узка тема и для Закона Республики Татарстан «Об учителях»¹³¹. Нужны единые по целям и содержанию крупные законы субъектов Федерации, входящие в качестве составных частей, блоков в единую, внутренне согласованную правовую систему субъектов Федерации.

Ключевым принципом законотворческой деятельности является **признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина**. Это проявляется в **идейном и содержательном соответствии основных концептов** правового дискурса и всего процесса правовой коммуникации **основным положениям Конституции РФ**, основывающимся на признании прав и свобод человека и гражданина. Весь законотворческий процесс должен быть направлен на создание условий, гарантий, когда права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹³². Установленные в Конституции РФ неотъемлемые права и свободы человека, признанные международным сообществом, не могут быть отменены либо нарушены законодательством: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие свободы человека и гражданина»¹³³. Одновременно с дальнейшим развитием общепризнанных стандартов в области прав человека, закрепляемых в международных правовых актах, должно протекать развитие законотворчества в нашей стране.

Важно установить механизмы осуществления контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим обратим внимание на **гласность**, которая, как полагает П.М. Рабинович, является одним из основных, имманентных свойств любой деятельности, урегулированной правом, особенно же деятельности государственных органов и других организаций, а

¹²⁹Тихомиров Ю.А. Как готовить законы: Научно-практическое пособие. М.: Известия, 1993. С.36.

¹³⁰ Законы Республики Хакасия. Абакан, 1993. Ст.39.

¹³¹ Ведомости ВС Республики Татарстан. 1990. № 10. Ст. 214.

¹³² Конституция Российской Федерации. Ст. 18. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.

¹³³ Конституция Российской Федерации. Ч. 2. Ст. 5. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.

также должностных лиц¹³⁴. В отечественной литературе уже отмечалось, что гласность (то есть открытое обсуждение правовых актов со всеми заинтересованными лицами, организациями и общественностью) в законотворческой деятельности является неременным условием обеспечения качества законов¹³⁵. Гласность влияет на характер правового дискурса, придавая **открытость и публичность** процессу правовой коммуникации.

Гласность охватывает практически все компоненты правовой системы, но в сфере правового дискурса законотворчества она приобретает особое значение, поскольку правотворческие решения непосредственно отражаются на судьбах людей, затрагивают их насущные интересы, определяют их права и обязанности.

«Открытость и гласность — фундаментальные черты (принципы) демократического законотворческого процесса, — отмечает О.А. Гаврилов. — Это дает возможность гражданскому обществу установить контроль над законодательным процессом, вовремя корректировать его течение»¹³⁶.

«Эффективность правовой системы в немалой степени зависит от того, насколько полно реализуется в ней принцип гласности, — пишет Н.И. Матузов. — Это и понятно — открытое обсуждение назревших проблем, реалистические оценки, вскрытие, анализ и устранение недостатков, ошибок, упущений, извлечение уроков, поиск оптимальных решений, путей совершенствования могут только улучшить ее общее состояние, укрепить связь с жизнью, практикой»¹³⁷. Следовательно, по нашему мнению, гласность в идеале должна представлять собой особый социальный институт, призванный познавать, учитывать и отчасти формировать потребности, интересы, мысли и чувства людей, социальных групп, регионов, наций и народностей.

В непосредственной связи с принципом гласности в процессе правового дискурса правотворческой деятельности необходимо рассмотреть принцип **научности**, что предполагает **логичность, тематическую связность и взаимосвязанность коммуникативных актов** в правовом дискурсе.

Принцип научности обязывает законодателя познавать объективные закономерности, определяющие социальную эффективность создаваемых им правовых норм. «Одна из задач научных исследований правоведов, — считают В.Н. Кудрявцев и О.А. Гаврилов, — состоит в раскрытии закономерностей законотворчества как сложного социального процесса, предполагающем адекватное отражение в правовых нормах актуальных и перспективных потребностей общества»¹³⁸.

Научная обоснованность правовых актов, создаваемых в процессе координирующего типа правового дискурса, предполагает, прежде всего, тща-

¹³⁴ Рабинович П.М. Своевременность в праве // Вопросы теории государства и права. Вып. 9. Саратов, 1991. С.57.

¹³⁵ Лапаева В. В. Законотворческий процесс: общественное мнение и общественное согласие. М., 1995. С. 37.

¹³⁶ Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993. С. 12.

¹³⁷ Матузов Н.И. Правовая система и гласность // Вопросы теории государства и права. Вып. 9. Саратов, 1991. С.77.

¹³⁸ Кудрявцев В.Н., Гаврилов О.А. Социальные деформации. М.: ИГПРАН, 1992. С.13.

тельный учет экономических, социально-политических, экологических и других факторов развития определенной сферы жизнедеятельности, к которой относится предполагаемый законопроект (иными словами, факторов, формирующих законодательное решение). Она означает также, что принимаемый закон впишется в систему действующих или будущих (намеченных к разработке) правовых актов¹³⁹. Научная обоснованность означает, наконец, что данный законопроект свободен от неувязок и логических противоречий. Его нормы не только юридически и логически взаимосвязаны между собой, но и скоординированы с «сопряженными» нормами других, близких ему по теме нормативно-правовых актов, а, следовательно, соблюдено основное качество правового дискурса – *системность*.

«Как показывает практика законотворческой работы на всех ее уровнях, — отмечает С.С. Алексеев, — значительная часть подготовительных по каждому акту работ сопряжена с тем, чтобы проект вписался в нормативную систему, был по всем пунктам согласован с ней не только внешне (по отсылкам, реквизитам, технико-юридическому оформлению и т.д.), но и главным образом по содержанию, фактическому и правовому»¹⁴⁰. Эта трудоемкая работа должна в основном производиться в рамках юридической экспертизы, производимой квалифицированными специалистами.

Научная экспертиза должна включать в себя как анализ и оценку юридических качеств законопроекта (правовая экспертиза), так и профессионально-специализированную экспертизу по профилю проекта (экономическую, финансовую, научно-техническую, экологическую, социально-психологическую и др.). Среди общих требований к заключению экспертов в правовом аспекте указываются следующие: соотношение предлагаемого проекта нормативного акта с действующим законодательством (возможная «вписанность»), определение затратной стоимости в случае его реализации, качество юридической техники подготовленного законопроекта и другие вопросы¹⁴¹.

Значимость **принципа единства юридической терминологии** в правовом дискурсе законотворчества особенно возрастает в современный период, когда научно-технический прогресс все глубже проникает в общественную жизнь и увеличивается специализация знаний. В различных сферах жизни (народное хозяйство, наука, социальная сфера, международные отношения) увеличивается число научных и технических терминов, специальных выражений.

При этом особое значение уделяется **терминам**, используемым в языке законодательства.

Основная проблема заключается в том, что принятые в юридической науке и закрепленные в законодательстве термины, обозначающие юридические требования к языку правовых актов, носят оценочный характер и поэтому нуждаются в дополнительном разъяснении. От точности употребления терминов в законе во многом зависит точность выражения воли законодателя, а

¹³⁹ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 15.

¹⁴⁰ Алексеев С.С. Теория права. М., Изд-во БЕК, 1994. С. 123.

¹⁴¹ Кумышева М.К. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов: проблемы систематизации и оптимизации. Дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 1998. С. 37.

следовательно, и результативность закона.

Юридический термин — это термин (слово или словосочетание), который употребляется в правовом акте и (или) юридической науке и практике.

Специфика юридической терминологии состоит в том, что она в значительной части является универсальной, поскольку право, законодательство в той или иной мере пронизывают практически все сферы общественной деятельности. Будучи использованным в правовом акте, какой-либо специальный термин в узкой сфере деятельности становится и юридическим термином.

Основное требование к употреблению терминов в правовом акте любого уровня можно выразить в виде формулы: *термины должны употребляться в правовом акте в одном общепринятом или установленном законодательством значении; для обозначения одного и того же объекта (явления) должен употребляться один термин.*

Однако необходимо отметить, что законодатель, конструируя определенную нормативную дефиницию, должен выбирать такую форму, которая наиболее адекватно соответствует содержанию терминируемого понятия, отражает его сущность.

Разработки относительно техники определения терминов изложены в работах М.А.Нагорной и И.Г.Дудко. Весьма полезные советы касательно выбора способов законодательного закрепления терминов дают А.М. Рабец и В.Ю. Туранин¹⁴².

Для единства юридической терминологии необходимо, чтобы при обозначении в нормативном тексте определенного понятия последовательно употреблялся один и тот же термин, а при обозначении разных не совпадающих между собой понятий использовались различные термины. Иначе возможны нечеткость, путаница и даже ошибки в правовой деятельности. В связи с этим понятно, почему о необходимости единства юридической терминологии говорят практически все ученые, занимающиеся проблемой правотворчества¹⁴³.

На наш взгляд, единство юридических терминов необходимо там, где различные варианты одного и того же понятия имеют формально-правовое значение, то есть тогда, когда употребление иного термина или выражения способно повлечь за собой другие правовые последствия. Но и в тех случаях, когда разноречивость в терминах прямо не отразилась бы на правовой практике, четкость и точность нормативных формулировок, высокий уровень законотворческой деятельности субъекта Федерации зависят от единства терминологии, то есть от ее устойчивости, стереотипности.

Наиболее жестко и последовательно принцип единства юридической терминологии должен проводиться в пределах одного нормативного акта.

¹⁴²См. также: Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов; Дудко И.Г. Правовые понятия в законодательстве субъектов Российской Федерации; Рабец А.М. Проблемы законодательного закрепления юридических дефиниций; Туранин В.Ю. Проблема выбора оптимального способа закрепления дефиниции в законодательном тексте // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. д-ра юр.наук, проф., акад. В.М.Баранова. Т.1. Нижний Новгород, 2001.

¹⁴³ Пиголкин А.С. Язык закона. М., 1990. С. 113.

Здесь терминологический разнобой становится уже существенным нарушением законодательной техники.

Принципы толкования норм права проявляются в специфических *особенностях* комплементарного типа правового дискурса, которые составляют систему своеобразных предпосылок познавательного и разъяснительного процессов и обеспечивают выполнение им своих функций: а) законности (*легальность и упорядоченность правового дискурса*); б) всесторонности (*системность, уточняющий, дополняющий, конкретизирующий, детализирующий характер правового дискурса*); в) единообразия толкования (*соподчиненность и иерархичность коммуникативных действий правового дискурса*); г) обоснованности (*полнота использования приёмов и способов толкования, связь с реализацией права*); д) объективности (*независимость и беспристрастность суждений*).

Компететивный (конкурирующий) тип правового дискурса строится в судебном разбирательстве с соблюдением основных *принципов* конфликта. Выделяются следующие специфические *особенности* правового дискурса, основанные на принципах конфликта:

1) *интенциональность* (принцип **равнодействия мотива и цели деятельности**). Успешность правового дискурса с точки зрения разрешения конфликтной ситуации зависит от обнаружения содержания интенции, способности выявления того, что декларируется в конфликте (мотивом), и того, что актуализируется в конфликте в виде противоречия (целью). Основной интенцией компететивного типа правового дискурса, как было отмечено выше, является конфликт субъектов права в процессе установления правовых отношений. Следовательно, чем точнее коммуникаторы и коммуниканты смогут определить это, тем успешнее пройдет процесс правового общения, при котором разрешение конфликтной ситуации в правовом дискурсе будет эффективным для достижения основной его интенции;

2) *коммуникативная установка на конфликт* (принцип **включения агрессивно-защитного механизма**). Коммуникативная установка на конфликт задана для участников судебного разбирательства изначально, она отражается в сущности процессуальной позиции каждого из участников компететивного типа правового дискурса. В соответствии с этой ролью участники судебного разбирательства ориентированы на противоречие в разбирательстве, а значит, и на противостояние, предполагающее «нападение» и «защиту». Следовательно, используя коммуникативную установку на конфликт, коммуникаторы и коммуниканты включают и свой защитно-агрессивный механизм;

3) *как говорится*, то есть каким тоном, с какими жестами, с каким взглядом; и *что говорится*, то есть о чем, каково содержание коммуникации (принцип **отождествления формы и содержания**). В конфликтной ситуации противодействия сторон на суде мы имеем дело с такими проявлениями, как повышенный тон, иногда жестикация, имеющая агрессивный характер, допускаются различные резкие выражения в адрес противника. Все это относится к тому, *как говорится*. Отвлекающие внимание формы (*как говорится*)

воздействуют на эмоционально-психологическое состояние, в то же время содержание (*что, о чем, и, особенно, почему и ради чего это говорится*) теряет свой смысл за восприятием формы, поэтому форма и содержание часто отождествляются, что не приводит к успешному разрешению конфликта;

4) **стереотипность восприятия и оценки** поведения (принцип **отождествления факта и пересказа (или его интерпретации)**). По факту, что один человек в общественном месте оскорбил другого, обычный человек сразу выскажет свое ценностное суждение – невоспитанность, унижение достоинства личности, вседозволенность, агрессия и т.п. Сам факт отрицать никто не может. Но факт – это то, что один человек отозвался негативно о другом, а все остальное – эмоциональная интерпретация, которая в разрешении конфликта играет совсем ненужную роль. Стереотипность восприятия и оценки факта в компететивном типе правового дискурса приводит к ограниченности анализа самого содержания конфликта, зависимости при принятии решения от сформированного пересказом отношения.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие **выводы**.

Во-первых, общими методологическими принципами дискурс-правового анализа являются принципы: *проблемности, субъектности, интерактивности, диалогичности - полилогичности, информативности, целостности, нелинейности структуры правового дискурса, междисциплинарности, открытости*.

Во-вторых, правовой дискурс в процессе правотворчества строится в соответствии с определенными **качествами (характеристиками)** правовой коммуникации, которые опираются на принципы правотворчества и имеют характерные проявления координирующего типа правового дискурса.

Принцип **законности** в координирующем типе правового дискурса приобретает следующие качества:

- правовая коммуникация осуществляется только *на основе закона*;
- весь процесс правовой коммуникации происходит *путем взаимодействия с законами*;
- правовая коммуникация протекает *в рамках законотворчества*.

Принцип **упорядоченности** – *тематическая организованность* правового дискурса.

Принцип **демократизма** - *открытость каналов коммуникации, широта охвата участников коммуникационного процесса, связи правового общения с масс-медиа*.

Принцип **эффективности и оперативности** в правотворческой деятельности проявляется в координационном типе правового дискурса в *четкой регламентированности и структурированности* всего процесса правовой коммуникации.

Принцип **планирования** законотворческой деятельности выражается в правовом дискурсе в соблюдении *процедуры, последовательности определенных коммуникативных действий* правовой коммуникации.

Принцип **приоритетности** – *иерархичность* правовой коммуникации в координационном типе правового дискурса.

Принцип **экономии** – *экономия коммуникативно-правовых средств* правового дискурса.

Ключевым принципом законотворческой деятельности является **признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина**. В правовом дискурсе это проявляется в *идейном и содержательном соответствии основных концептов* правового дискурса и всего процесса правовой коммуникации *основным положениям Конституции РФ, основывающимся на признании прав и свобод человека и гражданина*.

Принцип **гласности** – *открытость и публичность* процесса правовой коммуникации.

В непосредственной связи с принципом гласности в процессе правового дискурса правотворческой деятельности рассматривается принцип **научности**, что предполагает *логичность, тематическую связность и взаимосвязанность коммуникативных актов* в правовом дискурсе.

Принцип **единства юридической терминологии** соответствует *четкости, точности*, а главное — *однозначности языковых единиц*, употребляемых в процессе правовой коммуникации.

В-третьих, принципы толкования норм права проявляются в специфических *особенностях* комплементарного типа правового дискурса: а) законности (*легальность и упорядоченность правового дискурса*); б) всесторонности (*системность, уточняющий, дополняющий, конкретизирующий, детализирующий характер правового дискурса*); в) единообразия толкования (*соподчиненность и иерархичность коммуникативных действий правового дискурса*); г) обоснованности (*полнота использования приёмов и способов толкования, связь с реализацией права*); д) объективности (*независимость и беспристрастность суждений*).

В-четвертых, компететивный (конкурирующий) тип правового дискурса строится в судебном разбирательстве с соблюдением основных **принципов** конфликта, для которых характерны следующие специфические *особенности* правового дискурса: 1) **интенциональность** (принцип **равнодействия мотива и цели деятельности**); 2) **коммуникативная установка на конфликт** (принцип **включения агрессивно-защитного механизма**); 3) **как говорится**, то есть каким тоном, с какими жестами, с каким взглядом; и **что говорится**, то есть о чем, каково содержание коммуникации (принцип **отождествления формы и содержания**); 4) **стереотипность восприятия и оценки** поведения (принцип **отождествления факта и пересказа (или его интерпретации)**).

* * *

ГЛАВА 3. РОССИЙСКИЙ ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

3.1 Общие закономерности формирования и развития российского правового дискурса

Рассмотрение проблемы российского правового дискурса предполагает выявление теоретических *закономерностей* его формирования и развития.

Проблема закономерностей для теоретической науки о государстве и праве не нова. Она являлась предметом активного рассмотрения в 60-70-е годы прошлого столетия и была связана с желанием советских правоведов «освоить» новые научные предметы, задаваемые разными научными методами. Именно тогда появилось учение о правовой системе общества, системе законодательства, правовой активности, эффективности права и т.д. Однако на рубеже веков интерес к закономерностям права среди отечественных правоведов стал постепенно затухать¹⁴⁴.

Между тем, от того, насколько внимание юристов будет уделяться закономерностям государства и права, зависит эффективность их практической деятельности - как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменения.

В литературе под государственно-правовой закономерностью понимается «объективная, систематическая, логически обоснованная повторяемость взаимосвязанных фактов в сфере государства и права»¹⁴⁵. В последних научных разработках утверждается, что «под государственно-правовой закономерностью следует понимать такую существенную и необходимую связь явлений правовой действительности, в которой проявляются качественное своеобразие и специфика права как особого регулятора общественных отношений, а также степень его эффективного упорядочивающего воздействия на них»¹⁴⁶. По мнению Г.Н. Овчинникова, специфические закономерности права – это «существенная, объективная, необходимая, общая, устойчивая и повторяющаяся внутренняя связь элементов права, выражающая его качественное своеобразие, его сущность»¹⁴⁷.

Учет объективных закономерностей права, к которым относится, например, как пишет Р.О. Халфина, «объективная обусловленность правовой фор-

¹⁴⁴ Косвенным отражением этой тенденции стали учебники по теории государства и права, призванные формировать у юристов общие представления о закономерностях правовой жизни и правовых явлений. Так, в учебнике «Теория государства и права» под ред. проф. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова (2008 г.) вопрос о закономерностях права изложен как «тенденции развития системы права и системы законодательства» (см.: Теория государства и права. М.: Норма, 2008. С. 179-180), самим же закономерностям авторы внимания не уделили. Аналогичная ситуация характерна для учебника «Теория государства и права», проф. Л.П. Рассказова, в котором автор ограничивается суждением, что теория государства и права «изучает общие закономерности развития государственно-правовых институтов безотносительно к какой-либо конкретной правовой системе» (см.: Рассказов Л.П. Теория государства и права. М.: РИОР, 2008. С. 8).

¹⁴⁵ Ветютнев Ю.Ю. Закономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России. Теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. С. 273.

¹⁴⁶ Свинин Е. В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2006. 25 с.С.8.

¹⁴⁷ Овчинников Г.Н. Закономерности развития и функционирования права. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Л., 1979. С. 12.

мы общественных отношений содержанием регулируемых отношений»¹⁴⁸, позволяет тоньше, точнее осуществлять нормативное регулирование социума. Это мнение развивает в своем исследовании А.В. Грибакин, полагающий, что «общество, не подчиняющееся в своем развитии никаким закономерностям, в принципе не поддается юридическому регулированию»¹⁴⁹. Далее автор в рамках философской парадигмы различения права и закона отметил такую закономерность, согласно которой «мера правовых начал в юридических отношениях увеличивается от эпохи к эпохе»¹⁵⁰.

И все же, несмотря на то, что право имеет объективные закономерности своего развития и функционирования, это «не означает, будто человеческие действия исключаются из процесса формообразования и развития права»¹⁵¹. В полной мере это суждение относится к развиваемой нами концепции правового дискурса. Современная правовая жизнь немыслима без коммуникации, общения, которое от эпохи к эпохе становится все более интенсивным, активным и насыщенным, принимает самые разнообразные формы — от непосредственного влияния и программирования поведения людей до интернет-сообществ в киберпространстве.

Правовой дискурс как объективное явление и в то же время производное многих обуславливающих его факторов тоже живет и развивается по своим закономерностям. Среди всех многообразных оснований классификации закономерностей правового дискурса, выработанных наукой, наиболее общее значение имеют такие критерии, как институционность, глубина и универсальность их действия, а также правовая сущность. Они позволяют различать генетические закономерности, действующие в рамках правовой истории человечества и характеризующие прошлое, настоящее и будущее права в целом и правового дискурса в частности. Это обусловленность правового дискурса экономическими и социальными факторами; усиление структурированности правового дискурса; взаимодействие правовых институтов и правового дискурса, институтов власти и правового дискурса и др.

Общие закономерности присущи многим правовым дискурсам различных правовых систем (правовых семей). В этом плане закономерно в условиях глобализма сосуществование и конвергенция различных типов правовых дискурсов, когда правовой дискурс профессионального судьи Великобритании аналогичен правовому дискурсу судьи, представляющего континентальную правовую систему.

При этом надо иметь в виду следующее: во-первых, названные общие закономерности так или иначе преломляются в собственных закономерностях конкретного правового дискурса (об этом ниже); во-вторых, закономерности отдельных элементов и компонентов правового дискурса не могут противоречить общесистемным закономерностям права в целом, но их взаимодейст-

¹⁴⁸ Халфина Р.О. О закономерностях права // Право и правотворчество. Вопросы теории: Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: ИГПАН, 1982. С. 28.

¹⁴⁹ Грибакин А.В. Введение в философию права. Конспект лекций. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. С. 50.

¹⁵⁰ Там же. С. 56.

¹⁵¹ Философия права Гегеля и современность. М.: Наука, 1977.

вие не складывается только на основе соотношения части и целого, а выражает сложную диалектику различных горизонтальных и вертикальных, внутренних и внешних связей.

Собственные закономерности правового дискурса можно классифицировать по **трем группам**:

Структурно-содержательные закономерности, которые раскрывают существо правового дискурса, его общую структуру и составные компоненты. В этом отношении закономерностью правового дискурса является его неразрывная взаимосвязь между элементами: связь субъектов через речь-язык по поводу права, правовым языком, коммуникацией, взаимных субъективных прав и обязанностей в правоотношениях, юридических фактов, фактических составов и т.д. Это может быть любая передача правовой информации от субъекта к субъекту¹⁵². Ключевой структурной закономерностью правового дискурса является *связь между правовым мышлением и правовым языком*. Как верно замечает С.С. Алексеев, говоря о закономерностях права в целом (относящихся и к правовому дискурсу), «общие структурно-содержательные закономерности, как и общие генетические, включаются в предмет юридической науки в той мере, в какой они раскрываются в сфере права в виде специфических, имеющих своеобразное проявление, соответствующее особенностям его природы, содержания, свойств»¹⁵³. Правовое мышление может трактоваться как разновидность интеллектуально-познавательной деятельности индивидов, выражающаяся в понимании того, что такое право, закон, правовое регулирование и т.д. Содержание правового мышления определяет специфику правового поведения (противоправного и правомерного), а также правила, по которым в социуме развивается правовой язык. Последний выражается также в способности правового мышления формировать суждения, рассуждения и теории, фиксировать, хранить и передавать любую юридически значимую информацию.

Концептуальные закономерности правового дискурса. Специфика правового дискурса как институционального дискурса раскрывается в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института, который связывается с определенными функциями людей, создан для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Для правового дискурса таким концептом является ключевой концепт «закон», а дискурсообразующими концептами - «право» и «свобода».

Функционально-процессуальные закономерности правового дискурса. Закономерности данного подмножества обладают такой спецификой. Эти закономерности не зависят от каких-либо обстоятельств и не являются произвольно выбираемыми исследователями. Закономерности такого типа выражают существо правового дискурса, существо его содержания, и, кроме того,

¹⁵² См. подробнее: Кудрявцев Ю.В. Правовая информация. М.: Юрид. лит., 1983.

¹⁵³ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Том 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 126.

функциональные закономерности – это всегда закономерности, выражающие связи и отношения в дискурсе. К ним относятся: системно-организационная, направляющая (побудительная); императивная; информационного управления; нормативно-коммуникативная; интерактивная; интерпретативная (создание «языковой реальности» поля права). Функционально-процессуальные закономерности правового дискурса служат доказательством тезиса об интеграции структурности и процессуальности как двух плоскостей правового дискурса, так как именно они выявляют, что различие этих плоскостей реализуется в понимании того, какой смысл вкладывается в понятие «информация» (текст), что она выражает, с какой целью и при каких условиях создается.

Рассмотрение проблемы развития правового дискурса современного российского общества предполагает известное видение исторического процесса. В контексте формационного подхода современное российское общество находится на этапе исторического перехода от социалистической общественной формации к формации капиталистической либо от общества социалистического исторического типа к обществу буржуазного типа.

В условиях такого перехода правовой дискурс видится как процесс, имеющий многоаспектный характер. Его характеристика включает ряд важных аспектов: культурно-исторический, социально-политический, системный и т.д. Характер правового дискурса неодинаков на разных стадиях переходного периода и определяется, прежде всего, технологией формирования нового формата общения в праве, а также качествами его соответствия реалиям изменившейся действительности и степенью завершенности.

В условиях переходного общества внутренние факторы, влияющие на формирование и действие правового дискурса, разнообразны; их можно разделить на: *субъектные, юридико-технические, социально-правовые и идеологические*.

Вопрос о *способах оценки и путях модернизации* правового дискурса, на наш взгляд, нужно рассматривать, учитывая все вышеуказанные факторы.

Во-первых, совокупность правовых ценностей, связанных с определенным типом правопонимания, в котором отражены уровень правосознания и правовой культуры того или иного *субъекта права*; во-вторых, иерархически организованный правовой массив - «пирамида» *нормативных правовых актов* (конституция, уставы; законы, постановления и другие нормативные правовые акты) и правотворчество как законодательно урегулированный процесс связанных между собой этапов и действий по созданию нормативных правовых актов, их изменению либо отмене; в-третьих, реальный процесс правового регулирования и процесс правоприменения и действия правовых норм (способы обеспечения *действия права*); в-четвертых, *идеологическое* состояние современного российского общества.

Таким образом, в динамике развития правового дискурса проявляются функциональные взаимосвязи и взаимодействия собственно *субъектного, юридико-технического, социально-правового и идеологического* факторов.

В своеобразии *субъектного* фактора правового дискурса отражаются

социально-психологические и культурно-исторические особенности народа и уклад его жизни.

Юридико-технический фактор правового дискурса представлен как совокупность юридических норм и принципов, а также процесс их создания и дальнейшего совершенствования. Он определяется состоянием российского законодательства. К юридико-техническому аспекту правового дискурса следует относить все нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации.

В *социально-правовом* факторе правового дискурса характеризуется совокупность национальных и политико-правовых проблем, социальный облик государства, конкретная общественная обстановка, а также органы государственной власти и установленные процедуры их деятельности.

К *идеологическому* фактору правового дискурса относится совокупность правовых взглядов, свойственных данному обществу в условиях конкретно-исторической эволюции и тенденций правового развития.

Для научного типа сознания становится ясно, что понятие «правовой дискурс» в реалиях современности - это совершенно новое понятие. Оно претерпело значительные изменения в связи с динамикой развития общественных отношений. Актуальной становится задача обосновать необходимость уточнения и анализа этого понятия в изменившихся условиях российской действительности, описать качественно новое его состояние и определить пути его модернизации.

В настоящее время состояние современного российского правового дискурса можно охарактеризовать следующим образом:

- огромное количество нормативных актов, возникших в результате широко-масштабных социокультурных преобразований в нашей стране, поставили российских граждан в весьма затруднительное положение, когда самостоятельно разобраться в этом потоке они просто не в состоянии, что значительно деформирует освоение законодательства и приводит к практически полному отсутствию обратной связи в правовом дискурсе, предполагающем прежде всего общение в режиме диалога;

- состояние современного законодательства далеко от совершенства, что обусловлено несоответствием формально-юридической догмы социально-правовой реальности. Большинство граждан вне зависимости от их социального и профессионального статуса юридическая догма воспринимается как лишенная реальной юридической значимости декларация. Разрешение правовой проблемы осуществляется в соответствии с субъективным пониманием права. Правовой дискурс при этом, сохраняя свою форму, теряет смысловую наполненность. В связи этим важнейшим шагом на пути создания качественно-правового дискурса современной России нам, вслед за Президентом РФ, видится совершенствование системы законодательства Российской Федерации;

- в правовом дискурсе современности отражены пробелы и неточности в нормативно-правовой сфере; конфликты норм права создают предпосылки для злоупотребления правом, а в правосознании граждан укореняют пред-

ставление о несправедливой, плохо работающей правовой и судебной системах. Необходимо не только издать закон, но и продумать механизм его действия, обеспечить реальность исполнения закрепленных в нем норм – только в этом случае можно говорить о совершенствовании правового дискурса;

- рост преступности, безнаказанность противоправных действий со стороны криминальных элементов общества привели к снижению легитимности государственно-правовых институтов, и, как следствие, к всплеску правового нигилизма. В свою очередь углубление в обществе нигилистических тенденций породило локальные и глобальные конфликты между субъектами права как носителями разнонаправленных интересов в правовом дискурсе, что закономерно привело к изменению ценностных ориентаций субъектов права и частичной криминализации ценностей правового дискурса;

- правовая культура как критерий определения формы взаимодействия субъектов разнонаправленных интересов в правовом дискурсе отражает низкий уровень правовой образованности населения, духовности, отношения к социальным ценностям морально-этического характера. Одним из путей совершенствования правового дискурса является передача правовой культуры от предшествующего поколения (культуры отцов) к последующему (культуре детей) в контексте правовой культуры эволюции посредством накопления и передачи правового опыта, а также за счет восприятия и продолжения сложившейся в данном социуме правовой традиции;

- в настоящее время правовой дискурс переживает не простое время, связанное с поиском новых идей и новых парадигм. Причина этого в том, что многие ключевые формы правового общения сложились еще в начале прошлого века, и поэтому многие из них с трудом способны объяснить и отразить новые формы правовой коммуникации нашей бурно развивающейся действительности;

- правовой дискурс, отражающий в полной мере национально-языковую ментальность русского народа, призван способствовать созданию открытой площадки, где возможно согласование мотивов публичной деятельности людей и социальных групп с объективными потребностями и целями общества и государства с целью установления и поддержания общественного правопорядка;

- многочисленность участников правового дискурса предполагает наличие в механизме его реализации такого звена, как СМИ. В связи с этим отмечается трансформация функций СМИ в ходе развития общественных отношений, результатом чего можно считать изменение роли СМИ в правовом дискурсе современности. В отличие от периода 90-х гг., когда российская пресса была одним из активных организаторов политико-правового дискурса, предоставляя слово всем субъектам политико-правового пространства и предавая гласности их позиции, благодаря чему вырабатывалось новое знание о целях и способах дальнейшего взаимодействия, в настоящий момент наблюдается желание государственной власти разрешать конфликты средствами силового нажима либо введения в заблуждение, придавая политико-правовому дискурсу

су сильный «манипулятивный заряд» (Е.В. Горбачева). Используя в дискурсивной коммуникации манипулятивные методы, СМИ, по мнению Е.В. Горбачевой, разрушают один из важнейших ресурсов политико-правовой деятельности – доверие своей аудитории;

- между тем отмечается несомненный потенциал СМИ в осуществлении дискурсивных форм информационно-коммуникативного взаимодействия в государственно-правовых отношениях. Важно решать задачи в ходе всестороннего анализа спорных вопросов, причин и сути конфликтов, поиска компромисса, а для этого необходимо участие в правовом дискурсе представителей всех сторон, вовлеченных в «конфликт интересов». Отечественная политико-правовая практика говорит о том, что «конкурентоспособное движение в этом направлении сегодня не может базироваться лишь на копировании уже существующих технологий: в первую очередь, оно должно идти по пути формирования и развития институциональных сред, в которых зарождаются механизмы коммуникативного взаимодействия государства и общества»¹⁵⁴;

- одновременно с вышеуказанными положениями нельзя не отметить появление новых тенденций в правовом дискурсе, «которые выражаются в стремлении российских граждан законными методами отстаивать свои права, опираясь на новые средства правовой коммуникации»¹⁵⁵. Например, в последнее время много внимания уделяется таким новым явлениям как «электронное государство», «электронное правительство», «электронный документ» и т.п.;

- обязательным условием для научно-практического освоения феномена современного правового дискурса остается опора на базовые признаки демократии, одним из которых является наличие в социально-правовой системе механизмов, позволяющих каждому гражданину участвовать в управлении страной. По нашему мнению, огромная роль в этом вопросе принадлежит правовому дискурсу, наличие которого в обществе является одним из основных показателей социальной системы. Поэтому мониторинг этой составляющей демократической ориентации общества чрезвычайно важен для процесса формирования и развития государственно-правовых отношений. Политико-правовая жизнь России на современном этапе является результатом трансформаций всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и правовых коммуникаций, правового дискурса. Его ретроспектива отражает динамику формирования общественных отношений, проявление потребности в переходе к такой модели правового взаимодействия, при которой субъект права занимает активную позицию в сфере правового дискурса.

Анализ особенностей государственно-правовых отношений позволяет выявить специфику дискурса современного периода, обусловленного, прежде всего, трансформирующейся информационной средой, ярче всего отражаю-

¹⁵⁴ Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования гражданско-правовых отношений: Автореф. дис....канд. полит. наук. М., 2007. С. 28.

¹⁵⁵ Кучумова Е.В. Формирование правового дискурса в российской культуре конца XX века: Дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2003. С. 140.

щей динамику развития общественных отношений.

В соответствии с вышеизложенными положениями о состоянии современного правового дискурса мы видим следующие основные *критерии или способы оценки*, позволяющие определить уровень его развития в обществе:

1) создание и постоянное совершенствование нормативно-правовой базы, необходимой для реализации основных направлений государственной политики; совершенствование процесса нормотворчества, повышение качества нормативных правовых актов;

2) степень доверия субъектов права существующим правовым институтам;

3) высокий уровень правовой культуры и правосознания субъектов права;

4) наличие легитимной нормативной, идеологической, социокультурной и информационной среды;

5) приоритетное развитие диалоговой формы правового дискурса в качестве основной формы решения спорных и проблемных ситуаций взаимодействия личных и общественных интересов;

6) соответствие уровня средств и форм правовой коммуникации состоянию современной информационной среды;

7) и, наконец, качественный правовой дискурс может проходить только при условии высокого уровня профессиональной подготовленности юристов, как практиков, так и теоретиков.

Соотнесение предложенных критериев с анализом компонентов правового дискурса позволило определить маркеры качества правового дискурса, представляющие собой перспективные зоны его развития и совершенствования, что в совокупности является комплексом мер, возрождающим и модернизирующим правовой дискурс и позитивно влияющим на качество государственно-правовых отношений в России.

Таким образом, наше исследование вопроса о закономерностях формирования и развития российского правового дискурса приводит нас к **следующим выводам**.

Во-первых, феномен правового дискурса в современной правовой системе типичен и носит характер *общей закономерности права*. Быть в праве, осуществлять право, реализовывать право, нести юридические обязанности и т.п. – все эти формы реализации права и его бытия имплицитно предполагают правовой дискурс, юридическое общение субъектов, обмен правовой информацией и т.п. При этом любой исторический тип права предполагает соответствующий правовой дискурс.

Во-вторых, взаимосвязь правового языка, правового мышления и правового дискурса носит характер *диалектической закономерной и объективной связи*.

В-третьих, как самостоятельный объективный правовой феномен правовой дискурс имеет собственные внутренние закономерности – *структурно-содержательные закономерности, концептуальные закономерности, функционально-процессуальные закономерности*.

В-четвертых, наше исследование оснований правового дискурса доказы-

вает, что этот феномен реально существует и развивается по своим внутренним закономерным процессам, носящим объективный характер.

В-пятых, понятие «правовой дискурс» в реалиях современности претерпело значительные изменения в связи с динамикой развития общественных отношений. Актуальной становится задача обосновать необходимость уточнения и анализа этого понятия в изменившихся условиях российской действительности, описать качественно новое его состояние и определить пути его модернизации.

В-шестых, внутренние факторы, влияющие на формирование и действие правового дискурса, разнообразны; их можно разделить на субъектные, юридико-технические, социально-правовые и идеологические.

В-седьмых, основные направления и формы правового общения в современной России нельзя раскрыть вне общего контекста формирования в стране нового общества и становления - в рамках этого процесса – правового дискурса нового типа. Важным в этом вопросе является характеристика государственной идеологии новой России. Новая государственная идеология должна основываться на ценностях обновляющейся российской цивилизации, способных объединить большинство сограждан.

В-восьмых, представляется, что модернизация правового дискурса - длительный процесс, требующий устранения противоречий норм права, законов, практики их применения; пробелов; а также создания реально действующих правовых механизмов. Основная роль в формировании новой парадигмы профессионального российского правового дискурса принадлежит юристам.

* * *

3.2 Маркеры качества правового дискурса

Дискурсивно – правовой анализ как особая разновидность юридической методологии предполагает уточнение нашего понимания содержания и формы такого анализа, а также выделение маркеров качества профессионального правового дискурса, важных для формирования на этой основе выводов и рекомендаций, направленных на совершенствование положений действующего законодательства Российской Федерации и подготовки мыслящих юристов в свете повышения уровня качества юридического образования.

Четкого и единого определения термина «маркер качества правового дискурса» не существует.

Термин «*маркер качества дискурса*» соотносится с особым классом свойств правового дискурса, принципиально важной характеристикой которого является его непосредственная связь с функционированием дискурса.

В настоящее время отмечается повышенный интерес к маркерам качества дискурса в исследованиях различных институциональных дискурсов. Данные свойства позволяют продуктивно применять современные подходы к

изучению различных видов дискурсов. Преимущественно этому посвящены исследования в области языкознания. В лингвистической литературе эти функциональные единицы фигурируют под различными названиями: дискурсивные маркеры, дискурсивные частицы, дискурсивные коннективы, прагматические частицы, прагматические маркеры и др. Не останавливаясь на языковом содержании данного понятия, обратимся к описанию маркеров качества правового дискурса с позиций правового анализа.

Маркеры качества правового дискурса обладают рядом особенностей:

1. Маркеры качества правового дискурса не образуют естественный класс свойств. Этот класс не имеет четких границ и объединяет свойства, перечень которых может быть расширен и дополнен с учетом цели исследователя. Попытки задать подобные свойства списком оказываются весьма спорными, а принадлежность этих свойств к классу дискурсивных маркеров определяется главным образом на основании функциональных критериев.

2. Маркеры качества правового дискурса не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Общепризнанным является то, что такие свойства имеют важное значение: они употребляются для усиления, выделения, подчеркивания, определения смыслового наполнения правового дискурса. Маркеры качества правового дискурса кажутся необязательными элементами, функционирующими в качестве сигналов для субъекта права, облегчающими интерпретацию высказывания на базе различных контекстуальных подсказок, но их значение является решающим для взаимодействия, осуществляемого речью. Единицы данного класса выражают отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идет речь, его намерения, предположения, а зачастую даже эмоции. Если субъекты права не освоили их значение, их коммуникативная компетенция значительно ухудшится.

3. Все свойства данного класса взаимосвязаны прочными связями. При этом между маркерами качества правового дискурса и коммуникативным наполнением правового дискурса также существует устойчивая, но часто невидимая для субъектов права связь. Именно поэтому в большинстве случаев исследователи не пытаются соотнести друг с другом различные языковую и правовую стороны в правовом дискурсе, описывая коммуникативные употребления отдельно от дискурсивных употреблений.

4. Проведение границы между значением маркера качества правового дискурса и значением контекста также оказывается более сложной процедурой, чем в случае описания коммуникативной ситуации. Многие маркеры качества могут очень гармонично сливаться с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов.

5. Описание маркеров качества правового дискурса обычно требует рассмотрения значительно более длинных контекстов, чем в случае коммуникативных единиц.

Маркеры качества правового дискурса являются классом свойств с уникальными формальными и прагматическими возможностями, их частот-

ность довольно высока.

Маркеры качества правового дискурса определяются различными типами правовых и языковых отношений между компонентами, составляющими правовой дискурс. В настоящей работе мы предлагаем рассматривать восемь маркеров качества правового дискурса:

- 1) публичная артикуляция права;
- 2) обратная связь;
- 3) символическая нагрузка;
- 4) цель;
- 5) дух права;
- 6) харизматическое господство;
- 7) правовая мифология;
- 8) дискурсивно-коммуникативная компетенция.

Рассмотрим указанные маркеры качества профессионального правового дискурса, необходимые нам для демонстрации методологии дискурсивного правового анализа. Отчасти эти характеристики дополняют уже сказанное в предшествующих частях нашей работы, отчасти несут в себе новое содержание и оценки правового дискурса.

Во-первых, дискурс привносит в общественное сознание оценочную составляющую, разделяющую мысли, слова, ценности, все лингвопсихологические явления правового быта (правовые эмоции, правовые страхи, правовые ожидания) на такие, которые приводят субъекта права к осознанию дозволенности или недозволенности правовых действий, что связано, в конечном счете, с *публичной артикуляцией права*.

Во-вторых, дискурс должен иметь «*обратную связь*», то есть подчиняться специфике мышления данного общества в целом или отдельных категорий субъектов права в частности. Это связано с доступностью для понимания правовой нормы среднестатистическим по уровню образования субъектом права и, как следствие этого, - с ее узнаваемостью. Доступность и узнаваемость нормативного акта – элемент его стабильности с точки зрения пользователя, субъекта права.

В-третьих, дискурс в публичном праве должен нести *символическую нагрузку*, понимаемую нами как проявление над всеми субъектами права (в том числе и над государством) верховенства права, возвышающегося над законом законодателя. Последнее означает, на наш взгляд, оперирование в названиях нормативно-правовых актов императивно-властной атрибутикой (например, «Именем Российской Федерации», «настоящее Постановление» (имеется в виду Постановление Конституционного Суда РФ)). Нормативный акт обретает символику – действует от имени всего народа, а следовательно, от имени конкретного субъекта права, способен незамедлительно решить возникающие проблемы права на основе созданной народом оценочной схемы. В этом плане наиболее показательным примером является преамбула Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы че-

ловека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость её демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

В–четвёртых, дискурс должен иметь чёткую *цель*, а также чётко определять рациональные пути её достижения. Нецелевой дискурс в праве – это нонсенс, который приводит к деградации права как такового и правовой культуры его субъектов.

В-пятых, множественность дискурсов в праве не должна поглощать его императив – это фиксация в нём того общего, что составляет *дух права*. Это не делается в ущерб единичному, здесь нет никакого противоречия, связанного с верховенством естественного права человека. Общеизвестным фактом является то, что естественные и позитивные права нашли свою точку соприкосновения в общих фундаментальных интересах государства, общества, личности на любых этапах развития права: распределения материальных и духовных благ, охраны и соблюдения правопорядка, потребности в информации и коммуникации. Не вызывает сомнения тот факт, что атрибутом жизни, телесной неприкосновенности как естественного права человека является правопорядок как проявленная воля государства. Более того, дискурсивный императив права основан также и на том, что любые индивидуальные права защищены государством посредством коллективных прав. Последнее означает понимание права одновременно как идеи разумного законодательства и идеи неотъемлемых прав личности, между которыми нет чёткой грани, которые обладают специфической юридической диффузией, проникая друг в друга и создавая юридическое мировоззрение¹⁵⁶.

«...Идея разумного законодательства, которой руководствовался просвещённый абсолютизм, неизбежно привела к полной рационализации общественной жизни, тогда как идея естественных прав личности, на которую ориентировался либерализм, существенно ограничивала сферу государственного вмешательства. Но в конкретных исторических условиях эти две разные идеи – идея разумного законодательства и неотъемлемых прав личности – составляли одно мировоззрение, сосредоточенное на проблемах привнесения в общество права и потому точно названное «правовым мировоззрением»¹⁵⁷. Следует согласиться в этой связи и с мнением В.Е.Чиркина, который, рассуждая о естественных неотчуждаемых правах человека, приходит к выводу, что «эти философские идеи и сейчас сохраняют свой демократический и гумани-

¹⁵⁶ См: Колтышев Н.А. Дореволюционный русский либерализм: воззрения на нравственность и право // Юридическая теория и практика. 2008. № 1 .С.92.

¹⁵⁷ Там же. С.93

стический потенциал, *но не все они удачно ложатся на язык права* (курсив наш. – Н.Х.). Естественные права уже давно зафиксированы в конституциях и стали позитивными правами, они гарантируются и отчуждаются наравне с последними (с одной стороны, неотчуждаемое право на жизнь, а с другой – смертная казнь и даже лишение жизни нарушителя часовым на посту без суда; неприкосновенность личности и допускаемое всюду полицейское задержание на несколько суток; личная свобода и неудавшийся импичмент президенту США У.Клинтону, выросший из государственного расследования прокурором сексуальных домогательств президента и т.д.)¹⁵⁸.

В-шестых, дискурс в праве подразумевает *харизматическое господство* созданного, истолкованного или применённого нормативного акта. Харизматический дискурс права реализуется прежде всего в его имидже, который должен олицетворять коллективные ожидания и представления о необходимости, благе, справедливости. Безусловно, харизмой обладают отнюдь не любые нормативные акты, так как широкие слои населения не всегда с ними знакомы. Такой харизматический дискурс права подразумевает не только рациональность, но, порой, и веру как явление нерациональное, но становящееся атрибутом нормативного акта.

С точки зрения правовой формы это *форма и название нормативного акта*. В этой связи весьма показателен пример российской модели отрасли конституционного права, так как в российском обществе конституционное право обретает роль всего права, концентрирующего в себе другие отрасли права. Конституция, или Основной закон страны, обладает *харизмой* суверенности, справедливости, неприкосновенности, универсальности. При необходимости Конституция работает вместо отраслевого законодательства, преодолевая пробелы в праве; она полноценно присутствует в правоприменительной практике в качестве оценочного аргумента; Конституция РФ имеет чрезвычайно широкий по охвату объект правового регулирования (совокупные объекты всех отраслей национального права). Общеправовая и общесоциальная роль Конституции объективно приводит к тому, что конституционное право как отрасль права тяготеет к отождествлению собственного объекта правового регулирования с объектами регулирования всех отраслей российского права, что нельзя, разумеется, представить как их арифметическую сумму. Он обладает специфическими харизматическими характеристиками. Так, В.С. Нерсесянц подчёркивает, что «правовое начало и право вообще в концентрированном виде и в человеческом измерении представлено прежде всего в конечном счёте в виде прав и свобод человека и гражданина. Одно из важных достоинств новой Российской Конституции как раз и состоит в том, что основные характеристики всего конституционно регламентируемого пространства в целом и правовой государственности в особенности даются в ней с позиций и под углом зрения прав и свобод человека и гражданина, их признания и защиты. Такой подход особенно важен и актуален для общества с тоталитарными тенденциями».

¹⁵⁸Чиркин В.Е. Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С.54.

литарно–социалистическим прошлым, где право подменялось антиправовым законодательством и властно–силовыми нормами и где отрицание права прежде всего означало бесправие людей в частных и публичных отношениях»¹⁵⁹.

В–седьмых, дискурс в праве не обходится *без правовой мифологии*. Как мы уже отмечали, любой дискурс мифологичен. Это является важнейшим способом легитимации правовой стратегии государства, когда современное состояние правовой действительности явно расходится с тем, что обещается в будущем. Тотальный субъект конституционного права – народ не ориентируется в нормах – целях и всё прописанное в Конституции соотносит с реальным правовым бытом. Парадоксально, но при этом не наступает правовой дискомфорт в виде правовых разочарований, правовой неудовлетворённости. Это связано с особым использованием терминологии при описании правовых проблем. Сложность в этом вопросе, по мнению Ю.А. Полетухина, состоит в том, «что одни и те же слова используются и для обозначения действия, и для его оценки. Люди склонны к необоснованному совмещению этих вещей. Например, по мнению Д. Локка, «взятие у другого чего–то ему принадлежащего без его ведома или позволения называется собственно кражей». Но слово «кража» обычно обозначает и нравственную порочность действия, и его противозаконность, то есть заранее предполагает негативную оценку. В связи с этим люди готовы осуждать всё, что обозначается этим словом как действие, порочащее справедливость. Однако «тайное отобрание шпаги у сумасшедшего с целью помешать ему делать зло» с точки зрения «божественного закона» не является грехом, поскольку предотвращает большее зло»¹⁶⁰.

В этой связи весьма показателен миф о социальном характере Российского государства. Так как в обществе не сложилось оценочного понятия «социальное государство», современное Российское государство попросту подменяет понятия, создавая мифологическую картину социального государства, ничего общего не имеющую с его действительным содержанием. Социальное государство (ст.7 Конституции РФ) – норма – цель, но цель исчезает в связи с определением социального государства как его повседневной обязательной текущей работы по поддержанию социальной защищённости населения: реализация права граждан на охрану труда, на охрану здоровья, государственная поддержка и защита материнства и детства, государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан. Если сравнить данное конституционное положение с аналогичными в Конституциях РФ советского периода, то можно сделать вывод, что в понятии социальности государства так ничего и не изменилось, хотя современное Российское государство его мифологизирует, пытаясь придать ему особый смысл, отличный от того, который воспринимается гражданами как обычная рутинная работа государства. Известным фактом является то, что социальное государство, нашедшее своё реальное во-

¹⁵⁹Правовое государство, личность, законность. М: Изд-во научно – исследовательского института правовой политики и проблем правоприменения Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, 1997. С.30.

¹⁶⁰См.: Полетухин Ю.А. Джон Локк о принципах уголовной политики // Юридическая теория и практика. 2008. № 1. С.96.

площение, к примеру, в скандинавских странах, наполнено другим содержанием: всеобщая занятость населения (что невозможно сделать в РФ в связи с конституционным установлением в ч.1 ст.37 «труд свободен»), наименьшая дифференциация в доходах, социальная направленность налоговой политики государства.

Таким образом, с точки зрения дискурс–правового анализа у государства в плане мифологизации понятий есть два варианта действий: либо выдать реальную действительность за желаемый результат, либо при невозможности выполнить обещанное совершить подмену понятий, наполнив понятие не соответствующим ему содержанием.

Рассмотрим ст. 48 п. 2 Конституции РФ: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

По общему правилу русского языка слово, взятое в скобки, является пояснением предыдущего. Таким образом, получается, что только адвокат (лицо, обладающее соответствующей квалификацией) имеет право оказывать помощь каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления. Но формы реализации этого конституционного положения неоднозначны. Комментарии к Конституции Российской Федерации предпочитают использовать термин «защитник» как основной, а не раскрывающий предыдущее понятие. Так, например, в постатейном комментарии к Конституции Российской Федерации под общей редакцией Э.П. Григониса отмечается, что «положения ч. 2 ст. 48 Конституции РФ конкретизируются в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии со ст. 49 УПК РФ *защитник* (курсив наш. - Н.Х.) допускается к участию в деле не только с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, как это предусмотрено Конституцией РФ, но и с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица»¹⁶¹. Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров, авторы юридической энциклопедии, тоже отдают предпочтение термину «защитник», как более общему понятию по сравнению с понятием «адвокат»: «в качестве защитника допускаются: адвокат по предъявлению им ордера юридической консультации; представитель профсоюза или другого общественного объединения, являющийся защитником по предъявлении им соответствующего протокола, а также документа, удостоверяющего его личность. По определению суда или постановлению судьи в качестве защитника могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица»¹⁶².

Таким образом, дискурс в праве обладает важнейшим атрибутом: он должен вызывать одинаковую мыслительную деятельность у субъектов права, иначе он сам утрачивает своё содержание – рациональный смысл. Следова-

¹⁶¹ Комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. Э.П. Григониса. СПб.: Питер, 2002. С. 72.

¹⁶² Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007. С. 339.

тельно, дискурс в праве предполагает осознанную (пропущенную через собственное сознание) реакцию всех субъектов права, но так как в правовом дискурсе заложена значительная доля обоснованности такого рационального способа мышления в праве предшествующим правом, которое в своё время тоже было наделено дискурсивностью, то процесс толкования норм права – это необходимое условие.

С точки зрения дискурс–правового анализа речь должна идти о понятных субъектам права запретах или ограничениях. Умолчание властных структур в этом плане – не признак демократии, а слабость власти. О.Ф.Русакова и А.Е. Спасский, рассуждая о дискурсе как властном ресурсе, приводят в качестве одного из важнейших аргументов своих выводов высказывание Мишеля Фуко: «Молчание и секрет, - пишет Фуко, - равно дают приют власти, закрепляют её запреты; но они же и ослабляют её тиски и дают место более или менее неясным формам терпимости»¹⁶³. Запрет, права или ограничения не могут быть неясными, даже если в результате такой неясности они приводят к терпимости.

В-восьмых, анализ субъекта права как компонента правового дискурса показал, что основополагающим фактором, объединяющим в функциональную систему личностные и субъектные характеристики индивида, включенного в сферу отношений, регулируемых правом, а следовательно, выступающим одним из маркеров качества профессионального правового дискурса, является дискурсивно-правовая компетенция.

Понятие «дискурсивно-правовая компетенция» рассматривается в соотношении с такими категориями, как «компетентность» и «компетенция», «коммуникативная компетентность».

Под компетентностью понимается «совокупность знаний, умений, опыта, отраженная в теоретико-прикладной подготовленности к их реализации в деятельности на уровне функциональной грамотности»¹⁶⁴.

Понятие «компетенция» выступает в качестве центрального понятия модернизации содержания образования, так как «объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющие результата образования, интегрирует близкородственные умения и знания, относящиеся к широким сферам культуры и деятельности. Компетентностный подход к образованию не отрицает необходимости формирования знаниевой базы (компетентности), речь идет о компетентности как интегральном результате данного процесса»¹⁶⁵.

В области лингвистики термин «компетенция» был впервые применён Н. Хомским. Он обозначал знание системы языка в отличие от владения им в реальных ситуациях коммуникации¹⁶⁶. В противовес лингвистической компетенции Хомского в зарубежной, а затем и в отечественной методике появился

¹⁶³ Цит. по: Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып. 1. Изд. дом «Дискурс-Пи», 2006. С.153

¹⁶⁴ Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.

¹⁶⁵ Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.

¹⁶⁶ Chomsky N. Aspects on the theory of syntax. Cambridge-Massachusetts: The MIT Press, 1965. P. 2-17.

термин «коммуникативная компетенция», под которым стали понимать способность осуществлять общение посредством языка, т.е. передавать и обмениваться мыслями в различных ситуациях в процессе взаимодействия с другими участниками коммуникации, корректно используя систему языковых и речевых норм и выбирая коммуникативное поведение (в виде высказываний и дискурсов), адекватное аутентичной ситуации общения. Коммуникативная компетенция не рассматривается как личностная характеристика того или иного человека; ее сформированность проявляется в процессе общения. В данное понятие включаются когнитивные, аффективные и интенциональные факторы¹⁶⁷. Приобретение коммуникативной компетенции индивидом становится доминирующей целью обучения.

С точки зрения структуры общения правовой дискурс, как и любой другой, представляет собой обмен репликами, включающими, наряду со спонтанной речью, шаблонные фразы, дискурсивные формулы, прецедентные тексты, коммуникативные стереотипы и т.д. По мнению Д. Хаймса, «существуют развитые системы последовательности использования языка в беседе, обращениях, стандартных обычаях и т.д. Все это составляет «социолингвистическую (или, более широко, коммуникативную) компетенцию, позволяющую человеку быть не просто говорящим, а членом социально обусловленной системы общения»¹⁶⁸.

Раскрывая понятие коммуникативной компетенции, В.И. Беликов и Л.П. Крысин понимают под ней «врожденное знание, позволяющее носителю языка создавать и понимать высказывания – вводить в оборот знаки коммуникативных актов в контексте. Помимо собственной грамматики, носитель языка должен усвоить «ситуативную» грамматику, которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов»¹⁶⁹.

Коммуникативная компетенция обладает двойственной природой. С одной стороны, она социальна, поскольку формируется и реализуется в обществе и характеризует взаимодействие личности с другими индивидами. С другой стороны, обладает деятельностной природой, т.к. проявляется в профессиональной деятельности субъекта. Поэтому коммуникативную компетенцию определяют знания и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения собственных программ вербального поведения, адекватных целям и ситуациям общения. Она включает в себя знание необходимых языков, способов взаимодействия с людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе и складывается из способностей:

- прогнозировать этапы коммуникативной ситуации;

¹⁶⁷ Hymes D. H. Essays in the history of linguistic anthropology. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins, 1983. P. 282-284.

¹⁶⁸ Крысин Л.П. Указ. соч. С.121.

¹⁶⁹ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001. С.68.

- программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации;
- «вживаться» в атмосферу коммуникативной ситуации;
- осуществлять социально-психологическое управление процессами общения в коммуникативной ситуации.

По мнению И.А. Зимней, анализ большинства исследователей этой проблемы позволил зафиксировать основные позитивы новой парадигмы. Они заключаются в том, что акценты поставлены на практику применения знаний, выработку операционной и технической составляющих, а не только на сами знания; сложную, интегративную природу результата образования; формируемость личностного качества как сложного новообразования¹⁷⁰.

Остановимся подробнее на дискурсивной компетенции. Н.В. Елухина определяет дискурсивную компетенцию как способность порождать и воспринимать различные дискурсы. По ее мнению, для овладения дискурсивной компетенцией применительно к устному общению необходимо: 1) владеть набором типов дискурсов; 2) обладать умением выбирать тот или иной дискурс в соответствии со сферой и ситуацией общения, с учетом статуса речевого партнера и его коммуникативной цели; 3) создавать реальный дискурс в соответствии со сферой и ситуацией общения, с учетом статуса речевого партнера и его коммуникативной цели; 4) обеспечить уместность своего речевого поведения, опираясь на фоновые знания о культуре, обычаях и традициях страны изучаемого языка; 5) понимать и интерпретировать информацию воспринимаемого дискурса, опираясь на знание ситуации говорящего и др.¹⁷¹.

Чтобы преуспеть в общении, необходимо активное участие в дискурсе.

Дискурсивные компетенции тесно связаны с риторическими. Риторические компетенции тоже очень важны. Для специалистов, работающих в юриспруденции, административная и организаторская речь, по мнению А.А. Ворожбитовой, выступает профессиональным лингвориторическим инструментом восприятия и продуцирования экстралингвистического предметно-специального содержания, которое базируется на общекультурной и психолого-педагогической подготовке и др.¹⁷².

Л.Н. Колесникова, подчеркивая необходимость риторической компетенции, поясняет, что современное риторическое образование предполагает следующие постулаты: говорящий творит собеседника; в диалоге с аудиторией рождается истина; в речи полностью совершенствуется человек как главная цель воспитания и образования, так как совершенствуя свою речь, человек совершенствует себя, меняет свой стиль и образ жизни. Упоминая термины «языковая личность», «коммуникативная личность» и «речевая личность», она пишет: «Настало время, когда можно убедительно заявить о воз-

¹⁷⁰ Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность // Высшее образование сегодня. 2005. №11.

¹⁷¹ Елухина Н.В. Дискурсивная компетенция и ее роль в овладении иноязычным профессиональным общением // Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Выпуск 454. М.: МГЛУ, 2000.

¹⁷² Ворожбитова А. А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Вестник высшей школы. 1999. № 2.

действующей, т.е. риторической личности педагога»¹⁷³. Соглашаясь с ней, добавим, что понятие «риторическая личность» применимо не только к педагогической деятельности, но и юридической профессии, которая требует воспитания как языковой, так и риторической личности.

Чтобы управлять формированием компонентов этого компетентностного блока, необходимы соответствующие технологии. Эти технологии имеют свою специфику и должны, на наш взгляд, отвечать следующим требованиям: 1) соответствовать целям обучения; 2) развивать межкультурную коммуникацию; 3) учитывать перспективное применение изучаемого языка в профессиональной деятельности; 4) позволять при выборе технологии преподавателю ставить конкретные цели занятия (серии занятий); 5) обеспечивать результативность применения технологий в зависимости от учета особенностей контингента обучаемых и др. Более подробно это описано нами в работе, посвященной интеграционным процессам.

Современная юриспруденция может быть представлена в качестве трех сегментов: юридического образования, юридической практики и юридической науки. В настоящий момент в России данные сегменты носят обособленный характер и в основном замкнуты на себя, что приводит к деформированию профессионального дискурса юристов.

Дело в том, что мы живем в мире постоянного правового общения. Такая форма правовой деятельности имплицитно присуща любому человеку, обращающемуся к праву, к правовой защите, к правовому регулированию. Именно правовой контакт, правовое общение и коммуникация составляют основу основ правовой работы любого юриста.

Поэтому одним из направлений модернизации правового дискурса следует считать переориентирование современного юридического образования на подготовку мыслящих юристов, воспринимающих право не как возведенную в закон волю стоящего над правом и использующего право по собственному усмотрению центра публичности, а как общезначимый (в том числе и для представителей государственных структур) нормативный порядок отношений. Иными словами, в качестве основной задачи юридического образования на современном этапе следует рассматривать подготовку юриста – гражданина, действующего в соответствии с догмой права и подчиняющегося исключительно правовым положениям и принципам.

Расширяя понятие коммуникативной компетенции, мы вводим понятие дискурсивно-правовой компетенции, предполагающей в соответствии с пониманием дискурса наличие у его субъекта ряда свойств, каждое из которых выражается в процессе правового общения в трех проявлениях: сознания, эмоций и поведения.

Дискурсивно-правовая компетенция предполагает высокий уровень

¹⁷³ Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога // Высшее образование в России. 2007. №7.

сформированности умений и навыков организации речи, логичного, последовательного и убедительного ее выстраивания с целью решения определенной коммуникативной задачи и «достижения коммуникативной цели в правовом дискурсе»¹⁷⁴. Помимо высокого уровня коммуникативных умений «дискурсивно-правовая компетенция» — это совокупность знаний об экстралингвистических факторах, влияющих на ход и результат общения в правовом дискурсе, таких как: цели высказываний обоих речевых партнеров; психологическое состояние говорящего и слушающего; отношение к теме разговора говорящего и слушающего (Н.Д. Арутюнова, С.А. Богдасаров). Необходимость формирования данного вида компетенции у студентов — будущих юристов связана со спецификой их профессиональной деятельности и новыми требованиями к специалистам данного профиля.

Для характеристики свойств субъекта права как носителя дискурсивно-правовой компетенции в контексте системного анализа важным является его компонентная структура.

Принципиальным связующим компонентом между свойствами целого объекта и свойствами его частей как компонентов системы выступает комплексное взаимодействие компонентов (А.К. Осницкий, В.И. Степанский, 1977).

Авторы считают, что употребление термина «комплексное» подразумевает наличие определенной структуры взаимодействия, причем под структурой здесь понимается совокупность межкомпонентных функциональных связей, которые объединяют компоненты в единое целое.

Для характеристики дискурсивно-правовой компетенции субъекта права в правовом дискурсе необходимо выделить следующие ее компоненты, проявляющиеся в свойствах субъекта права:

- место правовой информации в системе ценностных ориентаций личности;
- установки и ожидания личности в отношении правовой информации;
- отношение личности к правовой информации (особенности восприятия);
- позиции личности по отношению к получаемой правовой информации;
- личностную ответственность перед получаемой правовой информацией;
- знания в области права (правовая грамотность личности).

Для определения смыслового содержания понятия «ценностные ориентации» мы обращаемся к трактовке, которую дает М.Рокич: под ценностью он понимает либо убеждение индивида в преимуществах каких-либо целей, определенного смысла существования по сравнению с другими целями, либо убеждение индивида в преимуществах определенных типов поведения по сравнению с другими типами. Самое простое определение ценностей гласит о том, что ценности – это то, что для людей значимо превыше всего.

¹⁷⁴ Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2005.

Большинством исследователей информация рассматривается как среда, под влиянием которой происходит выработка и принятие ценностей молодым поколением. Кроме этого, ценностные ориентации определяют динамику становления личности в целом, а это происходит через призму взаимодействия людей на трех уровнях: личность – личность, личность – общество, личность – государство (власть).

В процессе взаимодействия личности с правовой информацией формируется личностное измерение правопонимания, когда личность выступает и как субъект права, и как носитель определенных социокультурных качеств, и как собственно носитель определенной правовой культуры.

Когнитивная составляющая ценностных ориентаций субъекта права характеризуется тем, что правовая информация в ней находится на уровне убеждений. Прежде всего, это убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм правового поведения, а также убеждения в приоритетности каких-либо объектов в некоторой иерархии. Это осознание некоторой, предусмотренной законом нормативной возможности совершать правовые действия в соответствии с определенной законом правовой ролью, которая связывается не с конкретным лицом, а с целой категорией лиц (например, обязанности налогоплательщиков и т.п.). Следовательно, приобретение знаний в области права личностью способствует формированию стойких убеждений относительно сведений из поступающей правовой информации. Ценности правового дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (закон, права, свобода), сводятся к признанию справедливости мира, к необходимости соблюдать закон и порядок, поддерживать их объективность, к уважению к личности как гражданину, к беспристрастности в защите прав и свобод каждого гражданина, к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления, к созданию правового государства. Эти ценности сформулированы в истории правовой мысли и выражены в правовых кодексах, они вытекают из этикета, принятого в правовой среде, и могут быть сформулированы в виде определенных норм.

Эмоциональная составляющая, эмоциональный аспект характеризуется однонаправленностью эмоций по отношению к той или иной ценностной ориентации. Эмоциональный аспект реализуется в эмоциональной окраске и оценочном отношении к некоторому объекту. Именно эмоциональный аспект, определяющий переживания и чувства человека, показывает значимость той или иной ценности, является своеобразным маркером определения приоритетов и преобладающих моделей поведения (например, борьба за мир, охрана окружающей среды).

Поведенческая составляющая может быть как рациональной, так и иррациональной; главное в ней – направленность на реализацию ценностной ориентации, достижение значимой цели, защиту той или иной субъективной правовой ценности и так далее. При этом для субъекта права в зависимости от ценности правовой информации поведенческая составляющая выступает как абстрактная правовая возможность принятия им каких-либо вариантов право-

вых решений (например, правового поведения или противоправного).

Основная особенность правовой информации в системе ценностей личности в правовом дискурсе, ее существенное отличие от других компонентов дискурсивно-правовой компетенции субъекта права заключается в том, что все три составляющие представляют собой сплав эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений, то есть связь составляющих друг с другом очень прочна, и воздействие на одну из них сразу отражается на остальных.

Установки и ожидания личности относительно получаемой правовой информации в условиях правовой коммуникации являются еще одной составляющей дискурсивно-правовой компетенции субъекта права. Установки личности – это определенный взгляд на свою роль коммуниканта в процессе правового дискурса, включающий, в том числе, и репродуктивный компонент установки (способность создавать правовые тексты), основанный на когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах. Личностные ожидания тесно связаны с установками; они предполагают право ожидать от других признания их ролевой позиции; соответствующего поведения окружающих, согласованного с их ролью; а также своего собственного поведения, соответствующего ожиданиям окружающих.

С нашей точки зрения, установки и ожидания личности в условиях правовой коммуникации включают три уровня презентации:

- «мы - коммуниканты» (установки субъекта права как представителя определенной категории лиц в аспекте ее отношений с государственной властью);

- «я – коммуникант» (установки субъекта права в отношениях с государственной властью);

- «я - коммуникатор» (репродуктивные установки и ожидания субъекта права в отношении создания текстов правовой коммуникации).

Первый уровень представленности установок характеризуется, прежде всего, наличием установки личности как представителя определенной категории лиц и ее особенностями. В основе возникновения этой установки лежит потребность получать правовую информацию и воспринимать ее в соответствии с установками своей группы как особое психологическое состояние индивида. Получение правовой информации личностью как представителем определенной категории аккумулирует и удовлетворяет целую совокупность потребностей. Производители, покупатели, продавцы рассматриваются не в качестве отдельных лиц, а как общие, типичные коммуникативные деятели, правовые действия которых в процессе правового дискурса прогнозируются законодателем и оформляются в нормативно-правовых конструкциях.

Потребность в получении правовой информации – это устойчивое социально-психологическое образование личности, обусловленное, во-первых, стремлением иметь типичное для данной группы лиц представление о правовой картине мира; во-вторых, интересом, то есть глубоко усвоенными установками по отношению к правовой информации.

Можно выделить три составляющие установки личности как представи-

теля определенной категории лиц в аспекте ее отношений с государственной властью:

1) поведенческий элемент установки, выраженный реальным поведением в группе и поведением по отношению к получаемой правовой информации;

2) эмоционально-оценочный аспект, представляющий собой совокупность взглядов, суждений, позиций человека в отношении правовой информации в рамках представлений своей группы;

3) когнитивный элемент установки, относящийся к тем сторонам суждений и поведения, которые обусловлены наличием определенных знаний об объекте в процессе правовой коммуникации, по отношению к которым проявляется установка.

На формирование потребности в получении правовой информации на уровне своей группы оказывает влияние целый ряд условий: образ жизни семьи, распространенные в обществе и особенно среди ближайшего окружения типичные нормы отношения к правовой информации; установки личности на уровень правовой образованности и так далее.

Второй уровень презентации установок личности и ожиданий «я - коммуникант» находит свою реализацию в индивидуальном стиле поведения по отношению к получаемой правовой информации. Сюда входят установки, которые обусловлены предпочтениями субъектов права, взглядами на роль правовой информации в нашей жизни, предпочтениями той или иной системы получения правовой информации, гибкостью в общении (смена позиции ведущего и ведомого), взглядами на инициативность коммуниканта и тому подобное. Здесь единичный субъект права обособляется от принадлежности к определенной категории лиц и действует в качестве самостоятельного субъекта права. Он стремится, например, к заключению договора, изменению действующей правовой нормы и т.п.

И, наконец, третий уровень представленности установок личности в правовом дискурсе «я - коммуникатор» касается непосредственно образа субъекта права - участника коммуникативного процесса как правового деятеля. Этот уровень установок и ожиданий имеет тесную связь с удовлетворенностью ролью коммуниканта. Именно на этом уровне происходит постоянное сопоставление (осознанное или неосознанное) идеального образа участника правового деятеля с объективной реальностью. Результат этого сопоставления находит свое выражение в осознанном отношении к поступающей правовой информации, влияет на личность как на создателя правовых текстов.

Надо отметить, что установки и ожидания личности в правовом дискурсе, как и все социальные установки, являются установками на цели и средства деятельности в сфере формирования осознанного отношения к правовой информации и, соответственно, включают три аспекта: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Когнитивный аспект касается знаний и представлений в области создания правовых текстов, распределения коммуникативных ролей, а также включает реальный и идеальный образ участника коммуникативного процесса.

Эмоциональный аспект представляет собой совокупность взглядов, суждений, оценок, а также доминирующий эмоциональный фон относительно реализации установок и ожиданий личности в условиях правового общения.

И, наконец, поведенческий аспект установок и ожиданий личности в правовом дискурсе реализуется в способности формирования осознанного отношения к правовой информации и возможности создания грамотных правовых текстов.

Еще один компонент дискурсивно-правовой компетенции субъекта права – отношение личности к правовой информации, являющееся многомерным образованием. Отношение личности к правовой информации представляет собой совокупность отношения к поступающей извне правовой информации, восприятия этой информации и способов поведения с ней. В структуре отношения личности к правовой информации можно выделить четыре образующих, влияющих на характер протекания правового дискурса:

- 1) интегральное принятие или отвержение правовой информации (принятие или непринятие предложения заключить договор);
- 2) дистанцию между поступающей правовой информацией и коммуникантом (отказ от просмотра телепередач правового характера, избыточные натуралистическими сценами трупов, например, «Дорожный патруль»);
- 3) формы и направления контроля правовой информации, воспринимаемой реципиентом (отказ суда в принятии искового заявления, намерение совершить умышленное противоправное деяние);
- 4) социальную желательность (нежелательность) поведения при получении разного рода правовой информации (выполнение или отказ от требования сотрудника полиции остановить автомобиль).

Каждая из этих образующих представляет собой сочетание в различных соотношениях эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов.

Таким образом, стиль взаимоотношений субъекта права с правовой информацией оказывается не просто средством поддержания контакта, а в связи с относительной устойчивостью этих отношений и своеобразным методом восприятия – средством воспитания осознанного отношения к правовой информации.

Несмотря на относительную устойчивость, отношение субъекта права к правовой информации может изменяться, приобретать те или иные черты под воздействием тех или иных событий.

Отношение личности к правовой информации реализуется, в частности, в регулировании эмоционального восприятия. При негативном эмоциональном заряде, либо, наоборот, при чрезмерной позитивной слитности может возникать дистанцирование от получаемой информации. Дистанция может быть реальной, а может быть «результатом внутренних операций». В первом случае ситуации, благоприятные для интенсивного контакта, избегаются, во втором случае человек может устраняться от эмоционального контакта путем хобби, хронической раздражительности и так далее. Обычно дистанцирование осуществляется неосознанно. Таким образом, отношение личности к правовой

информации – относительное устойчивое явление, содержание которого может изменяться в определенных пределах. В целом содержание отношения личности к получаемой правовой информации противоречиво и амбивалентно, так как «в нем сосуществуют в различной пропорции противоположные элементы эмоционально–ценностного отношения»¹⁷⁵.

Когнитивная составляющая содержит знания и представления о различных способах и формах взаимодействия с правовой информацией, об оптимальной дистанции в отношениях; знания и представления о целевом аспекте этих взаимоотношений, а также убеждения в приоритетности тех направлений взаимодействия с правовой информацией, которые реализует личность.

Эмоциональная составляющая включает оценки и суждения о различных типах отношения личности к правовой информации, различные типы восприятия правовой информации, а также доминирующий эмоциональный фон, сопровождающий поведенческие проявления отношения личности к правовой информации.

Поведенческая составляющая представляет собой формы и способы поддержания контакта с правовой информацией, формы контроля, воспитание осознанного отношения путем определения характера взаимодействия личности с правовой информацией.

Позиции, которые занимает личность по отношению к получаемой правовой информации, – еще один компонент дискурсивно-правовой компетенции субъекта права как коммуникативного деятеля. Это реальная направленность, в основе которой лежит сознательная или бессознательная оценка правовой информации, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с ней. С точки зрения Г.Г. Почепцова, позиции личности по отношению к получаемой информации проявляются во взаимодействии с информацией и представляют собой переплетение осознаваемых и неосознаваемых мотивов¹⁷⁶. Как совокупность установок позиции субъекта права по отношению к получаемой правовой информации существуют в трех планах: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Характеристика позиций может быть дана в следующих критериях:

- адекватность – степень ориентировки личности в восприятии особенностей получаемой правовой информации, соотношения качеств, объективно присущих ей, и качеств правовой информации, видимых и осознаваемых реципиентом. Адекватность позиции личности проявляется в степени и знаке искажений восприятия получаемой правовой информации. Таким образом, параметр адекватности описывает когнитивную составляющую взаимодействия коммуниканта с правовой информацией;
- динамичность – степень подвижности позиций личности по отношению к получаемой правовой информации, способность изменять способы и

¹⁷⁵Бондаренко Е.А. Система аудиовизуального образования учащихся V-VIII классов общеобразовательной школы // Система аудиовизуального образования учащихся средней школы / Сост. А.В. Каменец, Е.А.Захарова М.: Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ, НИИ художественного воспитания РАО, 1992. С. 149.

¹⁷⁶ Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2001.

формы взаимодействия с правовой информацией. Динамичность может проявляться:

А) в восприятии правовой информации: создании изменяемого отношения к правовой информации, либо оперировании раз и навсегда созданным статичным отношением;

В) в степени гибкости форм и методов взаимодействия в связи с возрастными изменениями личности;

С) в степени изменчивости воздействия на личность в соответствии с различными ситуациями взаимодействия личности с правовой информацией, в связи со сменой условий взаимодействия.

Таким образом, параметр динамичности описывает когнитивный и поведенческий компоненты;

- прогностичность – способность личности к экстраполяции, предвидению перспектив дальнейшего развития отношения к правовой информации, способности к построению дальнейшего взаимодействия с ней и формированию осознанного отношения к получаемой правовой информации.

Следовательно, прогностичность определяет как глубину восприятия правовой информации личностью, то есть описывает когнитивный компонент позиции личности по отношению к получаемой правовой информации, так и особые формы взаимодействия с ней, то есть поведенческий компонент позиции личности по отношению к получаемой правовой информации. Эмоциональный компонент проявляется по всем трем параметрам (адекватность, динамичность, прогностичность) позиции личности по отношению к получаемой правовой информации. Он выражается в эмоциональной окраске восприятия правовой информации, в преобладании того или иного эмоционального фона во взаимодействии: сообщение - реципиент.

Таким образом, резюмируя содержание составляющих позиций личности по отношению к получаемой правовой информации, необходимо отметить следующее.

Когнитивная составляющая включает представления субъекта права о реальном и идеальном отношении к получаемой правовой информации, о существующих позициях личности к получаемой правовой информации, о своей позиции.

Эмоциональная составляющая представляет собой доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки относительно реального отношения субъекта права к получаемой правовой информации, своих позиций и относительно взаимодействия сообщение - реципиент.

Поведенческая составляющая содержит коммуникативные позиции субъекта права (активная, пассивная), прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с правовой информацией.

Следующий компонент дискурсивно-правовой компетенции субъекта права в правовом дискурсе – ответственность. Выделяется социальная и юридическая ответственность. Говоря об ответственности субъекта права по отношению к получаемой правовой информации, не следует ограничиваться

лишь ответственностью социальной или только юридической. Ответственность субъекта права как коммуникативного деятеля относится к числу наиболее сложных по содержанию понятий.

В юриспруденции под юридической ответственностью понимается применение к виновному лицу мер государственного принуждения за совершенное правонарушение. По отношению к ответственности субъекта права за получаемую правовую информацию, следует рассматривать как позитивную (проспективную), так и негативную (ретроспективную) юридическую ответственность, поскольку правовой дискурс как структура (а вслед за ним и его составляющие, в частности, субъекты права) обладает не столько социальными характеристиками, сколько в первую очередь правовыми – формальной определенностью, государственной принудительностью и процессуальной формой реализации.

Важной сферой проявления ответственности субъекта права за правовую информацию является область отношений: правовая информация – личность и уровень правовой культуры личности. Можно говорить об ответственности личности при взаимодействии с получаемой правовой информацией как об особой социальной позиции человека, характеризующейся мерой принятия и реализации им конкретных норм ответственного поведения. Вообще, ответственность личности за принятие – непринятие определенной информации складывается как социальный феномен под влиянием целого ряда объективных и субъективных условий и является их результатом. Субъект права может нести ответственность за какую-то часть из полученного сообщения и за всю информацию в целом: за ее настоящее, прошлое, будущее, деятельность и поведение после получения информации перед ближайшим социальным окружением и той частью общества, к которой принадлежит.

Однако правовой дискурс придает такой социальной ответственности специфические признаки, позволяющие трактовать ее в негативном (ретроспективном) плане. Чрезвычайно важным для правового общения становится ответственность субъекта права за уже совершенное действие. Нас, прежде всего, интересует собственно правовой дискурс как процесс правового общения правоприменителя и субъекта права, особенности правового общения в процессе государственного принуждения, так как именно здесь, по нашему мнению, наиболее ярко проявляются особенности субъекта права как коммуникативного деятеля с точки зрения ответственности за полученную правовую информацию.

Таким образом, принятие роли получателя правовой информации – это возложение субъектом права на себя ответственности за последствия полученной информации перед самим собой и перед обществом.

Личностная ответственность как явление по своей природе дуальна: это ответственность и перед социумом, и перед безличной природой (своей совестью). В данном случае совесть выступает как внутренняя основа мотивационной деятельности (С.А. Гильманов, 1998). Ответственность, как и остальные компоненты структуры концепта «субъект права», имеет несколько составляющих.

Когнитивная составляющая включает представления об ответственном и безответственном правовом поведении личности, о распределении ответственности за получаемую правовую информацию между другими членами общества (субъектами права); установки и ожидания относительно распределения ответственности в процессе правового дискурса.

Эмоциональная составляющая касается отношения к ответственности за получаемую правовую информацию, эмоциональных переживаний, связанных с этим, и оценки себя как коммуниканта с точки зрения ответственности.

Поведенческая составляющая касается контроля своего поведения и происходящих событий, характеризуется занимаемой ролью по отношению к получаемой правовой информации (ответственность / безучастность). Кроме того, особенностью ответственности является временная характеристика – ответственность может быть направлена в прошлое, локализоваться в настоящем и ориентироваться на будущее, то есть включать элемент предвидения.

Еще один компонент дискурсивно-правовой компетенции субъекта права – знания в области права (правовая грамотность личности). Правовая грамотность определяется как способность читать, анализировать, оценивать и создавать правовые сообщения во всем многообразии форм правовой коммуникации. Правовая грамотность – это расширенные информационные и коммуникативные навыки, которые отвечают на изменяющуюся природу правовой информации в нашем обществе.

Как и традиционная грамотность, правовая включает в себя способность «читать» (воспринимать) и «писать» (создавать). Она движется от простого узнавания и восприятия информации к более высоко организованному умению критически мыслить, подразумевающему сомнение, анализ и оценку этой информации.

Знания в области правовой грамотности являются наиболее очевидным, доступным для внешнего наблюдения из всех составляющих компонента «субъект права». Они являются своеобразной квинтэссенцией остальных структурных компонентов – ценностных ориентаций личности, установок и ожиданий, отношения личности к получаемой правовой информации, позиций личности по отношению к получаемой правовой информации, личностной ответственности. Не умаляя вклада в структуру дискурсивно-правовой компетенции субъекта права остальных компонентов, надо сказать, что знания в области правовой грамотности в силу своей очевидности являются очень важными, прежде всего для самого субъекта права, так как они детерминируют коммуникативную роль личности и, в целом, оказывают влияние на становление и развитие субъекта права как коммуникативного деятеля.

Таким образом, рассматривая знания субъекта права в области правовой грамотности, можно также проследить наличие трех составляющих: эмоциональной, когнитивной и поведенческой.

Когнитивная составляющая основывается на установках и ожиданиях в отношении значимости правовой грамотности для субъекта права и ее роли во взаимодействии с правовой информацией. Также эта составляющая включает

общие представления личности о возможных способах взаимодействия с правовой информацией. Кроме вышперечисленного, фундаментальным основанием когнитивной составляющей являются ценности личности, которые детерминируют не только данную составляющую в области правовой грамотности, но и направленность личности, в том числе и все его правовое поведение.

Эмоциональную составляющую знаний личности в области правовой грамотности определяют эмоциональный фон во взаимодействии с правовой информацией, отношение к распределению ответственности за полученную правовую информацию перед самим собой и обществом в целом, оценка себя как коммуниканта в целом.

Наконец, в поведенческой составляющей реализуются в той или иной мере все компоненты дискурсивно-коммуникативной компетенции субъекта права: познавательный аспект форм и способов взаимодействия с правовой информацией; предоставление личности свободы в получении знаний по правовой грамотности; отношения зависимости / независимости личности во взаимодействии с правовой информацией; вмешательство правовой информации в мир личности; акцент на грамотности личности в области права; стремление ускорить развитие личности в данной области и другие.

Таким образом, анализируя компонентную структуру дискурсивно-правовой компетенции субъекта права, нужно отметить:

1. Все компоненты имеют три составляющие: когнитивную, эмоциональную и поведенческую, которые являются философско-правовыми и коммуникативно-психологическими формами проявления компонента «субъект права».

2. Компоненты дискурсивно-правовой компетенции субъекта права связаны друг с другом в единую структуру посредством пересечения элементов составляющих (когнитивной, эмоциональной и поведенческой).

3. Квинтэссенцией, суммарным выражением всех компонентов, наиболее доступным для наблюдения, являются знания субъекта права в области правовой грамотности.

Кроме вышперечисленного дискурсивно-правовая компетенция подразумевает знание социально-ритуальных речевых действий и умение ими пользоваться, что представляет собой одну из важных сторон интеракции, ибо помимо энциклопедических и языковых знаний коммуниканты должны владеть интерактивными знаниями. В противном случае речевое взаимодействие будет затруднено и может приводить к неудачам. Разумеется, немаловажную роль в организации общения имеют личностные, психологические, этнические и ментальные факторы. Их исследование не является целью данной работы. Однако нельзя не отметить их значительного влияния на протекание правового дискурса.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, под «маркером качества дискурса» нами понимается особый класс свойств правового дискурса, принципиально важной характеристикой которого является его непосредственная связь с функционированием дискурса. Маркеры качества обеспечивают связность правового дискурса на всех

уровнях анализа, тем самым интегрируя их. При этом каждый конкретный дискурсивный маркер относится в первую очередь к тому или иному плану.

Во-вторых, законность и целесообразность правового дискурса – важнейшая из его отличительных черт, поэтому маркеры качества профессионального правового дискурса (дух права, идея права) обеспечивают смысловую цельность дискурса, организуя тем самым смысловую связность его единиц.

В-третьих, такой маркер качества, как цель, обеспечивает формально-содержательную и деятельностную (интерактивную) связность дискурса, как локальную, так и глобальную, что определяется различными типами отношений между компонентами правового дискурса как единого целого. Цель как маркер качества профессионального правового дискурса не создает, но показывает отношения между компонентами правового дискурса.

В-четвертых, правовой дискурс обладает «обратной связью», которая проявляется во взаимодействии стратегий в диалоге, в котором все ходы участников соответствуют их общим, глобальным целям. Обмен высказываниями в речи обусловлен стратегиями, планами, сценариями, когнитивными схемами, находящимися в сознании интерактантов, причем каждый новый ход заставляет их корректировать свои планы и стратегии. Таким образом, можно сказать, что «обратная связь» есть понятность текста и его смысловая целостность.

В-пятых, среди целей, которые преследуют коммуниканты, особо выделяются так называемые собственно текстовые цели (цели, сосредоточенные непосредственно на порождении и структуре дискурса: дать необходимую фоновую информацию, привести пример, предложить аргумент). Как правило, в развернутых суждениях, диалогах, по мере продвижения говорящего или пишущего к уровню конкретизации идеи, ее детализации, такие текстовые цели становятся доминирующими. Именно в этом аспекте предлагается говорить о публичной артикуляции права.

В-шестых, благодаря символической нагрузке, которая присуща профессиональному правовому дискурсу, мы говорим и интерпретируем речь, несмотря на неувязки, прерывания, поправки, комментарии: собеседники в каждый момент знают, где остановились, способны восстановить неявные анафорические связи, устанавливать степень существенности относительно того реального мира, в котором общение происходит. Понятие, идея, изображение или опыт релевантны для интерпретации, если входят в состав психологического контекста, соединяющего воедино другие контексты в соответствии с конкретной интерпретацией. От этого контекста зависит и истинностная оценка высказываний.

В-седьмых, маркеры качества профессионального правового дискурса указывают, как базовое сообщение связано с контекстом. Теория релевантности, когда в дискурсе говорящие ориентируются на определённые принципы и максимы, основывается на правовой мифологии. Роль слушателя заключается в том, чтобы понять, что имеет в виду говорящий на базе того, что уже сказано. Принцип, которого придерживаются участники коммуникации, – это

принцип сотрудничества или принцип релевантности. Говорящий передает больше того, что сообщают его слова. Он передает целый набор контекстно-подразумеваемых представлений, которые позволяют говорить одно и коммуницировать что-то еще в дополнение к сказанному. Это интеграция в правовой дискурс дополнительного сообщения, получаемого слушателем, который прибегает к правилам успешного разговорного взаимодействия.

В-восьмых, харизматическое господство, которым должен обладать нормативно-правовой акт, указывает адресату, как определить направление движения новой информации. В этом смысле оно является маркером качества профессионального правового дискурса, направляющим его в русло релевантности. Заметим, что назначение этого маркера - помочь адресату оценить степень уместности и целесообразности высказываний. Это задает иерархию релевантности значений. Харизматическое господство кодирует и силу, и содержание сообщения.

В-девятых, дискурсивно-правовая компетенция компонента «субъект права» является сложной динамической структурой, которая в развитой форме включает ценности, установки и ожидания личности, отношение личности к получаемой правовой информации, позиции личности по отношению к получаемой правовой информации, ответственность личности, знания личности в области правовой грамотности. Связь компонентов между собой осуществляется через пересечение элементов их составляющих: когнитивной, эмоциональной и поведенческой, которые являются психологическими формами проявления компонента «субъект права».

* * *

3.3 Технология анализа правового дискурса

Информационное общество характеризуется появлением новых видов профессиональной коммуникации, в которых качество общения определяется корреляцией между содержанием дискурса и формой его выражения. В связи с этим особенно важным становится создание и описание теоретической модели профессионального правового дискурса и комплексного дискурс-правового анализа.

В рамках современного информационного общества с его повышенной скоростью передачи информации, фрагментарностью, потерей целостности процесса коммуникации, всеохватностью коммуникативного эффекта - модель правового дискурса, представляющая перечень выполняемых функций и описание его устройства, уже не может претендовать на адекватное описание коммуникативно-правовой действительности. Представляется целесообразным рассмотреть происходящие изменения в современном обществе с помощью комплексного дискурс-правового анализа, разработанного на основе модели правового дискурса, ключевым компонентом которой выступает человек

в его неразрывной связи с постоянно изменяющейся окружающей средой, а основным видом рече-языковой деятельности - создание и передача информации, форму выражения которой определяет динамика развития общественных отношений.

Представляемая в данной работе модель профессионального правового дискурса разработана для изучения через призму происходящих в современном обществе изменений дискурсивных взаимодействий субъектов права, что обусловило ее название – информационно-динамическая модель правового дискурса.

Модель профессионального правового дискурса разработана на основании теоретической модели дискурса М. Хэллидея, с использованием методологии и методики дискурсного анализа Т.А. ван Дейка. В основу модели легла теория макроструктур Т.А. ван Дейка, в частности, предположение о взаимной обусловленности социальных аспектов, постоянно повторяемых текстов и индивидуальных схем восприятия и воспроизводства информации. На основании выделения триады семиотических компонентов дискурса: поле – смысл – способ - Хэллидей понимает дискурс как инвариантную (неизменяемую в своих существенных характеристиках) структуру. В настоящей модели сохранена общая логика Хэллидея, однако предполагается, что правила, согласно которым строится дискурс, задают возможности его воспроизводства с учетом изменений среды существования дискурса, что определяет его процессуальность. Благодаря принципу вовлечения участников дискуссии, обладающих способностью индивидуальных интерпретаций, и тезису о взаимовлиянии структуры и процесса дискурса модель определяет специфику правового дискурса и позволяет проследить динамику его изменений. В качестве образца при составлении схемы модели использовались разработки Н.А. Ипатовой.

В рамках информационно-динамической модели правового дискурса используются следующие определения:

— *теоретическая модель* охватывает класс символических, абстрактных объектов и отношения между ними. Моделями правовой реальности мы называем теоретические конструкции, выражающие концентрированные знания о компонентах правового дискурса и связями между ними;

— *правовой дискурс* в самом общем виде представляет собой деятельностный процесс информационно-средового взаимодействия, обладающий определенной структурой, которая состоит из взаимосвязанных компонентов: субъекта права, рече-языковой информационной деятельности, правовой информации, выраженной с помощью текстов права, среды протекания коммуникативно-правового общения. В каждом из четырех компонентов структуры дискурса, в свою очередь, можно выделить составляющие их элементы, дискурсивно-правовые доминанты, описание которых и является релевантным при раскрытии сущности правового дискурса;

- *дискурсивно-правовая доминанта* – это социально обусловленная и доминирующая характеристика правового дискурса, которая нормативно за-

креплен в правовом речевом этикете и имеет статус категории;

— *субъект права* в процессе правового дискурса выступает как совокупность свойств, присущих ему (в качестве лица (юридической внешности), правовой воли, участника правовых отношений, правового сознания, правового деятеля, правоспособности, дееспособности), и как коммуникативный деятель, обладающий совокупностью дискурсивно-правовых доминант;

- *субъект права* характеризуется следующими *дискурсивно-правовыми доминантами*: а) статусно-ролевые характеристики; б) социально-коммуникативная активность; в) интенции и цели в коммуникации; г) мировоззренческие позиции и ценности; д) индивидуальные особенности;

— под *деятельностью* как одним из наиболее важных компонентов правового дискурса нами понимается рече-языковая коммуникация, осуществляемая по каналам передачи правовой информации и служащая удовлетворению определенных целей этапов правового регулирования;

- *дискурсивно-правовыми доминантами рече-языковой деятельности* как одного из важных компонентов правового дискурса являются: а) порядок (процедура) совершения всех коммуникативно-правовых действий, б) принципы и способы, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативно-правовые действия, в) форма связи как последовательность и система тех действий, которые составляют стадии и содержание правового общения;

- *правовая информация* определяется как массив правовых актов и тесно связанных с ними справочных, нормативно - технических и научных материалов, охватывающих все сферы правовой деятельности;

- *правовая информация* как компонент структуры дискурса, воплощается в форме текстов, отображает его специфику и характеризуется следующими *дискурсивно-правовыми доминантами*: а) темой речевого общения; б) отнесенностью к какому-либо речевому жанру; в) композицией высказываний и последовательностью речевых актов; г) спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия;

- *среда правового дискурса* включает следующие виды: 1) социокультурная; 2) идеологическая; 3) информационная; 4) контекстуальная (ситуативная);

- базовыми *дискурсивно-правовыми доминантами социокультурной среды* правового дискурса выступают: а) ментальность нации, б) картина мира (включая языковую картину мира), в) типы носителей базовой и маргинальной культур; *идеологической среды* правового дискурса: а) правовая психология, б) правовая идеология; *информационной среды*: а) всеохватность коммуникативного эффекта; б) посреднический характер трансляции сообщений; в) потеря целостности сообщений; г) высокоскоростной режим получения и передачи информации; д) возрастание технологического уровня коммуникации; *ситуационной среды*: а) канал общения (зависимый-независимый, статичный-динамичный, слуховой-зрительный-тактильный, контактный—

дистантный), б) разновидности правового дискурса (устная, письменная и мысленная), в) обстановка или *хронотоп* (время, место, причина и другие обстоятельства).

Аналитическая модель исследования правового дискурса устроена следующим образом. Правовой дискурс представляет собой единство четырех составляющих, образующих структуру, элементы которой находятся в постоянном взаимодействии и обуславливают изменения правового дискурса.

Модель предполагает наличие следующих связей дискурсивно-правовых доминант компонентов правового дискурса:

- *статусно-ролевые* характеристики субъектов права влияют на интенции и цели коммуникации; темы высказываний для данного дискурса;

- *социально-коммуникативная активность* субъекта права определяет порядок (процедуру) действий в рамках данной рече-языковой деятельности, а также может определять принципы и способы принятия решений;

- *интенции и цели* субъектов права в правовом дискурсе определяют тему, жанр, композицию и языковые средства информации;

- *мировоззрение и ценности* субъектов права заданы ментальностью, типом носителя культуры (базовая и маргинальная), правовой психологией и правовой идеологией; определяют статусно-ролевые позиции;

- *индивидуальные особенности* субъекта права определяют канал, вид правового дискурса; влияют на социально-коммуникативную активность, мировоззрение и ценности;

- *жанр* – специализированное знание, представляющее собой не только корпус информации, но и свойственные профессиональному правовому дискурсу логические форму и семантику высказываний, определяет тему, правила композиции, порядок (процедуру) коммуникативных действий, форму связи (последовательность и систему) действий, а также определяет выбор языковых средств;

- *каналы* распространения информации могут влиять на актуальность той или иной темы в рамках правового дискурса;

- *каналы* распространения информации могут быть заданы типом культуры (базовой или маргинальной) субъекта права;

- *хронотоп* (обстановка) может определять тему, канал, вид правового дискурса;

- *композиция* определяет языковые средства выражения информации;

- *всеохватность коммуникативного эффекта* оказывает влияние на вид, канал и *хронотоп* правового дискурса;

- *посреднический характер передачи сообщений* определяет тему, жанр, композицию, языковые средства, а также задает канал правового дискурса; влияет на потерю целостности коммуникации;

- *потеря целостности коммуникации (фрагментарность)* определяет порядок (процедуру) коммуникативных действий, принципы и способы принятия решений, форму связи (последовательность и систему) действий,

- *высокоскоростной режим передачи и восприятия информации* опре-

деляется каналом, определяет выбор жанра, композиции, языковых средств;

- *новый информационно-технологический уровень коммуникации* задает высокоскоростной режим передачи и восприятия информации, всеохватность коммуникативного эффекта, определяет вид, канал и хронотоп правового дискурса.

Рассмотрим методику дискурс-правового анализа на основании данной модели. Методика исследования представляет собой пошаговую реализацию нескольких этапов.

1. Выделение *закономерностей* правового дискурса, а именно:

- структурно-содержательные закономерности: связь между субъектами правового дискурса; связь между правовым языком, коммуникацией, правом; устойчивая связь между правовым мышлением и правовым языком;

- концептуальные закономерности определяют смысловое образование, которое включает субъективные смыслы и общепринятые конвенциональные значения, т.е. все потенциальное смысловое содержание правового дискурса: элементы концептуальной картины мира интегрируются в правовом дискурсе с помощью ключевого концепта правовой картины мира «закон» и дискурсообразующих концептов «право» и «свобода»;

- функционально-процессуальные закономерности правового дискурса выражаются с помощью функций правового дискурса: системно-организационная; направляющая (побудительная); императивная; информационного управления; нормативно-коммуникативная; интерактивная; интерпретативная (создание «языковой реальности» поля права).

2. Определение *правового дискурса*: правовой дискурс – это деятельностный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, направленный на формулирование правовых предписаний, их юридическое закрепление и воздействие, обеспечивающий регулирование и контроль общественных отношений, который предполагает фиксацию элементов мышления (суждений, понятий, терминов) в письменной (законов, судебных решений и т.п.) или устной форме и зависит от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения.

3. Выбор конкретного *типа* правового дискурса: координация, согласование (координирующий, согласующий тип правового дискурса), дополнение (комплементарный тип правового дискурса), интеграция (интеграционный тип правового дискурса), ориентация (ориентационный тип правового дискурса) и конфликт (компететивный тип правового дискурса).

4. Выделение *компонентов* правового дискурса:

- субъекты правового дискурса, носители правового мышления (человек);

- рече-языковая коммуникация, осуществляемая по каналам передачи правовой информации и служащая удовлетворению определенных целей этапов правового регулирования (деятельность);

- предмет правового дискурса - содержание речевой коммуникации

(правовая информация, выраженная в правовых текстах и передаваемая с помощью юридического языка и иных знаковых форм: слов, правовых понятий, терминов, выражений, суждений и т.п.);

- социокультурная, идеологическая, информационная и контекстуальная (ситуативная) реальности (среда).

5. Определение *уровней анализа* правового дискурса: 1) психолингвистический уровень (человек), анализирующий устойчивую связь между правовым мышлением и правовым языком, связь между субъектами правового дискурса (базируется на концептуальных закономерностях правового дискурса); 2) социально-прагматический уровень (деятельность), выявляющий связь между правовым языком, коммуникацией, правом; а также смысловые взаимосвязи (цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между самыми различными текстами (основывается на функционально-процессуальных закономерностях правового дискурса); 3) информационно-коммуникативный уровень (информация), сознательно ограничивающий свои исследовательские интересы рамками одного отдельно взятого текста как изолированного, автономного речевого образования (опирается на структурно-содержательные закономерности правового дискурса).

6. Выделение и анализ *дискурсивно-правовых доминант* компонентов правового дискурса.

- Субъект права как компонент правового дискурса обладает следующими дискурсивно-правовыми доминантами: статусно-ролевые характеристики; социально-коммуникативная активность; интенции и цели в коммуникации; мировоззренческие позиции; индивидуальные особенности.

- Дискурсивно-правовыми доминантами рече-языковой деятельности как одного из важных компонентов правового дискурса являются: порядок (процедура) совершения всех коммуникативно-правовых действий, принципы и способы, определяющие принятие решений, закрепляющих те или иные коммуникативно-правовые действия, форма связи как последовательность и система тех действий, которые составляют стадии и содержание правового общения.

- Правовая информация как компонент структуры дискурса воплощается в форме текстов, отображает его специфику и характеризуется следующими дискурсивно-правовыми доминантами: темой речевого общения; отнесенностью к какому-либо речевому жанру; композицией высказываний и последовательностью речевых актов; спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия.

- Среда правового дискурса представлена в работе следующими видами, каждый из которых обладает собственными дискурсивно-правовыми доминантами: социокультурная - ментальность нации, картина мира (включая языковую картину мира), типы носителей базовой и маргинальной культур; идеологическая - правосознание (правовая психология и правовая идеология); информационная - всеохватность коммуникативного эффекта и посреднический характер трансляции сообщений, потеря целостности коммуникации

(фрагментарность), высокоскоростной режим передачи информации, новый информационно-технологический уровень коммуникации; контекстуальная (ситуативная) - канал общения (зависимый-независимый, статичный-динамичный, слуховой-зрительный-тактильный, контактный-дистантный), разновидности правового дискурса (устная, письменная и мысленная), обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства) или в другой терминологии хронотоп правового дискурса.

7. Определение *взаимосвязей* между элементами правового дискурса на основании анализа информационно-динамической модели правового дискурса.

8. Определение *маркеров качества* профессионального правового дискурса: 1) публичная артикуляция права; 2) обратная связь; 3) символическая нагрузка; 4) цель; 5) дух права; 6) харизматическое господство; 7) правовая мифология; 8) дискурсивно-коммуникативная компетенция субъектов права.

9. Определение *результативности* правового дискурса (анализ изменения качественного состояния компонентов правового дискурса в результате дискурсивного взаимодействия).

Графически методика дискурс-правового анализа представлена на рис. 1.

Разработка исследовательского инструментария будет зависеть от выбора эмпирических методов изучения коммуникативно-правового взаимодействия.

Данная модель описывает и дает объяснение правовой сферы социальной реальности. Представление правовой сферы социальной реальности ограничено исследуемыми элементами модели. Данная модель не является формализованной, при этом для каждого элемента модели даны определения и приведены примеры эмпирического соответствия. Предположения о характере связей между элементами модели получили подтверждение в ходе изучения правового дискурса. Модель представляет собой описательную и объяснительную ценность, в первую очередь, для изучения профессионального правового дискурса.

С использованием модели можно описать современное состояние правового дискурса, проследить динамику развития правового дискурса в ходе развития общественных отношений, предсказывать возможные варианты путей его модернизации.

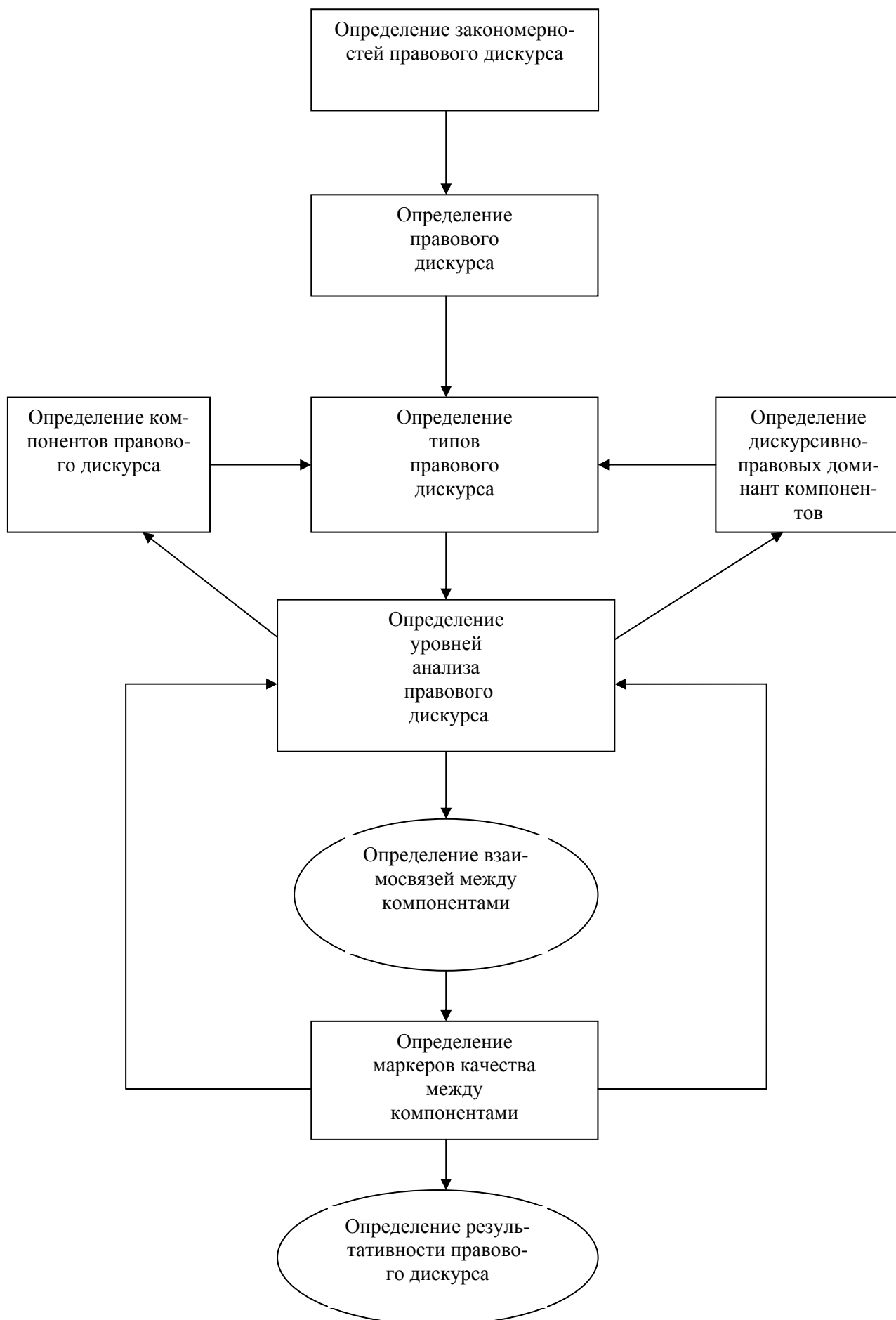

Рис. 1. Методика дискурс-правового анализа

Приведем пример эмпирической верификации данной модели комплексного дискурс-правового анализа. В качестве примера материала для анализа обратимся к Посланию Президента Федеральному Собранию 2010 года. Послание Президента Федеральному Собранию 2010 года — прекрасный материал для демонстрации возможностей дискурс-правового анализа. Послание не является нормативно-правовым актом, который можно было бы подвергнуть процедурам формально-юридического толкования, к тексту послания трудно применить метод систематического толкования, сравнительно-правового и др. Объектом юридического толкования могут быть только нормы права или правоприменительные акты. Послание не является ни тем и ни другим, следовательно, оно для своего познания требует применения иной методологии. В этом случае есть все основания говорить о необходимости специального анализа правового дискурса, который ведет Глава государства с членами парламента, правительства, гражданами своей страны.

Реализуя методику дискурс-правового анализа применительно к тексту Послания, последнее можно рассматривать как такое правовое действие Главы государства, которое, как мы уже отмечали выше, может интерпретироваться как маркер качества профессионального правового дискурса, а конкретно - публичная артикуляция правовых идей. Послание является третьим за президентский срок Д.А. Медведева и отличается от предыдущих широким охватом тем и проблем. Первое Послание посвящалось в основном преобразованиям общества, второе – обоснованию и старту модернизации. Третье Послание концентрировано на социальной проблематике; прозвучали также важные тезисы по поводу состояния правоохранительной, судебной систем, армии, политической активности людей, местного самоуправления, демократии и муниципальных органов власти.

Дискурс-правовой анализ в первом своем действии предполагает общую характеристику Послания. С этой точки зрения отметим ясный, понятный и четкий язык Послания. Это отвечает канонам дискурса, который должен обладать и другим маркером качества, а именно - иметь «обратную связь», то есть должен соответствовать уровню мышления адресатов Послания. Как мы можем убедиться, текст Послания не наукообразный, не официозно-схоластический, «без эмоций», а официально-нормативный, обязательный и строгий. Данному документу присущ и другой маркер качества - это своего рода символический акт, поскольку символизирует верховенство Главы государства и его особый юридический и социально-политический статус.

Как мы уже отмечали, правовой дискурс должен иметь четкую цель, выступающую обязательным маркером качества профессионального правового дискурса, а также содержать рациональные пути её достижения. В этом плане диагностика цели Послания Президента очевидна: зафиксировать имеющиеся в обществе и государстве проблемы и наметить четкие пути их решения. Продолжая, отметим, что в правовом дискурсе всегда имплицитно присутствует дух права, этот маркер качества представляет собой своего рода константу правового дискурса. Безусловно, дух (или идея права) в Послании

Президента присутствует полноценно и очевидно: более 30 упоминаний о праве и законе! Кроме того, характеризуя методологию правового дискурса, мы заявляли о харизме и мифологичности, типичной для дискурса. Харизма как маркер качества профессионального правового дискурса в Послании Президента без труда обнаруживает себя, если задуматься над составом субъектов правового дискурса: Президент (харизматичный политик), депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, высшие государственные чиновники и т.д. Что касается другого маркера качества профессионального правового дискурса – мифологичности – то само Послание – своего рода мифологичный символ державной власти: мифологичность в том, что все участники анализируемого правового дискурса играют свои роли и являются носителями определенных мифов, характерных для того или иного общественного сознания. Один из главных мифов (или общественных заблуждений) в том, что некоторые политологи трактуют Послание Президента как своего рода священный текст пастыря, указующий путь к добру и свету «овцам». Если же отбросить собственно библейскую мифологию, то реальность заключается в том, что Послание – один из рабочих орудий воздействия Президента на «референтное окружение», это средство стимулирования общественно-полезной деятельности заинтересованных политических субъектов.

Осуществляя дискурс-правовой анализ, отметим, что его методология предполагает выделение специфики документа - президентского послания – как носителя дискурсивно-правовых доминант.

Особенность данного дискурс-правового анализа в том, что предметом выступает своеобразный, специфический текст, «квази-право» – собственно императивный текст президентского послания. Это не нормативный акт, тем не менее, он обладает свойствами обязательности, персонификации и нормативности - в той мере, в какой указания Президента являются нормой для членов Правительства и чиновников госаппарата, ориентиром для депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, граждан России.

Для выявления дискурсивно-правовых доминант Послания необходимо: 1) рассмотреть архитектуру Послания и определить меру частотного употребления данной дискурсивно-правовой доминанты; 2) выделить главные (ключевые) смыслы (темы) коммуникации, которые «обслуживают» (раскрывают) другие элементы текста и определяют жанр документа; 3) установить логические связи между элементами конструкции текста (речи, коммуникации), определяемые с помощью языковых средств; 4) выделить основные «блоки» (организационные части) понятийного пространства (композицию).

Основной дискурсивно-правовой доминантой можно обозначить главную смысловую архитектуру (идею), играющую определяющую роль в тексте или коммуникации субъектов, которая выражается в ключевом понятии (отдельном слове, выражении), с помощью которого образуется смысловое пространство коммуникации. В правовом дискурсе, как правило, можно выделить от одной до нескольких тем в рамках одной архитектуры.

К первой теме данной дискурсивно-правовой доминанты документа, без

сомнения, можно отнести социальные проблемы, и в частности, помощь семьям и защите детей, повышение доступности и качества медпомощи для матерей и детей, налоговые преференции для многодетных семей, снятие временных ограничений на использование материнского капитала при оплате ипотечных кредитов и бесплатное выделение земельного участка для строительства дома многодетным семьям.

Второй темой послания стала неэффективность работы государственной машины, которая не в состоянии предоставить гражданину качественные госуслуги и становится источником коррупции и воровства.

Третья тематическая составляющая – проблема детей.

Четвертая – конкретные поручения и меры, которые Президент считает первоочередными. Таковых насчитывается более 30, среди главных следует назвать:

1. Необходимо разработать порядок единовременного предоставления на безвозмездной основе земельных участков под строительство жилого дома или дачи семьям при рождении третьего (или последующего) ребенка.

Кроме того, в соответствии с президентским распоряжением, надо внести в Думу законопроект, который разрешит всегда тратить материнский капитал на погашение ипотечных кредитов.

С 2011 г. увеличивается для семей размер налогового вычета до 3 тысяч рублей в месяц на каждого ребенка начиная с третьего и одновременно отменить нынешний стандартный вычет в размере 400 рублей.

Намечается снижение налогового бремени на взносы благотворительных организаций.

В детских домах будут создаваться попечительские советы.

В отношении детских садов будет разработана программа реконструкции существующих и строительства новых зданий.

Появятся частные детские дошкольные учреждения, для которых могут быть предусмотрены пониженные ставки арендной платы, льготы по налогу на имущество.

Помимо этого, будет усилена работа служб, занимающихся оказанием помощи детям и подросткам, с которыми жестоко обращались.

Будут повышены расходы на развитие детской медицины. Минимум четверть всех расходов, выделяемых на здравоохранение, будет идти на охрану здоровья детей.

Также поставлена задача выработки механизма поиска и поддержки талантливых детей.

Президент РФ Д. А. Медведев поручил каждой российской школе (а их в России 52 000) разработать «проект школы будущего» - собственную стратегию развития на 5 - 10 лет.

Намечено внесение законопроекта, устанавливающего в 2011-2012 годах пониженные ставки страховых взносов на уровне 26 процентов для предприятий малого бизнеса, работающих в сфере производства и «социалки».

Дано поручение главе администрации и председателю ЦИК подгото-

вить проект федерального закона, предусматривающего использование пропорциональной или смешанной избирательной системы на выборах представительных органов в городских округах и муниципальных районах с численностью депутатов не менее 20 человек.

Необходимо внести предложения по организации общественного обсуждения проектов социально значимых федеральных законов.

Таковы реальные первоочередные организационные меры, которые следует принять и реализовать, по мнению Главы государства.

Теперь, для полноты дискурсно-правового анализа, необходимо понять, почему Президент обратился к указанным проблемам? Другими словами, каковы цели и интенции правового дискурса? Любая цель предопределена мотивами действия.

Мотивов правового дискурса Главы государства с гражданами России, депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации Федерального Собрания два. Первый мотив – назовем его «формально-правовой» связан с необходимостью выполнения конституционной нормы (п. «е» ст. 84 Конституции РФ) о том, что Президент «обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства».

Второй мотив – назовем его «актуально-социальный» - детерминирован огромными социальными проблемами, которыми страдает российское общество. Именно острота проблем, по нашему мнению, объясняет то, что к субъектам правового дискурса следует отнести не только Президента, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального Собрания, но и гражданское общество в целом, граждан России (именно к последним также обращается Глава государства).

К таким особо острым проблемам, как можно понять из дискурса Президента, следует отнести низкую продолжительность жизни, плохое медицинское и социальное обслуживание, отрицательную демографическую тенденцию. Например, по данным переписи 2002 г. в России постоянно жили 145 166 731 человек, а прогнозы на 2011 год колеблются от 142 121 500 («высокий вариант») до 141 760 000 («низкий вариант»). По прогнозным данным статистиков в 2031 году население РФ будет около 127 млн человек, из них «коренных» жителей ожидается менее 123 млн человек. Эти прогнозы должны беспокоить и беспокоят, как видно из текста послания, Главу государства.

Дискурсно-правовой анализ Послания Президента показывает, что в качестве приоритета выбраны многодетные семьи – это те, кто имеет иную, не «евро-потребительскую» мотивацию, те, кто вопреки общему тренду, ставит своим главным приоритетом не потребление, а число детей. Вместе с тем, если многодетные не считают высшей ценностью деньги, комфорт, то, разумеется, они едва ли откажутся от материальной помощи со стороны государства. Так что усилия в плане помощи многодетным вполне могут дать эффект.

Другой же важнейший резерв - понижение смертности. Президент проявил озабоченность младенческой смертностью. К слову, смертность в стране составляет 14,2 на 1000 (в 1995-м было 15,0 человека, а в 2005-м - 16,1)¹⁷⁷.

Следующий смысловой блок дискурса Д.А. Медведева касается СМИ. Позиция Президента в том, что государство не должно быть владельцем «заводов, газет, пароходов». Отсюда вывод: должна быть осуществлена постепенная продажа значительной части СМИ, принадлежащих государству. Эту меру следует одобрить, поскольку ясно, что первое условие политической свободы - это приватизация государственных СМИ. При этом остается открытым вопрос о свободе электронных СМИ (прежде всего телевидения) от государства.

Итак, Послание можно рассматривать как некий социально-политический манифест, формулирующий ценности общества, а также пути и средства, которые позволили бы этим ценностям реализоваться в жизни гражданского общества.

В Послании впервые в акте такого уровня основным вектором стала не абстрактная мощь страны, а отдельный человек и его реальные проблемы – здоровье, жизнь, дети и т.д.

Послание Президента можно трактовать с точки зрения важнейших принципов правового государства, одним из основных идей которого является взаимный интерес и сотрудничество государства и гражданского общества, в котором имеет приоритет отдельный человек. Сам по себе тезис Президента не нов, однако новизна в том, что он положен на четкую систему мер и мероприятий, поручений Правительству и отдельным властным звеньям государственного аппарата. Это налоговые послабления для малого бизнеса, реформа здравоохранения, поправки к закону об образовании, стимулирование рождаемости, более широкое внедрение принципов «электронного государства», (т.е. оказание госуслуг в электронном виде), и, наконец, новые средства государства в борьбе с коррупцией. К последним следует отнести поправки к закону о госзакупках, увеличение штрафных санкций, равных 100-кратному размеру взятки. Последнее предложение, заметим, к настоящему моменту уже реализовано.

Одна из доминант Послания – тема модернизации, которая «прорастает» в более конкретных смысловых блоках - экологии, здоровье нации, проблеме инвалидов, армии и ВПК. Даже традиционный раздел Послания, связанный с международной политикой, трактовался в контексте модернизационного сотрудничества с другими странами.

Как можно понять из «буквы и духа» Послания, модернизация - не самоцель, а инструмент по обеспечению достойной жизни людей. В своем Послании Президент раскрыл еще один аспект технологического прорыва – социальный, когда в центре модернизационного прорыва должен быть человек, его реальные потребности.

¹⁷⁷ Европейские данные: во Франции смертность 8,4 на 1000 человек, в Англии - 9,4, а в Германии - 10,1 на 1000.

С точки зрения языковых средств как дискурсивно-правовых доминант, можно отметить, что особенность стиля Послания не только в том, что это императивный текст, исходящий от Главы государства, а значит обязательный для всех, но и в том, что Послание содержит несколько десятков инициатив и предложений, которые обладают собственной императивностью, они не требуют дополнительных развивающих и конкретизирующих документов, их нужно непосредственно реализовывать. Послание включает в себе четкие конкретные приказы-распоряжения, которые реализуют общие стратегические планы, обнародованные в 2008 и 2009 годах.

Отдельно нужно сказать о такой дискурсивно-правовой доминанте, как композиция Послания. В Послании можно выделить пять ведущих смысловых блоков. Первый - это поддержка семей, предоставление детям возможностей для самореализации. Второй - это модернизация. Третий - это изменения в политической и правовой системе - госзакупки, распределение источников доходов между регионами и активность НКО. Четвертый блок - это безопасность государства, сопряженная с сотрудничеством с партнерами, как организациями, так и странами, для решения задач модернизации в интересах глобальной безопасности.

Пятый блок о том, что государство должно освобождаться не только от избыточных функций, но и от избыточной собственности. Приватизированы могут быть финансовые институты, транспортные активы и СМИ, а также предприятия ЖКХ. Должны быть приняты соответствующие региональные планы приватизации.

Применяя частотный метод в рамках дискурс-правового анализа, можно сказать, что количество употреблений наиболее значимых и актуальных понятий (с их производными) правового дискурса выражается следующими величинами:

Россия	- 31 употребление;
государство	- 34;
работа	- 29;
закон	- 23;
модернизация	- 23;
экономика	- 21;
граждане	- 21;
общество	- 17;
люди	- 17;
развитие	- 17;
политика	- 15;
власть	- 14;
правительство	- 13;
проблема	- 11;
право	- 6;
демократия	- 5.

Как можно убедиться, наиболее часто употребляются два слова – Россия и государство. Это вполне объяснимо, поскольку основной вектор усилий главы государства всегда направлен на укрепление мощи и защиту основ Российской государственности.

В целом же можно сказать, что частота используемых слов находится в соответствии с теми ценностями, которые участники правового дискурса считают наиболее важными и значимыми. К актуальным базовым ценностям следует отнести модернизацию Российского государства, развитие гражданского общества, охрану семьи и детства, укрепление законодательных основ нашей жизни, модернизацию экономики.

Дискурс-правовой анализ предполагает оценку того, как воспринимается текст (речь) субъектами правовой коммуникации. Здесь важно отметить два социальных субъекта, которым было адресовано Послание.

Первый субъект – гражданское общество, участники которого всегда и в целом позитивно оценивают любые выступления (речи) Президента в силу того, что с ними говорит представитель высшей (а значит, самой авторитетной) власти.

Второй субъект – многочисленный класс российских чиновников. Здесь все несколько сложнее, и поэтому текст Послания выстроен с учетом психологии российских государственных служащих. Послание не содержит серьезной критики бюрократии, более того, обращает внимание на необходимость повышать эффективность и поднимать значение деятельности чиновников. Такой миролюбивый и конструктивный тон выступления имеет целью показать, что никаких революций, чисток, реорганизаций в среде госслужащих не предвидится. Именно это дает основание считать, что ведущий слой гражданского общества России – бюрократический – воспринял послание главы государства толерантно.

В Послании подчеркивается особый статус, особая власть главы государства. С формально-правовой, конституционной точки зрения институт президента не относится ни к одной из трех ветвей власти (законодательной, судебной, исполнительной), однако де-факто это одна из самых эффективных и авторитетных разновидностей государственной власти – власть главы государства. На это с особой силой обращает внимание в Послании сам президент, когда настаивает на необходимости проведения общественных дебатов при обсуждении важных законов. Президент гласно и публично дает поручение собственной администрации – разработать модель проведения общественных дебатов. Администрация президента – это собственный аппарат Главы государства, и получается, что Президент возлагает на себя эту ответственность, и одновременно отмечает особую роль Администрации Президента в иерархической системе управления современной России. Особая роль администрации выражается в том, что эта власть сочетает в себе и управленческие функции, и социотехнические, и конструктивные, и контрольные. Этот вывод позволяет сделать дискурс-анализ Послания Президента.

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде чем обратиться к краткому анализу итогов настоящего исследования, хотелось бы сказать несколько слов о теме исследования. Для этого нам потребуется, хотя бы кратко, остановиться на оценке сегодняшнего состояния теории государства и права. По нашему мнению, в настоящее время теория государства и права переживает непростое время, связанное с поиском новых идей и новых парадигм. Причина этому в том, что многие ключевые понятия нашей науки, такие как норма права, правовое регулирование, государство, функции государства и т.д. сложились еще в начале прошлого века, и поэтому многие из них с трудом способны объяснить новые правовые феномены нашей бурно развивающейся действительности. Вот распространенный пример из судебной практики последнего времени. Подсудимый в рамках видеоконференции отвечает на вопросы суда, который находится за тысячи километров от него. Для теоретика государства и права эта ситуация, которая получает все большее распространение, интересна тем, что порождает следующие вопросы, например: «является ли такое интерактивное общение юридическим фактом?», «возникают ли в данном случае правоотношения?», «как решать вопрос с принципом непосредственности судопроизводства?» и т.д. Понятно, что стороны данного правоотношения не могут воспринимать другую сторону непосредственно. Процесс идет опосредованно, через экран монитора, что ставит под сомнение известные правовые постулаты. Или такой казус. Возьмем всем известные СМС-сообщения. Могут ли они рассматриваться как юридические документы, юридические факты, или нет?

Пока на все эти и другие вопросы такого свойства наша наука не дает точных ответов. Между тем, согласно мнению крупнейшего философа XX века М. Хайдеггера, «уровень науки определяется тем, насколько она способна на кризис своих основопонятий» («Бытие и время»). К теории государства и права это относится в полной мере потому, что приведенные примеры свидетельствуют об **отсутствии** понятий, адекватно обозначающих новые правовые явления начала XXI века. В результате теория государства и права в научном плане с трудом справляется с возложенными на нее функциями. Например, на наш взгляд, сегодня теория государства и права не имеет больших успехов в выполнении прогностической функции. Так, на современном этапе требуется построить прогноз отношений государства и гражданского общества, прогноз развития правового регулирования на перспективу, прогноз правовых ожиданий и т.д. Но возьмите любой учебник по теории государства и права, и там вы не увидите того, по каким траекториям будет развиваться наше государство и право, какими они станут через 15 или 20 лет.

Не вдаваясь в причины этого явления, отметим лишь, что эта задача не выполняется, в том числе по причине неразработанности новых понятий и конструкций теории государства и права.

Сказанное позволяет нам утверждать, что если наша наука сегодня предпринимает попытки разработать и ввести в научный оборот новые поня-

тия, которые способны стать адекватными познавательными средствами, равными по «научному весу» таким понятиям как закон, правосознание и юридическая ответственность, - то это дает шанс теории государства и права стать локомотивом всей юридической науки, всего правоведения. Представители отраслевых юридических наук будут черпать из теории государства и права не только новые идеи, но и новые понятия и конструкции, новые методологически обоснованные инструменты познания правовой сферы и применять их в реальной действительности. В этом случае наша наука сможет выполнять свою научную миссию.

Обратимся к обоснованию и систематизации нашего подхода.

1. Любое научное познание исходит из совокупности научных фактов, эмпирического материала. Факты нашей науки говорят о том, что в теории государства и права отсутствует устоявшаяся категория, которая бы охватывала такие реальные явления как повсеместно распространенное правовое общение и коммуникация субъектов права. Между тем, в правовой системе все построено на общении, обмене информацией, влиянии, которое оказывает один субъект права на другого. Например, в судебном процессе судья задает вопросы, уточняет, формулирует умозаключения (эту часть можно было бы именовать правовой коммуникацией), но в то же время судья выносит обязательное властное решение, создает индивидуальные нормы, пишет некие акты-документы, осуществляет трансляцию норм и правил, оказывает, наконец, харизматическое влияние на участников процесса. Каким понятием можно охватить все эти разнообразные формы деятельности? Это проблема, которая пока в юридической науке не получила полного освещения и раскрытия. Мы предлагаем свой путь решения этой проблемы с помощью всемерного обоснования правового дискурса.

2. Теория государства и права – уже наука со сложившимися структурными частями, с устоявшимся понятийным аппаратом, который используется в отраслевых юридических науках, В то же время, реалии таковы, что есть объективная необходимость осмыслить новый эмпирический материал, который имеется в юридической практике. В этом и заключается цель и назначение теории государства и права – переводить факты в форму теоретических знаний. В диссертации предлагается использовать в понятийном ряду нашей науки категорию «правовой дискурс» и, соответственно, направить усилия на разработку теории правового дискурса в нашей науке. Однако интеграция в «тело» науки нового элемента – это тоже проблема, которая решается не только через накопление соответствующих эмпирических фактов и соответствующих знаний, но и через построение теоретических моделей и разработку теоретических концепций. Учитывая сказанное, первая часть нашего диссертационного исследования посвящена анализу существующих подходов к изучению правового дискурса и выработке собственного определения понятия «правовой дискурс».

3. Для раскрытия сущности правового дискурса нам потребовалось обосновать, что связь между правовым мышлением, языком и дискурсом но-

сит характер закономерности, о которой никто ранее в теории государства и права не говорил и не писал. Анализируя эту закономерность, мы сформулировали несколько связанных с ней других закономерностей, которые обосновываются в работе и определяют собственно специфику правового дискурса. Это закономерность соответствия содержания правового дискурса обстоятельствам, вызываемым правовым дискурсом; закономерность отношения субъекта правового дискурса к его содержанию; закономерность связи правового дискурса и социально-политического содержания законодательства и тенденций развития правовой сферы. Все рассмотренные закономерности правового дискурса представлены в трех группах: структурно-содержательные, концептуальные, функционально-процессуальные. В результате, полагаю, нам удалось доказать, что феномен правового дискурса реально существует и развивается по своим внутренним закономерным процессам, которые носят объективный характер.

4. Какова же сущность правового дискурса? Итак, для научного типа сознания становится ясно, что это совершенно новое понятие. Каким образом можно доказать необходимость доктринального обоснования этого понятия?

Приведем самые распространенные случаи правового дискурса, чтобы стало понятно, **какие** правовые явления мы обозначаем понятием «правовой дискурс».

Вот отрывок из Послания Президента РФ Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г.: «...реализация наших стратегических планов невозможна без полноценных перемен в обществе. Укрепление политической системы и правовых институтов, внутренняя и внешняя безопасность государства, социальная стабильность, современное образование и культура (культура в самом широком смысле этого слова) – без этого всего мы не добьемся успехов». И далее: «...перемены к лучшему происходят лишь там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон». Это правовой дискурс, ибо общение, коммуникация имеет правовое содержание, правовой смысл.

Правовым дискурсом можно также признать общение работника ГИБДД и водителя по случаю ДТП, судьи с подсудимым в уголовном процессе, адвоката с подзащитным, следователя и подозреваемого, студента-юриста и преподавателя юридического вуза и т.д.

Как можно убедиться, многие существующие правовые явления, которые являются самыми распространенными в правовом регулировании, можно обозначить категорией «правовой дискурс». Существующие же правовые категории, такие как правоотношение, правовое поведение, правовое воздействие и т.д. - делают акцент не на коммуникативных аспектах права, а на различных сугубо юридических, позитивистских моментах – субъективных правах, юридических фактах и т.д.

Важно понять, что в основе любого правового дискурса лежит такое явление как общение, коммуникация. Однако **содержание** этого общения, его

правовая составляющая позволяет назвать его правовым дискурсом. Упрощенно говоря, общение (письменное, устное, или через видео) - в том случае, если такое общение имеет правовое содержание и смысл, становится правовым общением или правовым дискурсом, который протекает по своим правилам и закономерностям.

Научное определение правового дискурса выглядит следующим образом. *Правовой дискурс – это деятельностьный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, предполагающий использование основных форм мышления в письменной и устной форме и зависящий от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения.*

Другими словами, правовой дискурс – это деятельностьный рече-языковой процесс информационно-средового взаимодействия субъектов права в ситуации правовой коммуникации, направленный на формулирование правовых предписаний, их юридическое закрепление и воздействие, обеспечивающий регулирование и контроль общественных отношений, который предполагает фиксацию элементов мышления (суждений, понятий, терминов) в письменной (законов, судебных решений и т.п.) или устной форме, и зависит от уровня правовой культуры, юридического опыта и потребностей субъектов правового общения.

Когда мы говорим о правовом дискурсе, мы подразумеваем следующие его компоненты: 1) субъекты правового дискурса, носители правового мышления (*человек*); 2) рече-языковая коммуникация, осуществляемая по каналам передачи правовой информации и служащая удовлетворению определенных целей этапов правового регулирования (*деятельность*); 3) предмет правового дискурса - содержание речевой коммуникации (*правовая информация*, выраженная в правовых текстах и передаваемая с помощью юридического языка и иных знаковых форм: слов, правовых понятий, терминов, выражений, суждений и т.п.); 4) социокультурная, идеологическая, информационная и контекстуальная (ситуативная) реальности (*среда*).

Анализ этих компонентов показывает, что их содержание полностью укладывается в категориальный аппарат юриспруденции и в практику правового регулирования.

Входящие в правовой дискурс компоненты неодинаковы по своему значению, правовой природе, удельному весу, самостоятельности, степени воздействия на общественные отношения, но в то же время они подчинены общим закономерностям правового дискурса.

В этой дефиниции следует обратить внимание на следующие важные моменты.

- Правовой дискурс – это всегда речь и язык, посредством которых правовой дискурс себя обнаруживает.

- Участниками правового дискурса могут выступать, как правило, субъекты права: физические лица, юридические лица, государство в целом.

- Составной частью дискурса выступает актуальная правовая коммуни-

кация (рече-языковая деятельность субъектов права), т.е. реально протекающее целенаправленное речевое общение по поводу правовых явлений и правовой деятельности. Основным признаком правового дискурса выступает содержание правовой коммуникации, т.е. понятия, суждения, умозаключения, высказываемые по поводу правовых явлений и правовой действительности.

Понятие «правовой дискурс», следовательно, шире по объему, чем понятие «правовая коммуникация»: различия между первым и вторым проводятся по субъектам, содержанию (элементам), цели, функциям и роли в правовом регулировании.

- Содержание правового дискурса зависит от уровня правового сознания личности, ее правовой культуры и накопленного правового опыта.

- Огромная роль в формировании современного правового дискурса принадлежит развивающейся стремительными темпами действительности (окружающей среде), в которой зарождается, развивается и протекает правовой дискурс. В процессе интернационализации и информатизации мира происходит не только ускорение самого процесса правового развития, но и интенсификация процессов правового взаимодействия, что приводит в результате к более интенсивному восприятию и воспроизводству правовых ценностей. Взаимоотношения правовой информации и среды существования правового дискурса позволяют констатировать состояние правового дискурса, сделать вывод о динамике процессов, протекающих в данной сфере, и на основании этого обозначить дальнейшие пути развития правового дискурса России и наметить пути его модернизации. Именно поэтому предлагаемая в диссертации модель правового дискурса определяется нами как информационно-динамическая.

5. Задача науки в том, чтобы дать описание изучаемой ею действительности. Такое описание можно назвать онтологическим описанием, или онтологической схемой действительности, когда мы доказываем, что в основе теории правового дискурса лежат базирующиеся на фактах наблюдений и реальной действительности онтологические картины этой правовой действительности. Следовательно, онтологические основы - это наши представления, модели и упорядоченные общие знания о правовом дискурсе. Поэтому составной частью нашего диссертационного исследования является создание авторской модели правового дискурса и комплексного дискурс-правового анализа. Моделями правовой реальности мы называем теоретические конструкции, выражающие концентрированные знания о правовом регулировании, его элементах, правотворчестве и т.д. Когда мы, например, описываем правовой дискурс, осуществляемый в правотворческом процессе, мы делаем попытку построить теоретическую модель правовой коммуникации, возникающей между законодателем и обществом, законодателем и правоприменителем и т.д. Построение таких теоретических моделей необходимо, поскольку с их помощью удастся понять и интерпретировать суть изучаемого явления.

6. Методологическая ценность понятия «правовой дискурс» заключается в том, что оно дает дополнительные аналитические возможности для ком-

плексного анализа политико-правовой сферы жизни общества. Это новый, более высокий уровень научной абстракции, позволяющий использовать не только традиционные для юриспруденции методы исследования, но и рассматривать изучаемый феномен в иной плоскости, привлекая методологический инструментарий других наук. Преимущество комплексного дискурсно-правового анализа как методологического подхода состоит в том, что, являясь предельно широким, он призван отразить в целостном виде общую картину коммуникативно-правового взаимодействия участников правового общения, что позволяет более полно раскрыть как внутренние (структурные) взаимосвязи правового дискурса, так и его отношения с социальным контекстом (процессуальные стороны), что, в конечном счете, способствует более полному изучению правовых явлений.

Эти и иные связанные с ними вопросы важны с позиции выбора перспектив правового развития российского государства и права в XXI веке, диктующих необходимость формирования нового правового дискурса с учетом современных тенденций развития политико-правовой коммуникации.

На сегодняшний день можно констатировать слабую теоретическую проработанность доктрины правового развития российского государства, что уже сейчас сказывается на эффективности правовой реформы, которая пока существенно не изменила к лучшему общий уровень правовой культуры как государственного аппарата, так и населения.

Особое внимание в этом направлении следует уделить задаче, которая должна быть решена в рамках правотворческой деятельности в ближайшие годы, - формирование практически новой системы законодательства, призванной отражать и направлять происходящие в обществе изменения фундаментальных начал жизнедеятельности.

Россия находится в ситуации, требующей нового осмысления государственно-правовых явлений: необходимо системное, комплексное исследование российского правового дискурса как специфического явления, имеющего свои источники, формы и закономерности.

Содержащиеся в исследовании выводы относительно многоаспектности права и его социокультурной обусловленности могут быть использованы законодателем при определении правовой политики и составлении законопроектов. Концепция правового дискурса, предложенная автором, может быть использована в научно-исследовательской деятельности при анализе перспектив правового развития российского общества.

Правовой дискурс относится к новым понятиям теории государства и права, а разработанный в монографии комплексный дискурс-правовой анализ выступает в качестве обоснованного инструмента его познания.

* * *

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004.
2. Комментарий к Конституции РФ / Под общ. ред. Э.П. Григориса. СПб.: Питер, 2002.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (принят ГД ФС РФ 14.06.2002) (ред. от 08.12.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. N 30. Ст. 3012.
4. Бюджетный Кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17.07.1998) (ред. от 03.12.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012) // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. N 31. Ст. 3823.
5. Градостроительный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004) (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). Ст. 16.
6. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. Ст. 3301.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.1995) (ред. от 30.11.2011) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2012) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.
8. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (принят ГД ФС РФ 01.11.2001) (ред. от 30.06.2008) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. N 49. Ст. 4552.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.11.2006) (ред. от 24.02.2010) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. N 52 (1 ч.). Ст. 5496.
10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.12.2004) (ред. от 06.12.2011, с изм. от 29.02.2012) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). Ст. 14.
11. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (принят ГД ФС РФ 28.09.2001) (ред. от 12.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. N 44. Ст. 4147.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 01.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.
13. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.11.2006) (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 11.12.2006. N 50. Ст. 5278.
14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (принят

- ГД ФС РФ 08.12.1995) (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. N 1. Ст. 16.
15. Таможенный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 18.06.1993 N 5221-1) (ред. от 26.06.2008) // Российская газета, N 138, 21.07.1993.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001) (ред. от 22.11.2011, с изм. от 15.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 3.
17. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (принят ГД ФС РФ 18.12.1996) (ред. от 29.02.2012) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. N 2. Ст. 198.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001) (ред. от 01.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 01.03.2012) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. Ст. 2954.
20. Федеральный закон от 18 декабря 2001 года, N 117-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52. Ст.4924.
21. Федеральный закон от 7 июля 2000 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 8 августа.
22. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями от 20 мая 2002 г.) //Собрание законодательства РФ. 1999. № 51. Ст. 6286.
23. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 11.07.2011) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 10.11.2011) // Российская газета. N 32. 1992. 8 февраля (№32).
24. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. 06.04.2011) //Российская газета. 2006 г. 29 июля.
25. Федеральный закон № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» от 14.04.1995 (ред. 01.07.2011) // Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. N 21. Ст. 1930.
26. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ (ред. от 30.11.2011, с изм. от 29.02.2012) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 15.01.2012) // Собрание законодательства РФ.1999. № 42. Ст. 5005.
27. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от

- 07.12.2011) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 05.01.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. №35. Ст. 3506; 1996. № 17. Ст. 1917; 1996. №49. Ст. 5500; 1997. № 12. Ст. 1378.
28. Федеральный Закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 21.11.2011, с изм. 07.12.2011) «Об охране окружающей среды» (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. N 2. Ст. 133.
29. Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2002 года N 21 «О внесении дополнений в некоторые указы по вопросам федеральной государственной службы». // Собрание законодательства РФ. 2002. N 5. Ст.500.
30. Указ Президента РФ от 10 августа 2000 года «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства» //Собрание законодательства РФ. 2000. №33. Ст. 3356.
31. Указ Президента Российской Федерации от 7 февраля 2001 года N 132 «О приостановлении действия Указа Президента Республики Ингушетия» от 22 апреля 2000 года N 76 «Об упразднении Государственного комитета Республики Ингушетия по связи» и постановления Правительства Республики Ингушетия от 20 мая 2000 года N 192 «Об учреждении государственного унитарного предприятия «Управление электрической связи Республики Ингушетия» // Собрание законодательства РФ. 2001. N 7. Ст.627.
32. Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 года, N 781-11 ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации». //Собрание законодательства РФ. 1996. N 49. Ст.5506.
33. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2001 года, N 759 «Об утверждении Правил распространения периодических печатных изданий по подписке» // Собрание законодательства РФ. 2001. N 45. Ст.4271.
34. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (Москва, 15 февраля 1994 г.) // Российская газета. 1994. 17 февраля.
35. Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан» (Москва, 3 августа 1994 г.) // Российские вести. 1996. 22 февраля.
36. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Бурятия (Москва, 29 августа 1995 г.) // Российские вести. 1996. 26 февраля.
37. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государст-

венной власти Иркутской области и входящего в ее состав Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (Москва, 27 мая 1996 г.) // Российские вести. 1996. 25 июля.

38. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Тверской области (Москва, 13 июня 1996 г.) // Российские вести. 1996. 25 июля.

39. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Сахалинской области (Москва, 29 мая 1996 г.) // Российские вести. 1996. 25 июля.

40. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Омской области (Омск, 19 мая 1996 г.) // Российские вести. 1996. 25 июля.

41. Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области (Москва, 12 января 1996 г.) // Российская газета. 1996. 1 февраля.

42. Закон Республики Бурятия «О законопроектной деятельности в Республике Бурятия» от 19 июня 1996 г. N 321-1 (в ред. закона Республики Бурятия от 24.11.2001 г. № 860-П, ст. 17. Приказ Минюста РФ от 26 февраля 2002 г. «Об утверждении рекомендаций по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» Приложение, п. 25// Бюллетень Минюста РФ. 2002. № 3.

43. Закон Кировской области «О правовых актах органов и должностных лиц государственной власти и местного самоуправления Кировской области» от 6 мая 2002 г. № 56-ЗО (в ред. Закона Кировской области от 04.07.2002 № 84-ЗО), ст.4. // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2002. № 6(45).

44. Закон Свердловской области от 10 марта 1999 года № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области» //Областная газета. 1999. 13 марта.

45. Краткий справочник по оформлению актов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2001.

46. Декларация о государственном суверенитете РСФСР. М.: Юрид. лит., 1990.

47. Собрание законодательных актов СССР. 1987. №35. Ст.3214.

48. Законы Республики Башкортостан. Уфа, 1995.

49. Законы Республики Хакасия. Абакан, 1993.

50. Ведомости ВС Республики Татарстан. Казань, 1990.

51. Вед. Верховного Совета Республики Карелия. 1993. № 1-2. Ст.406.

52. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998, 1999 г.

* * *

Список литературы

1. Авакьян С. А. Федеральное Собрание — парламент России. М., 1999.
2. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской правовой Академии, 2003.
3. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники. Нижний Новгород, 2000.
4. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства. Н. Новгород, 2001.
5. Алексеев А. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
6. Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 2001.
7. Алексеев С. С. Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. 1973. № 5. С. 43.
8. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994.
9. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Прогресс, 1966.
10. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в двух томах. М., 1982.
11. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. Нормы права и правоотношения. Свердловск, 1964.
12. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
13. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
14. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций. В 2 т. Т.2. Свердловск, 1973.
15. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.
16. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
17. Апель К.О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. №1. С.76-92.
18. Апт Л.Ф. Теоретические вопросы правовой экспертизы федерального закона // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 20.
19. Арапова Н.П. Социально-информациологический подход в теории информационных войн. М., 2003.
20. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
21. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт). М. : Наука, 1988. 338 с.
22. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.,1999.
23. Архипов С.И. Субъект права. СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2004.
24. Бабаев В. К. Право как логическая система. М., 1992.
25. Бабаев В.К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах. Горький, 1990.
26. Бабенко А.Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. 2005. № 2. С.105.
27. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М., 1998.

28. Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты // Правоведение. 1998. № 3. С. 16 – 21.
29. Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С.8.
30. Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико – юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 9.
31. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Кодзасов С.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
32. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
33. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. №3.
34. Бахтин М.М. Вопросы литературной эстетики. М., 1975.
35. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
36. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
37. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М., 2001.
38. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005.
39. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
40. Белянин В.П. Введение в психоллингвистику. М.: «ЧеРо», 2001.
41. Белянин В.П. Психоллингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
42. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
43. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. 2-е издание / Под общ. ред. проф. В.И. Давиденко / Пер. с фр. М.: NOTA BENE, 2000.
44. Библер В.С. Культура XX века и диалог культур // Диалог культур. Материалы научной конференции. М., 1994.
45. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.
46. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода // Системные исследования. Ежегодник. М., 1971.
47. Боброва Н.А. Некоторые аспекты законодательной деятельности субъектов Российской Федерации // Государство и право. 1995. №11. С.43-48.
48. Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
49. Бурдые П. Практический смысл. М., 2000.
50. Быченков Д.В. Политический риск: проблемы дефиниции и классификации // Общественные науки и современность. 2008. № 3.
51. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т.2. Объективное изучение личности. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999.
52. Вагурин В.А. Синергетика эволюции современного общества. Изд. 2-е. 2006.
53. Ван Дейк Т.А. Расизм и язык. М., 1989.

54. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ.; Под ред. В.И. Герасимова. М.: Изд-во «Прогресс», 1989.
55. Варга Ч. Природа права и правовое мышление // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 343-356.
56. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Издательство МГУ, 1980.
57. Васильев И.А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психологический журнал. 1998. №4.
58. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов. Ростов н/Д., 2002.
59. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
60. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
61. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с фр.; Ред. Ф.Х. Кессиди. М.: Прогресс, 1988.
62. Ветютнев Ю. Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4. С. 64 – 69.
63. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. М., 1988.
64. Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001.
65. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008.
66. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М., 2006.
67. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1997.
68. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: МГУ, 1989.
69. Воробьев В.В. Политический менеджмент в социальной информатиологии. М., 2006.
70. Ворожбитова А. А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Вестник высшей школы. 1999. № 2.
71. Гаврилов О.А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993.
72. Гагарская Е.А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре объявления о знакомстве // Речевое общение (теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. Вып. 8-9. Красноярск, 2006. URL: www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113957.pdf.
73. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
74. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1975.
75. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
76. Глаголев Н.В. Приемы буржуазной манипуляции потребностями реципиента // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М.: Институт языкознания АН СССР, 1986.
77. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. М., 2001.
78. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Правовая реформа в Рос-

сийской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002.

79. Горский Д.П. Логика. М.: Госуд. учебно-педагогическое изд-во, 1955.

80. Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1981.

81. Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900.

82. Грибакин А.В. Введение в философию права: Конспект лекций. Екатеринбург: УрГЮА, 1999.

83. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007.

84. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М.: УРСС, 2002.

85. Губаева Т.В. Язык и право. М.: Норма, 2004.

86. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск, 2000.

87. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступит. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

88. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.

89. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

90. Дискурсивные слова русского языка / Под ред. К.Киселевой и Д.Пайара. М., 1998.

91. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., 2000.

92. Дубровская Т.В. Экспрессивные языковые средства в судебном дискурсе // Романо-германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2004. Вып. 4.

93. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973.

94. Елухина Н.В. Дискурсивная компетенция и ее роль в овладении иноязычным профессиональным общением // Профессиональная коммуникация как цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Выпуск 454. М.: МГЛУ, 2000.

95. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М.: Наука, 1989.

96. Завершинский К. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. №2. С. 113-131.

97. Законодательная техника. М., 2000.

98. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Р.Ф. Васильев. М., 2000.

99. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила: Учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001.

100. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. / Под ред. д-ра юр. наук, проф., акад.

- В.М.Баранова. Т.1. Нижний Новгород, 2001.
101. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Под ред. А. С. Пиголкина. М., 2000.
102. Зарецкая Е.Н. Логика речи для менеджера. М.: Финпресс, 1997. 352 с.
103. Зеер Э.Ф, Павлова А.М, Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентостный подход. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
104. Землянова Л. М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // ВМУ. Серия 10 «Журналистика». 1999. №2.
105. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М., 1981.
106. Зернецкий П.В. Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
107. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999.
108. Зивс С.Я. Источники права. М.,1981.
109. Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции. М.: Российская академия правосудия, 2008.
110. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность // Высшее образование сегодня. 2005. №11.
111. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К.Маркса). М.: Институт философии РАН, 2002.
112. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
113. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права.2004. № 12. С.4.
114. Ибрагимов К.Х. Синергетика и земельные отношения в земельном праве и агрономии // Право и государство: теория и практика. 2007. № 2.
115. Ивакина Н.И. Профессиональная речь юриста. М., 1997.
116. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.
117. Из «Личного дела В.Н. Волошинова» // М.М. Бахтин (под маской). М.: Лабиринт, 2000.
118. Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991.
119. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М., 2006.
120. Ильин И.П. Словарь терминов французского структурализма // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
121. Исаев И. А. Понятие закона в контексте юридической герменевтики // Право и государство. 2005. № 4. С. 4 – 22.
122. Исаев И.А. *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003.
123. Исаков В.Б. Проблемы обеспечения единства законодательства в Российской Федерации // Законодательство. 1997. № 4. С. 7.
124. Казанцев М. Ф. Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации. Екатеринбург, 1998.

125. Иссерс О.С. Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007.
126. Карасик В.И. Ритуальный дискурс // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
127. Карасик В.И. Статус лица в значении слова. Волгоград, 1989.
128. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, личность. М.: ГНО-ЗИС, 2004.
129. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
130. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд.3. 2003.
131. Касавин И.Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. Т.Х. 2006. №4. С.7.
132. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.: Университетская книга, 2002.
133. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
134. Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903.
135. Качанов Ю. Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
136. Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2. С.27.
137. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
138. Квейд Э. Анализ сложных систем. М.: Сов. радио, 1969.
139. Кедров Б.М. Классификация наук: прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985.
140. Керимов Д.А. Законы в переходный период: опыт современной России // Государство и право. 1995. № 10. С. 105.
141. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.
142. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
143. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
144. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. М., 1997.
145. Киричѐк П.Н. Средства массовой коммуникации и информационная культура общества. М., 2006.
146. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1.
147. Кокотов А. Н. Федеральный законодательный процесс: Понятие и структура // Правоведение. 2001. № 1.
148. Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога // Высшее образование в России. 2007. №7.

149. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
150. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет бизнеса и управления «Братья Карич», 1997.
151. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
152. Конституция, закон, подзаконный акт / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 1994.
153. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Предисловие д-ра юр. наук, проф. И.Ю. Козлихина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
154. Кравец И.А. О правовой природе конституционной герменевтики // Право и политика. 2003. № 1. С. 15-29.
155. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.
156. Крашенинников П.В. Федеральный законодательный процесс. М., 2001.
157. Кротков Е.А. Диагностическое познание. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
158. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
159. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Издательство «Русский язык», 1998.
160. Кряжков В.А., Краснов М.А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. М.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
161. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997.
162. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28 – 34.
163. Кудрявцев В.Н., Гаврилов О.А. Социальные деформации. М.: ИГПРАН, 1992.
164. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М., 1989.
165. Кудрявцев Ю.В. Правовая информация. М.: Юрид. лит., 1983.
166. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. Пермь: Западно-Уральский институт экономики и права, 2002.
167. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Изд-во «Высшее образование», 2009.
168. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: МГУ, 1995.
169. Лапаева В. В. Законотворческий процесс: общественное мнение и общественное согласие. М., 1995.
170. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика (Теория и практика гражданского права и гражданского процесса). М.: Юридический центр Пресс, 2002.
171. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974.
172. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.
173. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.:

Эдиториал УРСС, 2001.

174. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.

175. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994.

176. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.

177. Ллойд Д. Идея права. М., 2002.

178. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996.

179. Луман Н. Теория общества. М., 1999.

180. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

181. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.

182. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.

183. Малахов В.П. Философия права. Екатеринбург; М., 2002.

184. Малинова И.П. Юридическая герменевтика и правопонимание. Екатеринбург, 1999.

185. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995.

186. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии, 1996.

187. Малько А.В. Эффективность правового воздействия // Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. Гл. 22.

188. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2005.

189. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

190. Мамычев А. Ю. Роль «дискурса» в правовой науке: Проблемы методологии современных исследований // Российская академия юридических наук. Научные труды. Вып. 3. Т. 1. М., 2003.

191. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения: Монография / Предисловие К.Я. Сигала. Ставрополь, 2006.

192. Маркелов К.В. Общественный идеал как объект воздействия информационной политики // Государственная служба. 2005. №6.

193. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. Новосибирск: Наука, 1982.

194. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970.

195. Матузов Н.И. Правовая система и гласность // Вопросы теории государства и права. Вып. 9. Саратов, 1991.

196. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: МГУ, 1999.

197. Мерло-Понти М. Око и дух. М., 1993.

198. Мечковская Н.Б. Язык и общество // Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983. С. 23-86.
199. Мизулин М.Ю. Философия политики: власть и право. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1997.
200. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации, 2008.
201. Мироненко С.В. Психологическая репрезентация власти. М., 2006.
202. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: Тезаурус, 1997. 158 с.
203. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М., 1967.
204. Мордовцев А. Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: Культурантропологические проблемы // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 38 – 48.
205. Мордовцев Ю.А. Российская политико-правовая мысль: ценностные ориентации нового дискурса // www.metodologlab.narod.ru/mentalit.
206. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2000.
207. Мухамедова Л.И. Социальная коммуникация в трансформирующемся обществе. М., 2007.
208. Мюллер М., Сепир Э., Уорф Б.Л. и др. Языки как образ мира. М.: Издательство Аст, 2003.
209. Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959.
210. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
211. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.
212. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997.
213. Несмеянова С.Э. Вопросы разграничения полномочий судов в сфере нормоконтроля // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С.30.
214. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998.
215. Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
216. Общая теория права и государства / Под ред. В.В.Лазарева. М., 1994.
217. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов н/Д., 2002.
218. Овчинников А. И. Правовое мышление в правоприменительном процессе: Опыт герменевтической методологии // Философия права. 2003. № 2.
219. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «Азъ», 1994.
220. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007.
221. Осипов И.Д. Философия права: Конспект лекций. СПб., 2000.

222. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-129.
223. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. Л., 1982.
224. Павлов И.П. Избранные труды. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1951.
225. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
226. Пантин В.И. Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы, тенденции, перспективы // Полис. 2007. № 5. С. 110.
227. Парламентское право России: Учебное пособие / Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999.
228. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
229. Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. М., 1986, 1987.
230. Пеньков Е.М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. М., 1990.
231. Пермьяков Ю.Е. Лекции по философии права: Учебное пособие. Самара, 1995.
232. Петражицкий Л. Теория права. В 2 т. Т. 2. СПб., 1907.
233. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994.
234. Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование. Л., 1962.
235. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов: организация и методика. М., 1968.
236. Пиголкин А.С. Язык закона. М., 1990.
237. Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1966.
238. Полборн Р. Воля и власть. М., 2006.
239. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.
240. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979.
241. Полетухин Ю.А. Джон Локк о принципах уголовной политики // Юридическая теория и практика. 2008. № 1. С.96.
242. Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000.
243. Политическая наука. Конституция и власть: сравнительно-исторические исследования. М.: ИНИОН РАН, 1999. N 4.
244. Полонников Р.И. Информационный подход к нестареющему парадоксу психофизических явлений. СПб., 1997.
245. Полонников Р.И. Феномен информации и информационного взаимодействия. СПб., 2001.
246. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.
247. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004.
248. Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2003.
249. Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах

- Европы // Полис. 2009. №1. С.150.
250. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Ваклер, 2001.
251. Права человека. Новое знание. М.: Общество «Знание России», 1995.
252. Правикова Л.В. Эпистемические и культурологические основания эвиденциальности в судебном дискурсе / Вестн. Пятигор. лингвист. ун-та. 2001. № 5. С. 67-74.
253. Право и правотворчество. Вопросы теории. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: ИГПАН, 1982.
254. Правовая жизнь в современной России. Теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.
255. Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2.
256. Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул, 2002.
257. Правовая система социализма. Т. 2. Функционирование и развитие / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1987.
258. Правовое государство, личность, законность. М: Изд-во научно – исследовательского института правовой политики и проблем правоприменения Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, 1997.
259. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. М., 1999.
260. Практикум по спецкурсу «Искусство судебной речи» / Авт.- сост. М.Г.Жук. Гродно: ГрГУ, 2001.
261. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2001.
262. Проблемы юридической техники /Под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000.
263. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. М., 1999.
264. Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 2000.
265. Пэнто Л. Интеллектуальная доска // Socio - Logos '96. М., 1996.
266. Рабинович П.М. Своевременность в праве //Вопросы теории государства и права. Вып. 9. Саратов, 1991.С.57.
267. Раз Д. Мысля с помощью правил // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 457-472.
268. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Сибирское университетское издательство, 2007.
269. Рассказов Л.П. Теория государства и права. М.: РИОР, 2008.
270. Региональное законодательство: конституционные нормы, современное состояние, правовая экспертиза // Отв. ред. М.В.Гончаров. Екатеринбург, 2008.
271. Решетов Ю. С. Реализация норм права и правоотношения // Правоведение. 1976. № 6. С. 24-30.
272. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Канон-Пресс, 2002.

273. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика // Московские лекции и интервью. Российская академия наук, институт философии. М.: АО «Капи»: Издательский центр Academia, 1995.
274. Розин В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
275. Розин В. М. Юридическое мышление. Алматы, 2000.
276. Розин В.М. Генезис права. Методологический и культурологический анализ. М.: NOTA BENE, 2003.
277. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2006.
278. Ростова О.С. Социологический подход к исследованию судебного дискурса // Язык: теория и практика преподавания. Некоторые особенности англо-американского судебного дискурса. Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 2005.
279. Рудковский В.А. Правоприменительная политика // Российская правовая политика. М., 2003. С. 205.
280. Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып.1. Изд. дом «Дискурс-Пи». 2006. С.153.
281. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / Сост. И. Потапчук. Тула: Автограф, 1997.
282. Саликов М.С. О сущности правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский юридический журнал. 2003. № 1.С.15.
283. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилевом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
284. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология. СПб., 2002.
285. Семенюк Э.П. Информационный подход к познанию действительности. Киев, 1988.
286. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.
287. Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996.
288. Система аудиовизуального образования учащихся средней школы / Сост. А.В. Каменец, Е.А.Захарова М.: Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ, НИИ художественного воспитания РАО, 1992.
289. Система советского законодательства. М., 1980.
290. Система советского права и перспективы ее развития // Сов. государство и право. 1982. №6, №7.
291. Скаун О.Ф., Овчаренко Н.И. Юридическая деонтология. Харьков, 1998.
292. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. М.: Статут, 2004.

293. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. М., 1981.
294. Словарь русского языка / Под ред. А.П.Евгеньевой. В 4-х тт. М.: Русский язык, 1981. Т.1.
295. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. Изд. 3-е / Под общ. ред. С.И. Обнорского. М.: Госуд. издательство иностранных и национальных словарей. 1953.
296. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. М.: Русский язык, 1987.
297. Современный словарь иностранных слов. СПб.: «Дуэт», 1994.
298. Соколенко В.М. «Здесь и сейчас» как герменевтическая проблема // Понимание менталитета и текста. Тверь, 1995. С. 3 - 15.
299. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Издательство Михайлова, 2002.
300. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам / Е.Н. Соловова. М.: Просвещение, 2005. 239с.
301. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977.
302. Социалистическое право. М., 1973.
303. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
304. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Язык рус. культуры», 1997. 824 с.
305. Судебник 1497 года // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990.
306. Судебные речи / Автор-составитель М.Ф. Чудаков. М.: Новое знание, 2002.
307. Судебные речи знаменитых русских адвокатов / Сост. и ред. Е. Л. Рожникова. М.: Проспект, 1997.
308. Суслов В.А. Герменевтика права // Правоведение. 2001. № 5. С. 4–12.
309. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр.; Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1988. С. 7 - 13.
310. Сусов И.П. Грамматика говорящего // Актуальные проблемы коммуникативной грамматики. Тула, 2000. С. 130-138.
311. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000.
312. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правоприменение. М.: Российская академия правосудия, 2007.
313. Талалаев А.Н. Договоры с участием международных организаций. Т. 2. Действие и применение договоров. М.: Зерцало, 2009.
314. Тарасов Н.Н. Метод и методологический подход в правоведении: Попытка проблемного анализа // Правоведение. 2001. № 1.
315. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екате-

ринбург: Издательство гуманитарного университета, 2001.

316. Телия В.Н. К проблеме связного значения слов: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995.
317. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2001
318. Теория государства и права / Под ред. С.С.Алексеева. М., 1985.
319. Теория права и государства / Под ред. Г.М. Манова. М., 1996.
320. Теория теории государства и права: Учебно-методический комплекс / Составители: В.Д. Перевалов, А.С. Шабуров, Д.В. Грибанов, Е.А. Белканов. Екатеринбург: УрГЮА, 2006.
321. Тихомиров Ю. Конституция. Закон. Подзаконный акт. М.: Юрид. лит., 1994.
322. Тихомиров Ю.А. Действие закона. М., 1992.
323. Тихомиров Ю.А. Как готовить законы (научно-практическое пособие). М.: Известия, 1993.
324. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М., 1994.
325. Тихомиров Ю.А. Юридическое проектирование: критерии и ошибки // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 7.
326. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, доп. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007.
327. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980.
328. Толмачёва Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 36.
329. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.
330. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
331. Тоффлер А. Футурошок / Пер. с англ. СПб., 1997
332. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998.
333. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений // Российская политическая наука: В 5 т. Т. 5. 1995-2006 г. М.: РОССПЭН, 2008.
334. Урсул А.Д. Проблемы информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975.
335. Ушаков А.А. Очерки законодательной стилистики. Пермь, 1967;
336. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
337. Фадеева Л.А. Психологические основы политической поддержки региональной власти (на примере Пермской области) // Российская политическая наука: В 5 т. Т.5. 1995-2006 г. М.: РОССПЭН, 2008.
338. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004.
339. Философия права Гегеля и современность. М.: Наука, 1977.
340. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
341. Фихте И.Г. Сочинения: В 2 т. Т. 2. СПб., 1993.
342. Формановская, Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. 2000. № 1. С. 56-63.

343. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М.: Аспект пресс, 2000.
344. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
345. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
346. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
347. Фукуяма Ф. Доверие. М., 2004.
348. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
349. Хабибуллин А.Г., Чернобель Г.Т. Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права. 2008. № 5. С.24.
350. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 2001.
351. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
352. Халфина Р. О. Методологический аспект теории правоотношений // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 23—24.
353. Халфина Р.О. Закон в переходный период: опыт современной России // Гос-во и право. 1995. № 10.
354. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974.
355. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Опыт определения игрового элемента культуры. М., 1992.
356. Хлевова Ю.А. Типы модальных значений // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 7. 1999. URL: http://www.amursu.ru/vestnik/7/9_7_99.html.
357. Хэллидей М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М.: Мысль, 1978.
358. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.
359. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. М.: Юридическая литература, 1979.
360. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 1999.
361. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996.
362. Черкасов К.В. Ещё раз о назначении глав регионов или о повышении эффективности функционирования территориальных органов Президентской вертикали власти в ракурсе административной реформы // Российская юстиция. 2007. № 12.
363. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.
364. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.
365. Чиркин В.Е. Реформа российской Конституции: этапы и проблемы // Общественные науки и современности. 2000. № 5. С.54.
366. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.
367. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М., 2005.

368. Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л.: ЛГУ, 1959.
369. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Прогресс, 1983.
370. Шестаков Д. А. Криминология: Краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб.: «Лань», 2001.
371. Шугрина Е. С. Муниципальное право: Учебник. М., 1999.
372. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1986.
373. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
374. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006.
375. Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998.
376. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
377. Эпистемология и философия науки. Т.Х. 2006. №4.
378. Юзвизин И.И. Основы информатиологии. М., 2000.
379. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Сов. энциклопедия, 1984.
380. Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.
381. Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976.
382. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1993.
383. Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
384. Язык: теория и практика преподавания. Некоторые особенности англо-американского судебного дискурса. Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 2005.
385. Яновская С.А. Методологические проблемы науки. М.: УРСС, КомКнига, 2006.
386. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
387. Chomsky N. Aspects on the theory of syntax. Cambridge-Massachusetts: The MIT Press, 1965.
388. Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1996.
389. Hodge R., Kress G. Language as Ideology, 1993.
390. Hymes D. H. Essays in the history of linguistic anthropology. Amsterdam-Philadelphia: Benjamins, 1983.
391. Lewis D. Convention. A philosophical study. Cambridge, 1969.
392. Perelman Ch. Justice, Law and Argument / Essays on Moral and Legal Reasoning. Dordrecht: Holland / Boston: USA / London: England, 1978. P. 101.
393. Probert W. Law, language and communication. Springfield, 1972.
394. Van Leeuwen, T.J. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. N.Y.: Oxford University Press, 2008.
395. Welber, David E. Positionen der Literaturwissenschaft. Acht Modellanalysen am Beispiel von Kleists «Das Erdbeben in Chill». Munich: Beck, 1987. S.38.

* * *

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Дис. ...д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2003. 653 с.
2. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис... д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2003.
3. Бойко Л.М. Законодательная техника: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ташкент, 1984.
4. Босов А.Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 26 с.
5. Гавриш Г.Б. Неоевразийский проект политико-правовой модернизации российской государственности: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д., 2003. 23 с.
6. Горбачева Е.В. Политический дискурс как механизм формирования гражданско-правовых отношений: Автореф. дис....канд. полит. наук. М., 2007. 31 с.
7. Карпук Г.В. Контактостанавливающая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американских адвокатов): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 2006. 20 с.
8. Кожемякин Е.А. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2009. 40 с.
9. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.
10. Кумышева М.К. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов: проблемы систематизации и оптимизации: Дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д., 1998.
11. Кучумова Е.В. Формирование правового дискурса в российской культуре конца XX века: Дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2003. 189 с.
12. Малых Е. Г. Проблемы преюдиции в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. 27 с.
13. Овчинников А. И. Правовое мышление: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2004. 48 с.
14. Овчинников Г.Н. Закономерности развития и функционирования права: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Л., 1979.
15. Пантыкина М.И. Феноменология правовой жизни: методология и социально-философский аспект исследования: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2010. 46 с.
16. Петрук К.С. Семантико-синтаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 18 с.

17. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: семантический и прагматический аспект: Автореф. дис ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 20 с.
18. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): Дис. ...д-ра юр. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002.
19. Свинин Е. В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности: Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Владимир, 2006. 25 с.
20. Скиндрев Р.В. Объективное и субъективное в праве: Автореф. дис....канд. юр. наук. Екатеринбург, 2006. 28 с.
21. Скуратовская Т.А. Аргументация в американском судебном дискурсе (на материале справ с участием суда присяжных): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 2002. 20 с. – укр.
22. Солдатов А. С. Право как инструмент социального управления (информационный аспект): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2002. 20 с.
23. Толкунова Е.Г. Семантическое описание современных русских рекламных текстов (суггестологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
24. Тютюнова О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 15 с.
25. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в юридической практике: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2005.
26. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 49 с.
27. Хабибуллина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона (Теоретико-методологическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Санкт-Петербург, 2001.
28. Чулюкин И. Л. Социальные конфликты и применение права: Автореф. дис. ...канд. юр. наук. Казань. 2001. 32 с.
29. Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: Теоретико-правовой аспект: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2003.
30. Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского дискурса (на материале решений Верховного суда США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

* * *

Наталья Геннадьевна Храмцова

**Дискурс-правовой анализ: от теории к практике
применения**

Монография

Редактор Н.А.Леготина

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60*84 1/16
Усл.-печ. л. 11,25
Тираж

Бумага тип № 1
Уч.-изд. л. 11,25
Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.